

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

МГПУ

Международное научное издание
№3/2018

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2018 г. Том 9. № 3

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.

Включен в базу Web of Science

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,

В.А. Лабунская, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,

Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),

Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),

Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),

Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),

А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Предисловие редакторов тематического выпуска <i>О.Т. Мельникова, Д.А. Хорошилов</i>	7
--	---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема концептуализации контекста в современной психологии <i>Н.В. Гришина</i>	10
Качественные методы в социальной и клинической психологии: пролегомены к междисциплинарному диалогу <i>Д.А. Хорошилов, Е.Ю. Балашова</i>	21
Психоанализ вне клиники: перспектива психосоциальных исследований <i>Н.П. Бусыгина</i>	31
Визуальные методы в социально-психологическом исследовании <i>О.Т. Мельникова, А.С. Мезенцева</i>	42
Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта <i>Е.О. Гольничик</i>	53
Использование различных стратегий «смешанных методов» в диагностике организационной культуры <i>С.А. Литатов</i>	62
Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире <i>Г.У. Солдатова</i>	71

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия <i>Е.Б. Шестопал</i>	81
Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» <i>В.А. Лабунская, Г.В. Сериков</i>	91
Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека <i>Т.А. Шкурко</i>	104
Глубинная герменевтика в визуальном анализе (на примере фильма В. Аллена «Зелиг») <i>Е.Т. Соколова, Д.А. Хорошилов</i>	118
Инструментарий исследования уровней и компонентов внутригрупповой аттракции в производственных группах <i>А.В. Сидоренков, О.Ю. Шипитько</i>	127
Адаптация диагностического инструментария: опросник «Проактивный копинг» <i>Е.П. Белинская, А.В. Вечерин</i>	137

Разработка опросника «Социальное вмешательство и контроль» (СВК) для исследования статических составляющих тоталитарности в религиозных группах <i>В. Елкин (Елкинс)</i>	146
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Комплексное исследование коллективных переживаний социальных проблем: количественные и качественно-количественные методы <i>Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева</i>	166
ИмPLICITный ассоциативный «Я-Концепт» тест в исследовании когниций, связанных с насилием <i>И. Плотка, Л. Шимане-Виганте, Н. Блюменау</i>	176
Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы <i>О.А. Тихомандрицкая, О.Т. Мельникова</i>	187
Дифференциация образов высокостатусного и низкостатусного человека у молодежи <i>Т.В. Фоломеева, С.В. Федотова</i>	197
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Проще простого. Как не надо относиться к статистике <i>А.Н. Кричевец</i>	208
К юбилею В.В. Рубцова	213

CONTENTS

EDITORIAL

Preface by the editors of the special issue

O.T. Mel'nikova, D.A. Khoroshilov 7

THEORETICAL RESEARCH

The problem of the conceptualization of context in modern psychology

N.V. Grishina 10

Qualitative methods in social and clinical psychology:
prolegomena to interdisciplinary dialogue

D.A. Khoroshilov, E.Yu. Balashova 21

Psychoanalysis outside the clinic: an approach of psychosocial studies

N.P. Busygina 31

Visual methods in socio-psychological research

O.T. Mel'nikova, A.S. Mezentseva 42

Potential of qualitative methods in the modern research
of conflict perception

E.O. Golynchik 53

Use of various strategies of mixed methods research
in organizational culture diagnosis

S.A. Lipatov 62

Digital socialization in the cultural-historical paradigm:
a changing child in a changing world

G.U. Soldatova 71

METHODOLOGICAL TOOLS

Psychological methods in political perception studies

E.B. Shestopal 81

Theoretical foundations and methodological approaches
to the study of the phenomenon the «value of appearance»

V.A. Labunskaya, G.V. Serikov 91

"Photo-video presentation of physical appearance" as a method
of a person's perceived age studying

T.A. Shkurko 104

Deep hermeneutics in visual analysis
(on an example of W. Allen's movie Zelig)

E.T. Sokolova, D.A. Khoroshilov 118

Research instrumentation for studying levels and components
of intra-group attraction in work groups

A.V. Sidorenkov, O.Yu. Shipitko 127

Adaptation of "Proactive coping inventory»

E.P. Belinskaya, A.V. Vecherin 137

Creation of the questionnaire "Social intervention and control (SIC)"
for researching static components of totalitarianism in religious groups

V. Yolkin 146

EMPIRICAL RESEARCH

Integrated research of collective feelings for social problems:
quantitative and qualitative-quantitative methods
T.P. Emelyanova, T.V. Drobysheva 166

Implicit association Self-concept test in studying
of violence-related cognitions
I. Plotka, L. Simane-Vigante, N. Blumenau 176

Research of the problem of "masculinity crisis" in the gender picture
of the world of modern youth by the focus group method
O.A. Tichomahritskaya, O.T. Mel'nikova 187

Images differentiation of high status and low status person
among young people
T.V. Folomeeva, S.V. Fedotova 197

DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

Easy as pie. How not to treat statistics
A.N. Krichevets 208

On the jubilee of Vitaly V. Rubtsov 213

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Предисловие редакторов тематического выпуска

Preface by the editors of the special issue

Предлагаемый читателям выпуск журнала «Социальная психология и общество» посвящен одной из наиболее актуальных научных тем, а именно теории, методологии и методам исследования социальных явлений. Сегодня в распоряжении психологов имеется достаточно широкий репертуар стратегий для анализа феноменологии и закономерностей развития общества. Предваряя статьи этого номера, в которых обсуждаются наиболее перспективные методы и направления социально-психологических исследований, нам следует сказать несколько слов о современном понимании метода как такового.

Проблема метода исследования константна на протяжении всей истории психологии и по-разному ставилась в ее внутридисциплинарных предметных разделах: психологии личности, социальной и клинической психологии — этот перечень можно продолжать на многие страницы. В современных работах по методологии психологии считается общепринятым тезис, согласно которому исследовательский метод определяет то, что мы считаем фактом и предметной сферой изучения той или иной науки. Метафора «оптики» применительно к методам не случайна — исследовательская стратегия или подход задает точку зрения, режим или перспективу видения и интерпретации окружающего мира, а критическая рефлексия методологических позиций и экспликация решения о выборе конкретного инструментария может считаться одной из важнейших компетенций профессионального психолога — равно как и исследователя, и практика, чья первоочередная задача заключается прежде всего в том, чтобы обосновать адекватность используемой теоретической методологии, методов сбора и анализа данных поставленным целям и задачам.

В современной социальной психологии отходят на второй план или даже преодолеваются традиционные классификации исследовательских методов: например,

Для цитаты:

Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Предисловие редакторов тематического выпуска // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 7–9. doi:10.17759/sps.2018090301

For citation:

Mel'nikova O.T., Khoroshilov D.A. Preface by the editors of the special issue. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 7–9. doi:10.17759/sps.2018090301 (In Russ., abstr. in Engl.).

качественные и количественные методы все чаще объединяются в «смешанные» исследовательские подходы, методы диагностики, воздействия и консультирования рассматриваются в единообразном комплексе. Психолог не имеет права ограничивать собственные действия одним исследовательским инструментом — он прагматически объединяет различные стратегии познания, т. е. совершает *методологическую триангуляцию*, если воспользоваться этим хрестоматийным понятием. Сохраняет актуальность программа исследования действием, восходящая к научной школе К. Левина, что обусловлено, как нам представляется, стремлением социальной психологии не только описать или объяснить положение человека в обществе и культуре, но и преобразовать или изменить его — принципиальный тезис о включенности психологии в контекст социальных изменений и проблем отстаивала в своих работах Г.М. Андреева, которая внесла весьма значительный вклад в формирование методологической культуры психологов и социологов в нашей стране.

Кроме того, следует обратить внимание на следующее обстоятельство: в отечественной науке обсуждение методологических вопросов предполагает не только разработку конкретных исследовательских стратегий, но и анализ их общих эпистемологических оснований (отсюда происходит и классическое различие четырех понятий — методологии, методов, методик и техник). Таким образом, говоря о проблеме метода в психологии, мы вместе с авторами этого специального выпуска журнала «Социальная психология и общество» считаем необходимым принять ее максимально широкое определение, включающее в себя два аспекта: собственно *методологический* и конкретно-*методический*.

Теперь — о тематике статей. В номере можно выделить несколько содержательных блоков, представляющих различные направления развития методологии и методов социально-психологических исследований. Авторы статей демонстрируют, что психология — наука полипарадигмальная и трансдисциплинарная, которая интегрирует исследовательские стратегии и подходы в поиске множества ответов на фундаментальный вопрос о том, как изменяются психика и познание человека в истории, обществе, культуре и искусстве наступившего XXI столетия.

Номер открывают статьи, посвященные *методологическим инновациям в исследовательских практиках психологии*. Обсуждаемые перспективы — это концептуализация изменяющегося контекста современности (Н.В. Гришина), междисциплинарное взаимодействие социальной и клинической психологии (Д.А. Хорошилов, Е.Ю. Балашова, Н.П. Бусыгина), визуальные исследования (О.Т. Мельникова, А.С. Мезенцева). Большое внимание уделяется дизайнам, объединяющим качественные и количественные подходы в психологических исследованиях социальных конфликтов (Е.О. Голынчик), организационной культуры (С.А. Липатов) и цифровой социализации (Г.У. Солдатова). Следует подчеркнуть, что «смешанные» исследования представляют заметный тренд в психологии как в России, так и за рубежом.

В следующем тематическом блоке номера рассматриваются *конкретные методы социально-психологических исследований* политики (Е.Б. Шестопал), восприятия внешности партнеров по общению (В.А. Лабунская, Г.В. Сериков) и внутригрупповой аттракции (А.В. Сидоренков, О.Ю. Шипитько). Особое место, как и в первой методологической части номера, занимают визуальные методы с использованием

фотографии, видео и кинематографа (Т.А. Шкурко, Е.Т. Соколова, Д.А. Хорошилов). Также представлены разработки и адаптации традиционных опросников (Е.П. Белинская, А.В. Вечерин, В.П. Елкинс).

Третий раздел номера — это *эмпирические исследования трансформаций современного общества*, реализующие обозначенные ранее методологические дизайны в изучении таких предметных сфер, как коллективные переживания социальных проблем (Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева), гендерная картина мира (О.А. Тихомандрицкая, О.Т. Мельникова) и социальный статус россиян (Т.В. Фоломеева, С.В. Федотова). В англоязычной статье коллег из Латвии (г. Рига) демонстрируются возможности имплицитного ассоциативного теста в анализе когниций о насилии (И. Плотка, Л. Шимане-Виганте, Н. Блюменау), что является одной из наиболее острых и дискутируемых тем в академическом и медиадискурсе. Наконец, завершает номер журнала статья А.Н. Кричевца, проблематизирующая роль статистики в психологических исследованиях. Во всех статьях предлагаются нетривиальные интерпретации сложных проблем, касающихся методологии и методов исследования в психологии, которые, надеемся, будут интересны и нашим читателям.

Подведем итоги: очевидно, что социальная психология на актуальном этапе ее развития имеет разнообразный инструментарий научных концептов и методов, эвристичных в анализе «изменяющегося человека в изменяющемся мире» (эта метафора в вариациях используется почти всеми авторами номера), что легко доказывается теоретическими и эмпирическими исследованиями на страницах этого выпуска журнала «Социальная психология и общество». Мы желаем приятного и, главное, познавательного чтения!

*О.Т. Мельникова**,
*Д.А. Хорошилов***

* *Мельникова Ольга Тимофеевна* — доктор психологических наук, профессор, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, melnikova-o@yandex.ru

** *Хорошилов Дмитрий Александрович* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, d.khoroshilov@gmail.com

Mel'nikova Olga T. — PhD in Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, melnikova-o@yandex.ru

Khoroshilov Dmitry A. — PhD in Psychology, Senior Research Associate, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, d.khoroshilov@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Проблема концептуализации контекста в современной психологии

Н.В. ГРИШИНА*,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Санкт-Петербург, Россия,
n.v.grishina@spbu.ru, grinat07@gmail.com

Для современной психологии характерен интерес к теме контекста, в основе которого — растущее влияние факторов изменяющейся реальности. В связи с этим актуальной является задача концептуализации контекста как выделения базовых единиц его описания. Современная психология исходит из многомерности мира существования человека. В статье описываются ситуационный, жизненный и бытийный контексты, представленные в разных областях психологии. Ситуационный контекст имеет наиболее давние традиции своего описания в психологии, связанные с поиском объяснительных моделей соотношения ситуационных и личностных детерминант поведения человека. В исследованиях ситуационного уровня реальность редуцируется до отдельной ситуации, понятие ситуации является базовым концептом в описании взаимодействия человека с окружающим миром. Описания жизненного контекста в психологии представлены двумя областями: описаниями мира повседневности человека и его жизненного пути; в качестве единиц их анализа, соответственно, предлагается рассматривать концепты социальной ситуации и жизненного пространства человека. Бытийный контекст, не сводимый к жизненному пути человека и его повседневности, в отечественной психологии является предметом внимания в психологии человеческого бытия и экзистенциальной психологии. Единицей описания бытийного уровня может выступить концепт жизненного мира.

Ключевые слова: контекст, уровни контекста, ситуация, социальная ситуация, жизненное пространство, жизненный мир.

Для цитаты:

Гришина Н.В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20. doi:10.17759/sps.2018090302

* Гришина Наталья Владимировна — доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, n.v.grishina@spbu.ru, grinat07@gmail.com

Одной из примечательных тенденций развития психологической науки XXI в. является усиление внимания к проблематике контекста.

Понятие контекста, первоначально появляясь в исследованиях текстов, постепенно приобретает терминологический статус в широком проблемном поле гуманитарных наук. В психологии, как отмечается в литературе, понятие контекста используется скорее как вспомогательное понятие, не имеющее самостоятельного объяснительного статуса. Однако внимание к теме контекста в психологии заметно усиливается: фактором, который превращает интерес к изучению контекста и рост числа посвященных ему исследований в один из трендов современной психологии, стали изменения реальности последних десятилетий. Основная функция контекста, выделяемая в рамках его описания в гуманитарных науках, — это смыслообразование, что не просто стимулирует интерес психологии к его описанию в психологии, но и создает перспективу его развития в одну из базовых категорий современной психологической науки.

В связи с этим актуальной является задача концептуализации контекста как выделения базовых единиц его описания.

Современная психология исходит из многомерности мира существования человека, что предполагает поиск способов его описания и соответствующей этой многомерности вариативности возможных форм взаимодействия человека с окружающим миром. В связи с разработкой проблем психологии понимания В.В. Знаков отмечает, что разным уровням реальностей существования человека соответствуют разные исследовательские подходы; при этом он исходит из трех типов реальностей существования

человека — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной, каждая из которых описывается через свои способы, формы и типы понимания [3].

Выделение этих типов реальностей при различии отдельных формулировок является достаточно принятым в гуманитарной литературе. На основе анализа сложившихся в психологии традиций и представления об уровневой структуре личностной феноменологии при описании проблемных полей современной психологии личности нами было выделено три контекста существования человека — ситуационный, жизненный и бытийный. Кроме этого в описании структуры многомерного мира человека помимо различных контекстуальных уровней могут быть выделены феномены, одновременно принадлежащие разным уровням, образующие своего рода переходную зону между разными уровнями [2].

Ситуационный контекст — это базовый уровень, уровень непосредственной среды существования человека; уровень жизненного контекста описывает мир повседневной жизни человека; бытийный уровень отражает существование человека в мире в его экзистенциальных данностях (см. табл.).

Признание множественности контекстов существования человека ставит задачу методологии их изучения и выделения концептуальных единиц, адекватных описанию каждого из контекстов.

Ситуационный контекст

Фундаментальная методологическая проблема, связанная с описанием взаимодействия человека и среды, состоит в том, как соотносится объективный «внеш-

Концептуализация контекста

Уровни контекста	Область психологии	Концепт описания
Ситуационный контекст	Психология среды	Концепт «ситуация»
Переходная зона: критические ситуации		
Жизненный контекст	Психология повседневности	Концепт «социальная ситуация»
	Психология жизненного пути	Концепт «жизненное пространство»
Переходная зона: пограничные ситуации		
Бытийный контекст	Психология человеческого бытия	Концепт «жизненный мир»
	Экзистенциальная психология	

ний» мир и субъективный «внутренний» мир человека, как происходит отражение «объективного» в «субъективном», как соединить в описании контекста существования человека объективные факторы его жизни и их субъективное восприятие и переживание человеком.

Традиционная оппозиция «личность — среда» в свое время была преодолена благодаря методологическим идеям К. Левина (предложившего концепт «жизненное пространство»), У. Томаса (концепт «определение ситуации») и Л. Выготского (предложившего рассматривать «переживание» в качестве единицы описания взаимоотношений личности и среды).

Первые попытки описания и концептуализации прямых связей между поведением человека и условиями (воздействиями) среды осуществлялись в рамках бихевиористской парадигмы. На ее основании возникает *психология среды*, изучающая взаимодействие между индивидами и окружающей естественной и искусственной средой, которая изначально формируется как поведенческое направление, измеряющее когнитивные и поведенческие ответы людей на характеристики среды, описываемой

через физические, природные, социальные объекты [10]. Среда является предметом изучения ряда социальных и гуманитарных дисциплин, а ее исследование представляет очевидный интерес, не только научный, но и практический. Психологии принадлежит важная роль в развитии данной проблематики, однако, имея сильные междисциплинарные связи с другими изучающими среду дисциплинами, психология среды недостаточно интегрирована в общее пространство психологической науки.

В психологической науке, прежде всего в эмпирических и экспериментальных исследованиях, понятие среды фактически оказалось редуцировано до конкретной, непосредственной ситуации существования человека.

Базовым концептом в описании взаимодействия человека с окружающим миром является *понятие ситуации*. Именно взаимодействие человека с ситуацией становится первым предметом концептуализации в описаниях контекста существования человека. Х. Хеккаузен систематизировал представления в этой области, выделив четыре объяснительные модели взаимодействия человека с ситуацией: личностно-центрированный подход, выводящий

поведение человека из его личностных особенностей; ситуационно-ориентированный подход, делающий акцент на особенностях ситуации; модель взаимодействия индивида с ситуацией, фокусирующая внимание на процессе этого взаимодействия; описание поведения через влияние ограничивающих характеристик ситуации («возможности деятельности») [8].

Г. Вебстер провел статистическое исследование частоты публикаций последних десятилетий, связанных с дискуссией о соотношении личностных и ситуационных переменных в поведении человека. Его результаты свидетельствуют о резком возрастании числа публикаций в данной области; при этом самый сильный рост обнаруживают публикации, посвященные моделям личностно-ситуационного взаимодействия, объединяющим личностный и ситуационный подходы, что позволило автору сделать оптимистический прогноз относительно прогресса в этой области [16].

Однако, несмотря на интерес к данной тематике и длительную традицию ее изучения и разработки, полемика вокруг соотношения ситуационных и личностных параметров в детерминации поведения человека возникает вновь и вновь, что связано с фундаментальным значением данной проблемы для психологической науки.

Так, недавний номер журнала *Journal of Personality* (2018) (вышедший под примечательным названием «Статус концепта черт в современной психологии личности: сохраняют ли еще старые вопросы свою остроту») посвящен обсуждению диспозиционального подхода к пониманию поведения человека. По мнению редакторов номера, теория черт сохраняет статус важнейшей научной объяснительной и исследовательской

модели. Статьи номера свидетельствуют о стремлении авторов работать над совершенствованием традиционной парадигмы в психологии личности, фокусирующей внимание на устойчивости основных личностных структур, имеющих трансситуационный характер [13].

Данный подход сохраняет свою силу в эмпирических исследованиях. При этом личностные диспозиции, или черты, представляют собой стабильные измерения человеческой индивидуальности, имеющие внеситуативный, внеконтекстуальный характер. В свое время работы в этой области позволили обогатить психологию разнообразными возможностями сравнительного анализа, но в современной психологии все более осознается несостоятельность данного подхода при попытках описывать психологическую феноменологию отдельной уникальной личности [12]. Более того, в силу тесных связей индивида с контекстом, его объектами и событиями отмечается ограниченность изучения индивида вне контекста и контекста вне индивида [15].

Далее, обсуждая ограничения традиционных подходов в изучении взаимоотношений человека с контекстом своего существования, стоит уточнить, что эмпирические исследования взаимодействия человека с ситуацией по преимуществу ограничивались отдельными характеристиками человека, психическими процессами и состояниями (опять же как следствие традиционного рассмотрения личности как совокупности стабильных внеситуационных характеристик), что не отвечает реальности живого существования человека в мире. В своем «психологическом бытии» человек выступает как целостность, как безусловное единство всех его характеристик, что требует обращения к интегральным психологическим понятиям.

Также необходимо заметить, что в традиционных исследованиях поведение человека явно или неявно рассматривается как следующее «постулату схожести», в соответствии с которым его активность имеет индивидуально-адаптивный характер [6]. Это прежде всего относится к привычному контексту, предъявляющему понятные требования и предлагающему готовые, опробованные способы поведения. Однако традиционного рассмотрения личностных и ситуационных характеристик недостаточно, когда ситуации выходят за рамки обычного и возникает необходимость иных способов реагирования.

В заключение стоит заметить, что в исследованиях ситуационного уровня реальность редуцируется до конкретной ситуации «здесь-и-теперь», существование которой в чистом виде, лишенном более широкого контекста, вызывает сомнения. Основная функция контекста — смыслообразующая, именно он придает смысл каждой конкретной ситуации, обеспечивая связность и трансситуационную последовательность поведения. Соответственно, понимание каждой отдельной ситуации требует обращения к более широкому — в данном случае ситуационному — контексту.

Особым видом ситуаций являются жизненные ситуации, которые, одновременно присутствуя в ситуационном и жизненном контекстах, являются своего рода переходной зоной между ними. Ситуации — прежде всего критические — становятся для человека вызовом, заставляющим его выходить за рамки привычного. Выход за пределы наличной актуальной ситуации, необходимость ориентации в новых, незнакомых или неопределенных ситуациях, используемые стратегии преодоления критических ситуаций расширя-

ют репертуар стратегий поведения человека, создавая новые последовательности и паттерны поведения, интегрируемые в его жизненный стиль и тем самым входящие в его жизненный контекст.

Жизненный контекст

Жизненный контекст — это социокультурный мир и повседневная реальность существования человека. Соответственно, психологическое описание жизненного контекста должно отражать оба эти аспекта и может быть конкретизировано в понятиях социокультурной ситуации как единицы описания социокультурной реальности и в понятии жизненного пространства как единицы описания реальности отдельного человека.

Тематически проблематика жизненного контекста представлена в двух областях: традиционном для отечественной психологии изучении жизненного пути человека и относительно новой оформляющейся области — *психологии повседневности*.

Повседневность — пространство стратегий жизнедеятельности человека, позволяющих поддерживать идентичность, связность жизненного пути, уменьшать неопределенность и тем самым справляться с ситуацией транзитивности [4]. Особая актуальность разработки тематики повседневности связана с тем, что именно повседневная реальность образует проблемное поле, отвечающее запросу изучения «изменяющегося человека в изменяющемся мире».

Повседневный жизненный контекст человека — это мир его социального взаимодействия, поэтому одно из направлений изучения повседневности — это исследование практик взаимодействия

людей в социальных ситуациях. Соответственно, единицей описания жизненного контекста будет **социальная ситуация** как ситуация социокультурного взаимодействия.

Социальная ситуация может рассматриваться как единица повседневной реальности жизни человека, поскольку она отвечает ее основным признакам, описанным, в частности, П. Бергером и Т. Лукманом [1]. Социальная ситуация имеет интерсубъективный характер, в ее основе — постоянное взаимодействие и общение людей; она наделена объективированностью, конституируемой внешне данными реалиями; социальная ситуация имеет упорядоченный характер, ее структура и динамика определяются принятыми социальными нормами и правилами; социальная ситуация как единица повседневности основана на разделяемом ее участниками знании, необходимым условием их согласованного взаимодействия является общее понимание реальности. Активная разработка данной тематики началась в 80-х гг. прошлого века, прежде всего в рамках интеракционистской традиции. Описаны возможные подходы к исследованию социальных ситуаций, различающиеся исходными теоретическими позициями и задачами исследований. Предложен ряд таксономий социальных ситуаций, выделены их характеристики как потенциальная основа описания ситуаций [9; 14]. Нерешенными, однако, остаются проблемы способов описания социальных ситуаций, в частности соединения их объективных характеристик с субъективным опытом их восприятия и переживания участниками социального взаимодействия. Приходится признать, что накопленный в области изучения социальных ситуаций материал фактически не интегрирован психологической на-

укой. Возможно, происходящее в настоящее время интенсивное оформление области психологии повседневности усилит интерес к данной тематике.

Психология жизненного пути человека, в которой также представлена тематика жизненного контекста человека, напротив, одна из традиционных областей психологических исследований. Сформировано несколько подходов к изучению жизненного пути и накоплен значительный опыт его эмпирических исследований. В современной психологии популярность приобретает понятие жизненного сценария, подчеркивающее активность самого человека в выстраивании своей жизни.

Основная методологическая трудность в исследованиях жизненного пути — как и в других исследованиях контекста — связана с тем, как объединить личностные переменные с факторами ситуации (среды, контекста), как связать воедино особенности человека во всей полноте его индивидуальности и факторы контекста с его влияниями и вызовами к человеку.

Жизненный путь, или жизненный сценарий, человека — это не только изменения во времени, но и существование «здесь-и-сейчас» в интегрированности человека в контекст существования. В качестве единицы его описания может рассматриваться концепт «жизненное пространство», предложенный К. Левином.

Концепт жизненного пространства объединяет личность и ее ситуацию в общую единицу описания. Поведение человека становится результатом реализации им его актуальных возможностей в данном конкретном жизненном пространстве. Личность и ситуация — это не две разные сущности, а единое целое, потому что ситуация фактически становит-

ся тем, что она есть («психологической ситуацией»), только благодаря личности, а личность в данный момент такова, какова ее ситуация, потому что всякая ее потребность непременно образом связана с ситуацией. Психологическое жизненное пространство характеризуется К. Левином как *множество возможных событий*. Каждое изменение психологической ситуации означает, что определенные события, которые прежде были «невозможны» (или «возможны»), теперь являются «возможными» (или «невозможными»). И тогда задачей научной психологии становится понимание того, почему именно это поведение имеет место, а фокус интереса смещается от объектов к процессам, от состояний к изменениям состояния.

К. Левином сформулированы принципы описания жизненного пространства, его структура, характеристики, изменения во времени [11]. Концепт жизненного пространства обладает большим эвристическим потенциалом, не в полной мере использованным современной психологией.

За пределами привычного жизненного контекста, за его «границами» находятся пограничные ситуации — ситуации, находящиеся «на границе» привычного и бытийного уровней существования. К пограничным ситуациям (эта формулировка в свое время была предложена К. Ясперсом) относят ситуации потрясений, вызванных драматическими событиями жизни человека — страданиями, жизненными утратами, переживаемым тяжелым чувством вины и др. Погораничной для человека ситуацией может стать и опыт вершинных, пиковых переживаний, экзистенциальный, трансцендентный опыт, так называемый *reak-experience*.

Погораничные ситуации «освобождают» человека от «пут» повседневности,

привычных условностей и каждодневных забот. Опыт проживания пограничных ситуаций способствует «пробуждению для экзистенции» (Ясперс), выходу в пространство подлинного существования человека. Погораничные ситуации образуют переходный уровень между жизненным и бытийным контекстами, их проживание выводит человека в плоскость бытийного существования.

Бытийный контекст

Бытийный контекст, интерес к которому характерен прежде всего для отечественной психологии, впервые был обозначен как мир жизни человека в работах С.Л. Рубинштейна. Принципиальным в его понимании является обозначение бытийного уровня как не сводимого к жизненному пути человека, он, по Рубинштейну, представляет собой выход человека «из полной поглощенности непосредственным процессом жизни» [7].

Бытийный контекст наиболее отделен от обыденного сознания человека, он относится к «вершинной» психологии и часто заглушается повседневной жизнедеятельностью человека. Вместе с тем бытийный контекст так же реален, как и привычные ситуационный и жизненный контексты. Феноменология бытийного уровня — это поиск смысла жизни, осознание своей свободы и ответственности, осознание конечности жизни и др. Человек существует в мире и в единении с окружающим миром. Процесс становления человеческой личности — это трансформация всеобщего бытия, универсума в персональное бытие, собственный жизненный мир человека.

Феноменология бытийного уровня в отечественной психологии представлена в

двух областях — психологии человеческого бытия и экзистенциальной психологии.

Психология человеческого бытия продолжает идеи онтологии человеческой жизни С.Л. Рубинштейна. По С.Л. Рубинштейну, «анализ отношения человека к миру должен идти сначала не в плане психологическом и субъективно-этическом, а в онтологическом, что и предполагает раскрытие способа существования человека в мире» [7, с. 357]. Развитие человека, его становление Рубинштейн описывает как «возникновение все более высоко организованных и качественно новых уровней бытия». В этом смысле жизнь — это не просто путь в плоскости движения к новым горизонтам, но и развитие «по вертикали», движение жизни «по восходящей». Это «возвышение жизни», ее возвышенный план предполагает свободу человека, его способность отстаивать высшие смыслы жизни вопреки всему.

Психология человеческого бытия получает свое дальнейшее развитие в идеях психологии субъекта А.В. Брушлинского, в работах В.В. Знакова, других его учеников и последователей. В настоящее время идет интенсивное развитие психологии человеческого бытия, формирование ее теоретико-методологических оснований, оформление проблемного поля и ее понятийного аппарата.

Экзистенциальная психология — это область психологии, изучающая взаимоотношения человека с жизненным миром, его отношение к фундаментальным проблемам человеческого существования, психологическое бытие человека, осуществляемое через бытие-в-мире, через диалог с миром. В центре ее внимания — сущностные дилеммы и глобальные вопросы жизни человека, жизнь человека в неразрывной связи с миром, с

его вечными вопросами о смысле жизни, свободе и ответственности, о смерти и одиночестве, надежде и отчаянии.

В качестве единицы описания бытийного контекста может рассматриваться **концепт «жизненный мир»**.

Понятие жизненного мира впервые появляется в работах Э. Гуссерля в качестве «человеческого» понятия, противопоставленного пониманию мира в естественных науках. Это понятие привлекает внимание многих ученых XX в., в работах которых развивается его символическое понимание как своего рода резервуара символов и значений, интерпретаций и культурных традиций. Жизненный мир — это мир субъекта, мир его повседневной жизни. Он познается через понимание, в отличие от объяснительных схем естественных наук. В то же время именно понимание жизненного мира является ключом к пониманию поведения и деятельности человека.

В научный дискурс отечественной психологии понятие «мир» было введено С.Л. Рубинштейном. Еще в своих ранних работах («Бытие и сознание») он анализирует соотношение не просто бытия и сознания, но бытия и человека, его действительное отношение к бытию.

Жизненный мир — это обобщенная психологическая характеристика, интегрирующая смыслы, ценности, направленность человеческой жизни в их неразрывной связи с реальным бытием. Она описывает именно ту реальность, которая в настоящее время начинает активно исследоваться психологами. По мнению специалистов, данный конструкт обладает высоким эвристическим потенциалом и именно благодаря работам психологов экзистенциального направления имеет перспективы интеграции в понятийный аппарат психологии [5].

Заключение

Предложенная концептуализация контекстов существования человека нуждается в дальнейшей разработке. В частности, наряду с уточнением понятий «ситуация», «социальная ситуация», «жизненное пространство» и «жизненный мир» как единиц описания контекста существования человека важным является вопрос о соотношении этих понятий.

Проведенный анализ подтверждает, на наш взгляд, необходимость развития исследовательских подходов и способов описания многомерного мира контекстов существования человека. Сегодня эти контексты представлены работами в разных областях психологии, слабо связанными между собой. Их интеграция в целостное описание мира существования человека может рассматриваться как перспектива развития теоретических и методологических идей в данном проблемном поле.

Финансирование

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00703.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-центр, Медиум, 1995. 334 с.
2. Гришина Н.В., Костромина С.Н., Мироненко И.А. Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.
3. Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016. 488 с.
4. Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 5.03.2018).
5. Меньшикова Л.В., Левченко Е.В. Об истории становления понятия «жизненный мир» в психологии // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2015. № 2. С. 4–9.
6. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
7. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003. 512 с.
8. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. 408 с.
9. Argyle M., Furnham A., Graham J. Social Situations. Cambridge univ. press. 1981. 407 p.
10. Environmental Psychology: An Introduction / Ed. by L. Steg, A. van den Berg, J. de Groot. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2013. 376 p.
11. Field Theory in Social Science / Ed. by D. Cartwright. New York, 1963. 346 p.
12. Giordano P. Individual personality is best understood as process, not structure: A Confucian-inspired perspective // Culture and Psychology. 2017. Vol. 23. Is. 4. P. 502–518. doi: 10.1177/1354067X17692118
13. Journal of Personality. Special Issue: Status of the Trait Concept in Contemporary Personality Psychology. February, 2018. Vol. 86. Is. 1. 123 p.
14. Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective / D. Magnusson, David Magnusson (Ed.) New Jersey: Hillsdale, 1981. 465 p.

15. Uher J. Conceiving “personality”: psychologist’s challenges and basic fundamentals of the Transdisciplinary Philosophy-of-Science Paradigm for Research on Individuals // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2015. Vol. 49. Is. 3. P. 398–458. doi: 10.1007/s12124-014-9283-1
16. Webster G.D. The person–situation interaction is increasingly outpacing the person-situation debate in the scientific literature: A 30-year analysis of publication trends, 1978–2007. // Journal of Research in Personality. 2009. Vol. 43. Is. 2. P. 278–279. doi: 10.1016/j.jrp.2008.12.030

The problem of the conceptualization of context in modern psychology

N.V. GRISHINA*,

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
n.v.grishina@spbu.ru, grinat07@gmail.com

Modern psychology is characterised by its interest to a topic of context, based on a growing influence of changing reality’s factors. In connection with this, the actual task is a conceptualisation of a context as a differentiation of basic units of its description. Modern psychology proceeds from multidimensionality of human existence world. The article describes situational, vital and existential contexts presented in different fields of psychology. The situational context has the oldest traditions of its description in psychology, related to search of explanatory models of relations between situational and personal determinants in human behaviour. In the situational level studies, a reality is reduced to a specific situation, a concept of situation is a basic one, describing an interaction of a person with an outside world. Descriptions of life context in psychology are represented by two areas – descriptions of a world of person’s everyday life and his/her way of life; respectively the concepts of social situation and life space of person are proposed to be considered as the units of analysis. The existential context being irreducible in Russian psychology to person’s life way and his/her everyday life, is a subject of attention in psychology of human existence and existential psychology. The concept of life-world can be a unit of existential level description.

Keywords: concept, levels of concepts, situation, social situation, life space, life-world.

For citation:

Grishina N.V. The problem of the conceptualization of context in modern psychology. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 10–20. doi:10.17759/sps.2018090302 (In Russ., abstr. in Engl.).

* Grishina Nataliya V. – Doctor in Psychology, professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, n.v.grishina@spbu.ru, grinat07@gmail.com

Funding

The research was conducted with the assistance of RFFI OGON, project 18-013-00703.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. [Social construction of reality]. Moscow: Academia-centr, Medium, 1995. 334 p.
2. Grishina N.V., Kostromina S.N., Mironenko I.A. Struktura problemnogo polja sovremennoj psihologii lichnosti [Structure of problematic field of modern personality psychology]. *Psihologicheskij zhurnal. [Psychological journal]*, 2018. Vol. 39, no. 1, pp. 26–35.
3. Znakov V.V. Psihologija ponimaniya: Problemy i perspektivy. [Psychology of understanding: problems and perspectives]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2005. 488 p.
4. Marcinkovskaja T.D. Psihologija povsednevnosti: oksjumoron ili novyj trend psihologii. [Psychology of everyday life: an oxymoron or a new trend in psychology]. *Psihologicheskie issledovaniya, [Psychological studies]*, 2017. , Vol. 10, no. 56, pp. 1. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 5.03.2018)
5. Men'shikova L.V., Levchenko E.V. Ob istorii stanovleniya ponjatija «zhiznennyj mir» v psihologii [About the historical formation of the concept of the «life-world» in psychology]. *Vestnik SPbGU. [Vestnik of Saint-Petersburg University] Ser. 16.* 2015, no. 2, pp. 4–9.
6. Petrovskij V.A. Chelovek nad situaciej. [The Man above the situation]. Moscow: Smysl, 2010. 559 p.
7. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and Consciousness. Man and World]. Saint-Petersburg: Piter, 2003. 512 p.
8. Hekkauzen H. Motivacija i dejatel'nost'. [Motivation and activity]. T. 1. Moscow: Pedagogika, 1986. 408 p.
9. Argyle M., Furnham A., Graham J. Social Situations. Cambridge univ. press. 1981. 407 p.
10. Environmental Psychology: An Introduction. / Ed. by L.Steg, A.van den Berg, J.de Groot. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2013. 376 p.
11. Field Theory in Social Science / Ed. by D. Cartwright. New York, 1963. 346 p.
12. Giordano P. Individual personality is best understood as process, not structure: A Confucian-inspired perspective. *Culture and Psychology*, 2017. Vol. 23, Is. 4, pp. 502–518. doi: 10.1177/1354067X17692118
13. Journal of Personality. Special Issue: Status of the Trait Concept in Contemporary Personality Psychology. February, 2018. Vol. 86, Is. 1, 123 p.
14. Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective. In D. Magnusson, David Magnusson (ed.). New Jersey: Hillsdale, 1981. 465 p.
15. Uher J. Conceiving “personality”: psychologist’s challenges and basic fundamentals of the Transdisciplinary Philosophy-of-Science Paradigm for Research on Individuals. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2015. Vol. 49, Is. 3, pp. 398–458. doi: 10.1007/s12124-014-9283-1.
16. Webster G.D. The person-situation interaction is increasingly outpacing the person-situation debate in the scientific literature: A 30-year analysis of publication trends, 1978–2007. *Journal of Research in Personality*, 2009. Vol. 43, Is. 2, pp. 278–279. doi: 10.1016/j.jrp.2008.12.030

Качественные методы в социальной и клинической психологии: пролегомены к междисциплинарному диалогу

Д.А. ХОРОШИЛОВ*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
d.khoroshilov@gmail.com

Е.Ю. БАЛАШОВА**,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Психологический институт РАО,
Научный центр психического здоровья, Москва, Россия,
elbalashova@yandex.ru

В настоящей статье очерчиваются контуры междисциплинарного диалога между социальной и клинической психологией, отправным пунктом которого авторы считают качественный подход к анализу психических явлений. Определяются понятия качественной методологии, методов и методик в современной психологии, формулируются эпистемологические принципы качественных исследований, позволяющие говорить о них как об особом стиле научного познания. Рассматриваются явные и латентные взаимосвязи и заимствования в сфере практического применения качественных методов в истории отечественной социальной психологии, патопсихологии и нейропсихологии на протяжении XX столетия. По итогам сравнительного анализа делается предварительный вывод о том, что качественная методология и качественные методы в отечественной социальной психологии, патопсихологии и нейропсихологии не только имеют общие исторические корни (в работах А.Р. Лурии и Б.В. Зейгарник), но и решают как специфические, так и схожие задачи в различных областях исследовательской практики. Развитие качественных методов — одно из при-

Для цитаты:

Хорошилов Д.А., Балашова Е.Ю. Качественные методы в социальной и клинической психологии: пролегомены к междисциплинарному диалогу // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 21–30. doi:10.17759/sps.2018090303

* *Хорошилов Дмитрий Александрович* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, кафедра социальной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, d.khoroshilov@gmail.com

** *Балашова Елена Юрьевна* — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, старший научный сотрудник, отдел медицинской психологии, Научный центр психического здоровья, Москва, Россия, elbalashova@yandex.ru

оритетных направлений современной психологической науки, продолжающее ее лучшие традиции.

Ключевые слова: *качественная методология и методы, качественные исследования в психологии, социальная психология, клиническая психология, нейрорпсихология, патопсихология.*

Качественный подход в современной психологии

Выбор методологических оснований, методов и методик исследования всегда был принципиальным вопросом для психологической науки; он остается таковым и сегодня. Особое внимание ученого сообщества привлекают качественные методы, которые сегодня складываются в единый методологический подход [5; 12; 13]. Важнейшая характеристика качественного подхода — его трансдисциплинарность, стремление к смешению различных парадигм исследовательских практик, что находит отражение в периодически возобновляющемся диалоге между социальной и клинической психологией, например, на страницах одного из наиболее авторитетных американских журналов XX столетия — *Journal of Abnormal Psychology and Social Psychology*. В отечественной науке социальная психология и клиническая психология сближаются прежде всего методологически — в отстаивании приоритета использования качественных методов в исследованиях психической деятельности, личности и общества. Впрочем, до содержательного раскрытия этого тезиса следует четко определить ключевые понятия, ассоциирующиеся с качественными исследованиями, — иной раз между ними в высшей степени легкомысленно и неправомерно в современной литературе ставится знак равенства, что составляет

известные сложности для неподготовленного читателя.

1. Качественные исследования — это особый тип исследований, направленных на получение и анализ качественных данных. Основная задача качественных исследований заключается в том, чтобы достичь лучшего понимания того, как конструируется мир, т. е. личностных смыслов и общекультурных значений, которые раскрывают психологическое отношение людей к тем или иным сторонам окружающей их реальности. Качественные исследователи не ограничиваются только лишь описанием опыта человека, но стремятся объяснить его намерения и причины поведения. Эта двойная цель реализуется с помощью интерпретации (т. е. процесса приписывания или конструирования значений, основанного на теоретических взглядах исследователя и разделяемых им концепциях).

2. Качественные данные — это любой тип вербальной (тексты) или визуальной (изображения) информации.

3. Качественные методы исследования — это стратегии или процедуры познания, направленные на определение значений и смыслов, которые отдельный человек и группа людей придают различным предметам, действиям и событиям окружающей жизни.

Разделяют *методы сбора качественных данных* (к ним относят наблюдение, опрос в индивидуальной и групповой форме, изучение документов) и *методы*

качественного анализа. Последние позволяют раскрыть в собранных ранее сырых данных, в потоке информации, предоставляемой респондентами, повторяющиеся паттерны, взаимосвязи и закономерности. Грубой ошибкой считается представление материала (например, фокус-группы или интервью) без анализа как окончательного результата исследования.

В настоящее время в психологии используются следующие методы качественного анализа: *тематический* и *качественный контент-анализ*, *феноменологический анализ*, *подход «обоснованной теории»*, *анализ разговорной речи* (конверсационный анализ), *нарративный* и *дискурс-анализ*, *психоанализ* и *визуальный анализ*.

Методики и техники качественного исследования — это дополнительные приемы к методам получения информации (традиционно используются проективные).

4. Качественная методология — система фундаментальных принципов, которые концептуально объединяют отдельные практики качественных исследований в целостный подход, раскрывающий определенный стиль научного мышления в психологии. Ранее нами уже были выделены и подробно обоснованы такие принципы, как контекстуальная чувствительность, диалектика понимания и объяснения, интерпретация и рефлексивность, справедливые для различных традиций и методов качественных исследований [14].

5. Качественная психология — это новое направление в науке, возникшее в начале XXI в. из практики качественных исследований, к которому нас отсылают, в частности, одноименное название практического руководства [18] или но-

вого журнала, издаваемого Обществом качественных исследований при Американской психологической ассоциации. Качественная психология претендует на изучение как отдельных психических *функций*, так и целостных *качеств*, характеризующих отношения между человеком и окружением, конкретной социальной ситуацией.

Таким образом, качественная психология является реализацией теоретической идеи о важности для развития личности «не просто широких контактов с миром, но именно отношения к миру, результатом которого становится и отношение к себе, и сознательная мотивация к деятельности» [10, с. 72–73]. Качественные методы сбора и анализа данных в психологии, образующие сегодня единый методологический подход (так называемый интеллектуальный стиль исследования), позволяют раскрыть эмоционально-смысловые отношения человека и мира, личности и общества, пациента и врача, клиента и терапевта.

Теперь — после краткого обозначения исходных позиций — мы можем проследить, как качественные методы заимствовались и использовались социальными и клиническими психологами для решения стоящих перед ними практических задач.

Качественные методы патопсихологии и социальная психология

Следует отметить, что многие из перечисленных выше методов — наблюдение, клиническая беседа (интервью), анализ случая — применялись в клинико-психологических исследованиях еще в позапрошлом веке. Достаточно вспомнить работы

С.С. Корсакова, В.М. Бехтерева, З. Фрейд, К. Ясперс, Л. Бинсвангера. Качественные методы в истории отечественной психологии развивались прежде всего в рамках патопсихологии. Основным принципом построения патопсихологического эксперимента Б.В. Зейгарник называет именно *качественный анализ* особенностей протекания психических процессов и деятельности больного: «Важно не только то, какой трудности или какого объема задание больной осмыслил или выполнил, но и то, как он осмыслял, чем были обусловлены его ошибки и затруднения» [6, с. 25]. Фактически это означает, что патопсихолог должен быть внимателен не только к результатам выполнения задания, но и к нюансам процесса его реализации. Не будет преувеличением сказать, что первые в нашей стране руководства по качественным методам принадлежат ее коллеге С.Я. Рубинштейн («Экспериментальные методики патопсихологии») [16] и ученице Е.Т. Соколовой («Проективные методы исследования личности») [17]. Крайне интересно проективные методы переосмысляются сегодня на концептуальных пересечениях патопсихологии и философской герменевтики в работах Н.С. Бурлаковой и В.И. Олешкевича [4].

В 1990-е гг. развитие качественных исследований задается социальным запросом на анализ трансформаций российского общества. Оказалось, что именно качественные, а не традиционные математические методы фиксируют социальные изменения и проблемы, репрезентированные в массовом сознании постсоветской эпохи. Книги О.Т. Мельниковой [11] и Н.Н. Богомоловой, Т.В. Фоломеевой [3], посвященные фокус-группам, стали вехами в освоении качественного инструментария психологами, при этом они использовали в том числе и арсенал па-

топсихологии (например, построение и ведение беседы, проективные методики), но с тем предметным различием, что основная цель исследования заключалась уже не в диагностике индивидуальных случаев, а в познании широкого круга социальных явлений и событий.

Методологическая оптика рассмотрения социальных явлений задается психологией социального познания (*social cognition*). Г.М. Андреева определяет социальное познание как процесс конструирования образа социального мира в общении, который опосредует деятельность людей в реальном мире [1]. Качественные методы используются для анализа различных измерений образа социального мира: *личностного* (социальная идентичность), *группового* (социальные представления и коллективные переживания), *пространственно-временного* (коллективная память и образ жизненной среды) [15]. Считается, что «макроуровень» психологии больших групп воспроизводится на «микроуровне» взаимодействий в фокус-группе или интервью, а это открывает путь для изучения конструирования образа социального мира в межличностном общении.

Качественные методы социальной психологии и нейропсихология

Представляется интересным поразмышлять о том, как работают качественные методы не только в патопсихологии, но и в других областях клинической психологии. Этот интерес обусловлен тем, что большинство книг, посвященных качественным методам, анализируют возможности их использования в основном в социологии, в социальной психологии, в психологии личности. Поэтому обратимся

к анализу одного из направлений клинической психологии — нейропсихологии.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что уже в первой фундаментальной монографии по нейропсихологии «Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга» (1962) ее создатель А.Р. Лурия дает определение метода синдромного анализа нарушений психических функций и говорит о его значении для исследования мозговой организации психических функций [7]. «Наличие первичного дефекта, связанного с «собственной функцией» данного мозгового участка, неизбежно приводит к нарушению целого ряда функциональных систем, т. е. к появлению целого симптомокомплекса, или синдрома, составленного из внешне разнородных, но на самом деле внутренне связанных друг с другом симптомов. Анализ таких синдромов, нахождение общих звеньев, лежащих в основе входящих в них симптомов, и составляет необходимый этап психологического исследования нарушений, возникающих при очаговых поражениях коры головного мозга» [7, с. 67]. Синдромный анализ, по мнению А.Р. Лурии, предполагает квалификацию всех наблюдаемых симптомов и «позволяет нейропсихологу выяснить, какие именно факторы включает в свой состав сложная психическая деятельность и какие именно участки мозга составляют ее нервную основу» [8, с. 80]. Подчеркнем, что этот принципиальный метод отечественной нейропсихологии и представления о системной динамической локализации психических функций определяют и ряд особенностей нейропсихологического обследования. Прежде всего это его комплексный характер, подразумевающий включение в исследование обширного и

продуманного набора методик, результаты которых дополняют и уточняют друг друга, повышая достоверность полученных данных. Эти методики строятся на основании ряда принципов и преследуют несколько целей [2]. Каждая методика направлена преимущественно на исследование определенного психического процесса или его звена; нацелена в основном на выявление нарушенных звеньев психических функций; характеризуется поливалентностью, т. е. способна дать представление о состоянии сразу нескольких психических процессов. При применении нейропсихологических диагностических методик обязателен анализ не только конечного результата деятельности, но и нейродинамических, мотивационных, регуляторных, операционных составляющих процесса выполнения задания. В нейропсихологическую диагностику часто включается так называемый обучающий эксперимент: в ходе выполнения той или иной методики нейропсихолог при необходимости фиксирует возможность усвоения способа действия и его применения в аналогичных заданиях. Качественный анализ нарушений при необходимости сочетается с количественной оценкой степени выраженности симптомов, а данные, полученные при нейропсихологическом обследовании, обязательно сопоставляются с данными анамнеза и объективных клинических исследований.

Наконец, нейропсихологическое обследование всегда носит нестандартный, индивидуализированный характер, который зависит не только от исходных предположений о локализации патологического процесса и структуре нейропсихологического синдрома, но и от эмоциональных и клинических показателей состояния пациента, от его возрастных

и преморбидных особенностей [2]. Оно допускает варьирование инструкций, способов предъявления стимульного материала, степени произвольности и характера опосредования деятельности. Следует также сказать, что нейропсихологическая диагностика всегда является уникальным взаимодействием, диалогом психолога и пациента; в выполнение разных заданий может в той или иной степени включаться помощь психолога, и важным диагностическим критерием является эффективность этой помощи.

Важными составляющими нейропсихологической диагностики всегда являлись методы клинической беседы и наблюдения.

Клиническая беседа в нейропсихологическом обследовании преследует несколько конкретных целей. Во-первых, она необходима для установления контакта с больным (в том числе на эмоциональном уровне). Во-вторых, в ходе беседы осуществляется информирование больного (естественно, в краткой форме и на доступном ему уровне) о характере обследования и его целях. В-третьих, она нужна для выяснения жалоб больного, степени его ориентировки в собственном состоянии и критичности к имеющимся проявлениям заболевания. В-четвертых, во время беседы больному обязательно задаются вопросы, направленные на выяснение качества ориентировки в месте и времени. В-пятых, необходимо выяснить мануальные предпочтения испытуемого. В-шестых, уже в клинической беседе можно заметить наличие нарушений понимания обращенной речи, речевой моторики, памяти, внимания и др. [2; 7]. Все это помогает сформулировать первоначальную гипотезу, которая будет проверяться в ходе объективного анализа состояния психических функций. При этом важно,

что клиническая беседа не обязательно только предшествует объективному исследованию; она может разворачиваться параллельно ему и завершать его [2].

Метод наблюдения, безусловно, важен для любого клиничко-психологического исследования. Мы, без сомнения, помним, что наблюдение является целенаправленным процессом, опосредованным теоретической позицией наблюдателя, которая влияет не только на выбор объекта, предмета наблюдения, но и на организацию самого процесса наблюдения и интерпретацию его результатов. Такое наблюдение называют исследующим (так как психолог производит отбор нужных фактов и явлений) и включенным (т. е. исследователь является участником наблюдаемых событий). Если говорить о нейропсихологической практике, то можно отметить ряд интересных нюансов применения этого метода. Прежде всего, он работает и на этапе клинической беседы, и на этапе применения экспериментальных методик. В ходе нейропсихологического обследования психолог, экспериментируя, постоянно наблюдает. Таким образом, можно получить много важных эмпирических данных. Не только возможно, но и желательно наблюдение за больным вне экспериментального этапа нейропсихологической диагностики. Нюансы внешнего облика пациента, его мимики, моторики, коммуникативной сферы часто свидетельствуют об особенностях работы мозга. Именно благодаря наблюдению мы фиксируем, адекватно ли ведет себя больной в ситуации обследования, каковы уровень и содержательные характеристики его мотивации, степень заинтересованности теми или иными заданиями. В процессе наблюдения мы видим характер допускаемых больным ошибок, его реакции на успех или неуспех, качественные

особенности и динамические параметры деятельности. Предметом наблюдения также могут быть такие внешние, «экстериоризированные» компоненты поведения пациента, как особенности его движений и речи; их скоростные показатели; мимика и жесты; внешние проявления вегетативных реакций (покраснение или побледнение кожи, изменение ритма дыхания, потоотделение и др.); эмоциональные реакции. В ходе наблюдения за поведением, движениями, мимикой большого нейропсихологи оценивают, в каком он настроении, насколько его эмоции адекватны ситуации по знаку и степени выраженности, может ли он контролировать свои эмоции, не отмечается ли у него оскудения эмоциональной сферы [2].

К сожалению, размышляя о высоких потенциальных возможностях качественных методов, нельзя не заметить, что развитие нейропсихологической науки характеризуется и рядом негативных тенденций. Все чаще в статьях и книгах подробное описание и развернутая квалификация симптомов нарушений психических функций отступают на задний план перед количественными методами обработки данных. Все реже встречаются работы, выполненные в жанре case-study, и ни одна из них не достигает уровня замечательных книг классического периода [9].

Предварительные выводы

Тем не менее не вызывает сомнения, что качественным методам в психологии

принадлежит большое будущее. И один из путей в это будущее лежит через сравнительный анализ возможностей и сценариев применения качественных методов в разных областях психологической науки.

Представляется, что качественная методология и качественные методы в отечественной социальной и клинической психологии не только имеют общие исторические корни (прежде всего в работах А.Р. Лурии и Б.В. Зейгарник), но и решают как специфические, так и схожие задачи в различных областях исследовательской практики.

1. О схожести некоторых задач говорит то, что они направлены на анализ «психологических целостностей» (отношений личности и социокультурного окружения / симптомов, синдромов, факторов), что предполагает комплексный дизайн построения исследования, включающего в себя различные методы сбора, анализа и интерпретации данных.

2. Их характеризует преимущественное внимание к методам включенного наблюдения и интервью (беседы) как средств реализации и фиксации диалогического контекста взаимодействия исследователя и респондента, клинического психолога и пациента, психотерапевта и клиента.

3. Они подразумевают сопротивление чрезмерной «математизации» и «формализации» психологических данных в ущерб качественному анализу и интерпретации.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 304 с.
2. *Балашова Е.Ю., Ковязина М.С.* Нейропсихологическая диагностика в вопросах и ответах. М.: Генезис, 2017. 240 с.
3. *Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В.* Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М.: Магистр, 1997. 80 с.
4. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Проективные методы: Теория, практика применения к исследованию личности ребенка. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 352 с.
5. *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2015. 423 с.
6. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: Академия, 2006. 208 с.
7. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: МГУ, 1962. 432 с.
8. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: МГУ, 1973. 376 с.
9. *Лурия А.Р.* Потерянный и возвращенный мир. М.: МГУ, 1971. 79 с.
10. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015. 248 с.
11. *Мельникова О.Т.* Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс, 2007. 320 с.
12. *Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А.* Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 1 [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. URL: <http://psystudy.ru/num/2013v6n32/903-melnikova32.html> (дата обращения: 23.04.2018).
13. *Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А.* Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 2 [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 33. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/930-melnikova33.html> (дата обращения: 23.04.2018).
14. *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 3. С. 4–17.
15. *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Предмет качественного исследования как методологическая проблема социальной психологии // Национальный психологический журнал. 2013. № 1. С. 50–61.
16. *Рубинштейн С.Я.* Экспериментальные методики патопсихологии: практическое руководство. М.: Медицина, 1970. 216 с.
17. *Соколова Е.Т.* Проективные методы исследования личности. М.: МГУ, 1980. 176 с.
18. *Qualitative Psychology: a Practical Guide to Research Methods / J.A. Smith (ed).* L.: Sage, 2015. 288 p.

Qualitative methods in social and clinical psychology: prolegomena to interdisciplinary dialogue

D.A. KHOROSHILOV*,

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
d.khoroshilov@gmail.com*

E.YU. BALASHOVA**,

*Lomonosov Moscow State University, Psychological Institute of Russian Academy
of Education, Mental Health Research Center, Moscow, Russia,
elbalashova@yandex.ru*

This article outlines the contours of an interdisciplinary dialogue between social and clinical psychology, the starting point of which the authors consider a qualitative approach to the analysis of mental phenomena. The concepts of qualitative methodology, methods and techniques in modern psychology are defined, epistemological principles of qualitative research are formulated, which allow to speak about them as a special style of scientific cognition. Clear and latent interrelations and borrowings in the sphere of practical application of qualitative methods in the history of national social psychology, pathopsychology and neuropsychology during the XX century are considered. According to the results of the comparative analysis, the preliminary conclusion is made that the qualitative methodology and qualitative methods in the national social, pathopsychology and neuropsychology have not only common historical roots (in the works of A.R. Luria and B. V. Zeigarnik), but also solve both specific and similar problems in various fields of research practice. The development of high – quality methods is one of the priorities of modern psychological science, continuing its best traditions.

Keywords: *qualitative methodology and methods, qualitative research in psychology, social psychology, clinical psychology, neuropsychology, pathopsychology.*

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project 17-06-00980 «Historical and political factors of transformation of collective memory and identity in Russian society».

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Psihologija social'nogo poznanija [Social Cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2005. 304 p.

For citation:

Khoroshilov D.A., Balashova E.Yu. Qualitative methods in social and clinical psychology: prolegomena to interdisciplinary dialogue. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 21–30. doi:10.17759/sps.2018090303 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Khoroshilov Dmitry A.* — Ph.D in Psychology, Senior Research Associate, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, d.khoroshilov@gmail.com

** *Balashova Elena Yu.* — Ph.D. in Psychology, Leading Research Associate, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Associate, Psychological Institute of Russian Academy of Education; Senior Research Associate, Mental Health Research Center, Moscow, Russia, elbalashova@yandex.ru

2. Balashova E.Ju., Kovjazina M.S. Nejropsihologicheskaja diagnostika v voprosah i otvetah [Neuropsychological diagnostics in questions and answers]. Moscow: Genezis, 2017. 240 p.
3. Bogomolova N.N., Folomeeva T.V. Fokus-gruppy kak metod social'no-psihologicheskogo issledovanija [Focus-groups as the research method in social psychology]. Moscow: Magistr, 1997. 80 p.
4. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Proektivnye metody: Teorija, praktika primeneniya k issledovaniju lichnosti rebenka [Projective techniques: theory, practical application to the investigation of the child's personality]. Moscow: Institut obshhegumanitarnyh issledovanij, 2001. 352 p.
5. Busygina N.P. Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovanij v psihologii [Qualitative and quantitative research methods in psychology]. Moscow: Jurajt, 2015. 423 p.
6. Zejgarnik B.V. Patopsihologija [Pathopsychology]. Moscow: Akademija, 2006. 208 p.
7. Lurija A.R. Vysshie korkovye funkicii cheloveka i ih narusheniya pri lokal'nyh porazhenijah mozga [Human higher cortical functions and their impairment in local brain damage]. Moscow: MGU, 1962. 432 p.
8. Lurija A.R. Osnovy nejropsihologii [Basics of neuropsychology]. Moscow: MGU, 1973. 376 p.
9. Lurija A.R. Poterjannyj i vozvrashhennyj mir [Lost and returned world]. Moscow: MGU, 1971. 79 p.
10. Marcinkovskaja T.D. Problema socializacii v istoriko-geneticheskoj paradigmat [Problem of socialization in historical-genetical paradigm]. Moscow: Smysl, 2015. 248 p.
11. Mel'nikova O.T. Fokus-gruppy: metody, metodologija, moderirovanie [Focus-groups: methods, methodology, moderation]. Moscow: Aspekt Press, 2007. 320 p.
12. Mel'nikova O.T., Krichevec A.N., Horoshilov D.A. Istoriko-jepistemologicheskij kontekst razvitija kachestvennyh issledovanij v psihologii. Chast' 1 [Jelektronnyj resurs] [Historical and epistemological context of the development of qualitative research in psychology. Part 1]. *Psihologicheskie issledovanija [Psychological studies]*, 2013. Vol. 6, no. 32. Available at: <http://psystudy.ru/num/2013v6n32/903-melnikova32.html> (Accessed: 23.04.2018).
13. Mel'nikova O.T., Krichevec A.N., Horoshilov D.A. Istoriko-jepistemologicheskij kontekst razvitija kachestvennyh issledovanij v psihologii. Chast' 2 [Jelektronnyj resurs] [Historical and epistemological context of the development of qualitative research in psychology. Part 2]. *Psihologicheskie issledovanija [Psychological studies]*, 2014. Vol. 7, no. 33. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/930-melnikova33.html> (Accessed: 23.04.2018).
14. Mel'nikova O.T., Horoshilov D.A. Metodologicheskie principy kachestvennyh issledovanij v psihologii [Methodological principles of qualitative research in psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija [Moscow University Psychology Bulletin. Series 14: Psychology]*, 2013, no 3, pp. 4–17.
15. Mel'nikova O.T., Horoshilov D.A. Predmet kachestvennogo issledovanija kak metodologicheskaja problema social'noj psihologii [Subject of qualitative research as a methodological problem of social psychology]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]*, 2013, no. 1, pp. 50–61.
16. Rubinshtejn S.Ja. Jeksperimental'nye metodiki patopsihologii: prakticheskoe rukovodstvo [Experimental methods of pathopsychology: a practical guide]. Moscow: Medicina, 1970. 216 p.
17. Sokolova E.T. Proektivnye metody issledovanija lichnosti [Projective methods of personality research]. Moscow: MGU, 1980. 176 p.
18. Qualitative Psychology: a Practical Guide to Research Methods. In J.A. Smith (ed.). L.: Sage, 2015. 288 p.

Психоанализ вне клиники: перспектива психосоциальных исследований

Н.П. БУСЫГИНА *,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
boussyguina@yandex.ru

В статье предлагается анализ нового исследовательского направления, известного как психосоциальные исследования. Данное направление объединяет исследователей и практиков из различных областей знания. По мнению автора, исторически огромную роль в становлении психосоциальных исследований сыграло обращение сторонников качественной методологии к психоанализу. Психоанализ при этом был переосмыслен как один из вариантов социокритической мысли, изучающий, как режимы власти, типы эксплуатации и другие макросоциальные характеристики порождают определенные режимы психического функционирования, и сами в свою очередь поддерживаются ими. В статье приводятся примеры психосоциальных исследований, в которых используются идеи психоанализа. Обсуждаются такие вопросы, как психологическое инвестирование социальных дискурсов, социальный уровень бессознательного. Автор показывает, что для сторонников психосоциальных исследований психоанализ становится той теоретической платформой, которая позволяет переосмыслить отношения психологического и социального и наметить путь преодоления традиционного дуализма «внутреннего» и «внешнего».

Ключевые слова: психосоциальные исследования, социальная критика, качественная методология, психоанализ, социальное измерение бессознательного.

О таком тренде, как психосоциальные исследования (или исследования в области психосоциального), заговорили в 1990-е гг. С конца 2000-х гг. издается специальный журнал психосоциальных исследований, а в 2013 г. в Лондоне была

создана одноименная ассоциация. На сайте ассоциации сформулирована ее общая цель: сформировать новое понимание взаимосвязей между социальным, культурным и психологическим уровнями смыслообразования, переживания и

Для цитаты:

Бусыгина Н.П. Психоанализ вне клиники: перспектива психосоциальных исследований // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 31–41. doi:10.17759/sps.2018090304

* Бусыгина Наталья Петровна — кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, boussyguina@yandex.ru

опыта в различных контекстах. Данное направление характеризуется его сторонниками как меж- и даже трансдисциплинарное исследовательское поле, оно объединяет исследователей, преподавателей, практиков и студентов из различных областей знания. Ассоциация организует конференции, семинары и мастерские, посвященные исследованию широкого круга психосоциальных феноменов и явлений. Сторонники обсуждаемого исследовательского направления настаивают на преодолении узких дисциплинарных границ между отдельными социальными и гуманитарными науками и формировании новых предметных фокусов и нового — трансдисциплинарного — теоретического и методологического инструментария для решения актуальных проблем современности.

Сегодня идут споры по поводу того, как называть то, что стало институционализироваться в качестве специфического исследовательского направления. Термин «психосоциальный» часто применяется в самых различных контекстах (вспомним хотя бы известный биопсихосоциальный подход к изучению соматических и психических заболеваний, где биологическое, психологическое и социальное мыслятся в качестве различных уровней, взаимосвязанных друг с другом) и не обладает тем специфическим смыслом, который ему пытаются придать участники ассоциации, настаивающие на преодолении дихотомии психологического и социального. Тем не менее к настоящему времени закрепился именно данный термин — он представлен в названии и ассоциации, и журнала, и первых монографических сборников и учебных пособий. Некоторые авторы настаивают на написании через дефис — «психосоциальные исследования», обосновывая

свою позицию необходимостью подчеркнуть двустороннюю направленность интереса — на социальное окружение и психологические реалии одновременно. Однако большее распространение получило слитное написание — «психосоциальные исследования», по мнению его сторонников в большей мере отвечающее попыткам новых концептуализаций неразрывной связи психологического и социального, «внутреннего» и «внешнего», для выражения которой часто прибегают к образу ленты Мебиуса.

Одним из теоретических интерпретативных каркасов, на которых базируется направление психосоциальных исследований, является психоанализ. Возможно, исторически именно обращение к психоанализу в рамках движения качественных исследований ознаменовало собой рождение перспективы психосоциальных исследований. В целом, безусловно, теоретические основания исследований в области психосоциального не ограничиваются психоанализом. В настоящее время продолжается дискуссия, насколько вообще ориентация на психоанализ должна восприниматься как неотъемлемая часть психосоциальных исследований [19]. И тем не менее можно заметить, что проводимые исследования нередко ориентируются на мышление, открытое психоанализом, правда, сам психоанализ зачастую переосмысливается как одно из направлений социокритической мысли, позволяющее понять, как режимы власти, типы эксплуатации и другие макро-социальные характеристики общества тесно переплетаются с порождаемыми и поддерживаемыми ими режимами психического функционирования, как формируется «психика власти», привязанность к собственному подчинению и как процессы, происходящие на психологи-

ческом уровне, инвестируют макросоциальные дискуссии.

Критика использования психоанализа в психосоциальных исследованиях связана в основном с двумя принципиальными моментами. Во-первых, психоанализ задает особую позицию исследователя — привилегированную позицию эксперта, имеющего доступ к истине, позицию субъекта, предположительно знающего о том, что творится во «внутреннем мире» собеседника, лучше, чем тот знает себя. Для социокритических подходов, к которым можно отнести и направление психосоциальных исследований, психоанализ выглядит политически консервативным и даже авторитарным из-за неравномерного распределения власти между аналитиком/исследователем и анализантом/исследуемым. Во-вторых, психоанализ — дисциплина, возникшая в русле психологической практики, его теоретический аппарат разрабатывался прежде всего для нужд клиники — психоаналитического кабинета с его особой «экологией», специфическими устройством и отношениями между участниками. Соответственно, перенесение психоаналитических идей на более широкие области, например на отношения интервьюера и интервьюируемого, выглядит по меньшей мере необоснованным.

Однако оба пункта критики могут быть отчасти сняты благодаря прояснению того, как именно использовать психоанализ. Всегда ли обращение к психоанализу влечет за собой перекося власти и требует с необходимостью занятия привилегированной позиции знающего субъекта? С. Фрош [11] показывает, что ядром психоаналитической позиции является систематическое сомнение, а не претензии на открытие окончательной истины бессознательного, которая якобы

доступна исследователю. Вообще, приписывание психоанализу экспертной позиции — это скорее искажения в понимании психоанализа, чем его собственное слабое звено. Похожим образом дело обстоит и со вторым пунктом критики. Речь должна идти не вообще о невозможности перенесения психоаналитических идей за пределы психоаналитического кабинета — по факту такое происходит уже давно и вполне эвристично, — а о том, как именно это делать.

Знаковым для оформления психоаналитического модуса в психосоциальных исследованиях стал выход в 2000 г. книги В. Холлуэй и Т. Джефферсона «Иной подход в качественных исследованиях: свободные ассоциации, нарратив и метод интервью» [16]. Авторы обосновывали ограниченность так называемых традиционных качественных подходов тем, что в них принято допущение о прозрачности респондентов для самих себя, как если бы люди обладали некоей полнотой знания своего внутреннего мира. Однако, пишут В. Холлуэй и Т. Джефферсон, такое допущение противоречит даже повседневным представлениям о сложности и противоречивости человеческой натуры. Взамен модели прозрачного субъекта авторы предложили обратиться к модели человека, близкой той, которую отстаивает психоанализ, — модели защищающегося субъекта, в которой принят во внимание тот факт, что, строя рассказы, человек склонен прибегать к всевозможным защитам от тревоги и других негативных аффектов. В книге предложен метод нарративного интервью, основанного на свободных ассоциациях, а также особый способ анализа, базирующийся на дизайне отдельных случаев и вскрывающих интерпретативных техниках. Именно так авторы исследовали

рассказы респондентов об увеличении количества преступлений, небезопасности жизни и боязни нападений. Собранные в интервью некоторые биографические материалы, касающиеся их респондентов, В. Холлуэй и Т. Джефферсон высказали гипотезу, что выражаемая их собеседниками боязнь оказаться жертвой уличного преступления является замещением других тревог, имеющих отношение к индивидуальным особенностям жизни каждого из них и сложившимся специфическим типам психологических защит. Производя рассказы о преступлениях и поддерживая имеющиеся дискурсы, относящиеся к усилению наказания за преступления, люди тем самым защищаются от глобальной тревоги неопределенности, порождаемой самой социальной ситуацией их жизни [16]. Таким образом, книга В. Холлуэй и Т. Джефферсона становится одной из первых, в которых идеи психоанализа используются для понимания того, как социальные дискурсы и нарративы получают психологическую поддержку.

В приведенной работе В. Холлуэй и Т. Джефферсона, как и в более поздней книге В. Холлуэй [15], посвященной материнской идентичности, авторы ориентируются на вариант психоанализа, близкий теории объектных отношений. Помимо уже упомянутой критики экспертной позиции исследователя, разгадывающего «истинное» содержание рассказов, этот вариант психоанализа в психосоциальных исследованиях критикуется за выраженный акцент на индивидуальном: «истина» выводится из индивидуальной биографии, особенностей отношений с первичными объектами и т. п. В такой перспективе социальное становится производным от индивидуального, социальные проблемы выводят-

ся из индивидуальной патологии и/или дефицитарности. Однако психоаналитически ориентированное разгадывание содержания бессознательных желаний и опасений вовсе не обязательно предполагает подобный акцент на индивидуальном. Вполне возможно анализировать бессознательную психодинамику на уровне социального. В этом смысле показательны исследования психологических детерминант действенности идеологических дискурсов, базирующиеся на переплетении позиций неомарксизма и психоанализа.

Согласно Л. Альтюссеру [1], идеология представляет не реальные отношения индивидов с социальным миром, а воображаемые, она говорит нечто не об объекте, а о субъекте, о его потребностях, желаниях, страхах. Для пояснения альтюссеровского понимания идеологии Р. Пфаллер [6] обращается к примеру, описанному З. Фрейдом в «Толковании сновидений». Разбирая сон, в котором спящий видит разбойников и испытывает страх, З. Фрейд замечает, что разбойники нереальны, но страх реален. Идеология работает подобно сну, который может лгать о разбойниках, но говорит правду о страхе: она представляет образ или идею, отвечающие определенному эмоциональному состоянию, как бы дает базу желаниям и/или опасениям. Такой «психосоциальный» механизм идеологии позволяет понять, почему идеологические представления столь устойчивы. Например, напрасно приводить какие угодно рациональные аргументы в пользу того, что мигранты не представляют опасности для коренных жителей ни в экономическом, ни в культурном смысле. Идеологическая конструкция об опасности мигрантов такова, что ее содержание иллюзорно, но страх, который

стоит за ней, вполне реален. Р. Пфаллер подчеркивает, что сегодня есть большой круг людей, которые боятся, что будут деклассированы. Идеология предлагает страх на уровне воображаемого в том месте, где людям проще всего его воспринять, — по отношению к более слабой группе, мигрантам. Воображаемое отношение связывает страх с мигрантами, но не мигранты породили этот страх [6]. Как можно видеть, описанный в психоанализе механизм смещения привлекается так, что речь не идет ни об индивидуальных особенностях защитных механизмов, ни об индивидуальной дефицитарности личности. Режим эмоционального функционирования (страх деклассирования) связывается с особенностями социальной ситуации.

Еще более показательны исследования режимов психического функционирования представителей социально-экономических классов [17; 20]. В ряде исследований демонстрируется, как ядром эмоционального профиля бедности становится стыд [7]. Психодинамика стыда включается в общие структуры неравенства, поддерживая существующий социальный порядок. Из психоанализа заимствуется представление о бессознательном стыде, который переживается человеком в замещенной форме, когда, избегая боли и защищаясь от нее, человек демонстрирует гнев или подавленность. В системах воспитания и образования, а также на уровне макросоциальных дискурсов происходит воспроизводство гордости в одних социальных слоях и стыда и униженности в других. Люди из низших слоев вынуждены жить в условиях структурного унижения: они как будто сами виноваты в своей бедности, им приходится испытывать хроническое чувство стыда, часто принимающее

замещенные формы. В итоге стыд способствует воспроизводству неравенства через пассивность, самообвинения и молчание и может переродиться в негодование, ярость, немотивированную агрессию, но не в публичном мире, а в мире приватном, когда вместо классовых выступлений и борьбы за свои права люди демонстрируют агрессивные выяснения отношений в личной сфере [7].

Интересной методологической платформой психосоциальных исследований становится соединение идей дискурсивной психологии и психоанализа [3]. Как подчеркивает С. Фрош с соавторами [13], в психоанализе теряется важнейшее открытие, сделанное социальным конструкционизмом и дискурсивной психологией, — перформативный характер языка в процессе конструирования идентичности. Вместе с тем, по их мнению, дискурсивная психология не в состоянии предложить адекватный концептуальный инструментарий для объяснения, почему все же люди склонны занимать те или иные субъектные позиции в дискурсе, психоанализ же ближе всего подходит к проблеме эмоционального инвестирования дискурсов [13]. Исследования идентичности, проводимые С. Фрошем с соавторами, разбиваются на две части: в первой исследователи пытаются уловить, при помощи каких дискурсивных стратегий конструируется идентичность, уловить субъектные позиции в дискурсе, а на втором этапе, применяя психоаналитическую интерпретативную рамку к биографическому материалу, они выясняют, что стоит за дискурсами, какие потребности они обслуживают и какой формой наслаждения поддерживаются. Например, в исследовании, посвященном мужской идентичности мальчиков-подростков, авторы отслеживают,

что за выбором позиции не-гегемонной маскулинности одним из мальчиков (позиции «быть с девочками») и использованием им соответствующих дискурсивных ресурсов, отсылающих к образу так называемого нового мужчины (new man) — недоминантного, дипломатичного, эмоционального, не мачо, не любящего футбол и т. п., — могут стоять выраженные переживания потери, исключения и тревоги, и выбираемая дискурсивная позиция является попыткой при помощи имеющихся культурных средств справиться с могущественными бессознательными конфликтами [13].

Почему те или иные социальные дискурсы получают поддержку? Каким образом та или иная социальная позиция получает в обществе приоритет, на какую психологическую динамику она опирается и какие переживания она эксплуатирует? Это вопросы, на которые пытаются ответить авторы психосоциальных исследований, обращающиеся к психоанализу. Немецкие исследователи С. Маркс и Х. Мених-Маркс попытались понять, почему многие люди не просто толерантно относились к нацизму, но и даже активно поддерживали его [18]. Исследование

интересно также тем, что в нем используется психоаналитическая идея переноса и контрпереноса и ставится вопрос о ее переосмыслении применительно к ситуации исследования¹. В содержании взятых ими интервью не было ничего особенного: например, люди вспоминали, что после прихода к власти нацистов их семьи стали лучше жить, у отца не было работы, а теперь он ее получил и т. п. Однако исследователи обратили внимание на эмоциональную реакцию, которую испытали они все: чувство раздавленности, опустошенности, сломленности, стыда, многим казалось, что они буквально провалили интервью. Исследователи прочитали свою реакцию как контрпереносный ответ и выдвинули гипотезу о цикле виктимизации, когда чувство стыда перекладывается с палача на жертву по механизму проективной идентификации: возможно, в процессе беседы интервьюируемые бессознательно защищались от собственного комплекса стыда, своим поведением провоцируя его в интервьюере. На основании анализа собственных реакций как реакций контрпереноса исследователи сформулировали ключевую, хотя и латентную тему, непосредственно свя-

¹ К идее переноса/контрпереноса обращаются В. Холлзэй и Т. Джефферсон [15; 16]. Они анализируют свои эмоциональные реакции на собеседников, понимая их как контрпереносный ответ на бессознательную психологическую динамику тех, кого они исследуют. Однако в психоанализе именно пациент — тот, кто приходит к психоаналитику, тот, кто является носителем желания и связанных с ним фантазий относительно аналитика. В исследовании же к респонденту приходит исследователь, именно он хочет получить от респондента необходимую ему информацию, соответственно, именно он является носителем желания, а значит, если уж применять психоаналитическую идею переноса/контрпереноса, то эмоциональную реакцию исследователя нужно воспринимать скорее как перенос, а не контрперенос [12]. В исследовании С. Маркса и Х. Мених-Маркс [18] применение идеи переноса/контрпереноса более тонкое, но все равно оставляет сомнения. Возможно, идея может быть вполне эвристичной и для ситуации интервью, поскольку она дает приемлемые технологические ориентиры для рефлексии исследователем собственной позиции, однако пока ее применение в исследованиях остается весьма запутанным. Мне представляется, что перенос исследователей в виде одинаковых для них эмоциональных реакций на собеседников и звучащие в интервью темы, как это произошло в исследовании, описанном С. Марксом и Х. Мених-Маркс, можно интерпретировать как проявление общего для них социального бессознательного. Однако вопрос о переносе/контрпереносе в исследованиях требует отдельной работы.

занную с глубинными механизмами привязанности к нацистской идеологии: психологическим фактором, побуждавшим людей поддерживать нацизм, могла быть защита от глубокого бессознательного чувства стыда, связанного как с историческими обстоятельствами поражения немцев в Первой мировой войне, так и с особенностями немецкой культуры, семейного воспитания и т. п.

В логике психосоциальных исследований может быть поставлен вопрос о психологических источниках консервативного поворота в мире, ставший особенно актуальным после победы на выборах Д. Трампа. Почему идеи, проповедуемые циничными консерваторами, получают поддержку? Ведь предлагают они не очень приятные вещи: расизм и сексизм вместо уважения и терпимости, грубость и авторитаризм вместо диалога и т. д. Исследуя жителей одного из самых депрессивных южных регионов США, в наибольшей мере нуждающихся в той социальной поддержке, которая предлагается демократами, и тем не менее упорно голосующих на выборах против них, А.Р. Хохшилд [14] формулирует ряд положений, описывающих психологическое состояние этих людей. «Стена эмпатии» и усталость от сочувствия, отказ эмоционально откликаться на нужды других людей и воспринимать их проблемы — вот то, что выделяет автор. По мнению А.Р. Хохшилд, люди демонстрируют такую реакцию в ответ на чрезмерные идеологические призывы современного мира заботиться о тех, кто уязвим (мигрантах, афроамериканцах, геях и т. п.), хотя собственная уязвимость самих этих людей за последнее время отнюдь не уменьшилась.

У нелиберального истеблишмента есть своя сумеречная зона — то, что оста-

ется в культуре скрытым, несимволизованным. Например, декларируются ценности индивидуальной самореализации и прав личности, но в реальности такая самореализация, как и права, доступна не всем. Декларируется правовой и политический порядок или движение к нему, но за этой иллюзией скрывается великий беспорядок: неопределенность рынка, чудовищное, невиданное прежде расслоение общества, растерянность и незащитность индивида, живущего на условиях прекарности, временной трудовой занятости [2]. В этих условиях дискурс циничного консерватизма — это и напоминание о проблемах, и одновременно попытка излечиться от них. Он как будто срывает фальшивый моральный покров с демократического истеблишмента, выводит в символическое то, что было неявным, — имеющееся неравенство, привилегированное положение одних и угнетенное положение других, эксплуатацию и т. п. Как верно замечает И. Будрайтскис, консерватор говорит о неравенстве, о господстве и подчинении, но говорит крайне цинично, не для того, чтобы их изменить, а для того, чтобы их принять как само собой разумеющееся положение дел [2]. Восприятие привилегированного положения как повода для удовлетворения и возможность хотя бы воображаемого уподобления таким, как Д. Трамп, диктуют позицию поддержки ультраправого дискурса, усиливая положение соответствующих политических сил и отдельных политиков.

Понятия сумеречной зоны, не символизируемого на социальном и культурном уровне, то, что порой обозначают термином «социальное бессознательное», получили развитие в работах немецкого психоаналитика А. Лоренцера

[5; 10], ссылки на которые все чаще звучат в рамках психосоциальных исследований. Вводя понимание социального, коллективного измерения бессознательного, не символизируемого на уровне культуры и общества, А. Лоренцер предлагает теоретический инструментарий, позволяющий отличить психоаналитически ориентированную критическую интерпретацию от клинической работы с бессознательным с ее акцентом на отдельном индивиде и его биографии [4]. В работах Е.Т. Соколовой обосновывается эвристичность клинико-психологического подхода к исследованию социальных явлений [8; 9]. Клиническая интерпретация привносит новый ракурс в рассмотрение социально-психологической проблематики, давая возмож-

ность увидеть в тех или иных явлениях макросоциального порядка симптомы патологии личности, например интерпретировать наблюдающиеся в обществе проявления социального конформизма как один из симптомов пограничной или нарциссической организации личности тех, для кого он характерен. В перспективе идей А. Лоренцера становится возможной и иная встреча клинического с социальным: в том, что обозначается как психическая патология или признаки личностной дефицитарности, можно увидеть признаки символических деструкций на уровне культуры. Именно такой критический аспект психоаналитических интерпретаций в наибольшей мере интересен сторонникам направления психосоциальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. 3(77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения: 26.02.2018).
2. *Будрайтскис И.* Об идиотизме и Просвещении: Трамп и Путин как герои цинического консерватизма [Электронный ресурс]. URL: <http://openleft.ru/?p=8448> (дата обращения: 26.02.2018).
3. *Бусыгина Н.П.* Психоаналитические идеи в качественной методологии // Журнал практического психолога. 2013. № 4. С. 133–144.
4. *Бусыгина Н.П.* Ракурсы интерпретации в качественных исследованиях // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 121–133.
5. *Лоренцер А.* Истинность психоаналитического познания: Историко-материалистический набросок / Пер. с нем. под науч. ред. С.Ф. Сироткина. Ижевск: ERGO, 2013. 324 с.
6. *Пфаллер Р.* Эффективность идеологии и возможности искусства: альтюссеррианский подход // Стасис. 2016. Т. 4. № 2. С. 68–97.
7. *Симонова О.А.* Стыд и бедность: последствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 539–554.
8. *Соколова Е.Т.* Утрата Я: клиника или новая культурная норма // Эпистемология & Философия науки. 2014. Т. 41 (XLI). № 3. С. 190–210.
9. *Соколова Е.Т.* Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015.

- Т. 8. № 40. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1113-sokolova40> (дата обращения: 26.02.2018).
10. *Bereswill M., Morgenroth C., Redman P.* Alfred Lorenzer and the Depth-Hermeneutic Method // *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2010. Vol. 15. P. 221–250. doi:10.1057/pcs.2010.12
11. *Frosh S.* *Psychoanalysis Outside the Clinic: Interventions in Psychosocial Studies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 247 p. doi:10.1007/978-1-137-08211-4
12. *Frosh S., Baraitser L.* *Psychoanalysis and Psychosocial Studies* // *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2008. Vol. 13. P. 346–365. doi:10.1057/pcs.2008.8
13. *Frosh S., Phoenix A., Pattman R.* *Young Masculinities: Understanding Boys in Contemporary Society*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 291 p. doi:10.1007/978-1-4039-1458-3
14. *Hochschild A.R.* *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. N.Y., London: The New Press, 2016. 353 p.
15. *Hollway W.* *Knowing Mothers: Researching Maternal Identity Change*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 216 p. doi:10.1057/9781137481238
16. *Hollway W., Jefferson T.* *Doing Qualitative Research Differently: Free Association, Narrative and the Interview Method*. London: Sage Publications, 2000. 166 p. doi:10.4135/9781849209007
17. *Jo N.Y.* *Psycho-Social Dimensions of Poverty: When Poverty Becomes Shameful* // *Critical Social Policy*. 2013. Vol. 33(3). P. 514–531. doi:10.1177/0261018313479008
18. *Marks S., Mönnich-Marks H.* The Analysis of Counter-Transference Reactions Is a Means to Discern Latent Interview-Contents [Электронный ресурс] // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2003. Vol. 4(2). Art. 36. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/709> (дата обращения: 26.02.2018)
19. *Stenner P.* *Psychosocial: qu'est-ce que c'est?* // *Journal of Psycho-Social Studies*. 2014. Vol. 8(1). P. 205–216.
20. *Walkerline V., Jimenez L.* *Gender, Work and Community After De-Industrialisation: A Psychosocial Approach to Affect*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 214 p. doi:10.1057/9780230359192

Psychoanalysis Outside the Clinic: An approach of Psychosocial Studies

N.P. BUSYGINA*

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
boussyguina@yandex.ru

In the article a new approach to research called “psychosocial studies” is examined. According to the author historically an alliance of qualitative research methodology with psychoanalysis played a decisive role in the development of psychosocial studies. Psychoanalysis was rethought as a variation of social criticism whose purpose is to understand how power, types of exploitation and other macrosocial features of society affect and are affected by modes of mental and emotional functioning. Examples of psychoanalytic informed psychosocial studies are analyzed. It is shown that psychoanalysis helps to rethink and even to overcome the traditional dualism of psychic and social, of that is “in-here” and that is “out-there”.

Keywords: psychosocial studies, social criticism, qualitative methodology, psychoanalysis, social dimension of the unconscious.

REFERENCES

1. Altyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Ideology and ideological apparatus of the state]. *Neprikosnovennyi zapas [Inviolable stock]*, 2011. Vol. 3(77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (Accessed: 26.02.2018.).
2. Budraitskis I. Ob idiotizme i Prosveshchenii: Tramp i Putin kak geroi tsinicheskogo konservatizma [Elektronnyi resurs]. [On idiocy and Enlightenment: Trump and Putin as heroes of cynical conservatism]. URL: <http://openleft.ru/?p=8448> (Accessed: 26.02.2018).
3. Busygina N.P. Psikhoanaliticheskie idei v kachestvennoi metodologii [Psychoanalytical ideas in qualitative methodology]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa [The journal of practical psychologist]*, 2013, no. 4, pp. 133–144.
4. Busygina N.P. Rakursy interpretatsii v kachestvennykh issledovaniyakh [Variants of interpretation in qualitative research]. *Voprosy psikhologii [Psychology Issues]*, 2017, no. 2, pp. 121–133.
5. Lorentser A. Istinnost' psikhoanaliticheskogo poznaniya: Istoriko-materialisticheskii nabrosok [The truth of psychoanalytic knowledge: A historical-materialistic outline]. Izhevsk: ERGO, 2013. 324 p.

For citation:

Busygina N.P. Psychoanalysis Outside the Clinic: An approach of Psychosocial Studies. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 31–41. doi:10.17759/sps.2018090304 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Busygina Natalia P.* — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, boussyguina@yandex.ru

6. Pfaller R. Effektivnost' ideologii i vozmozhnosti iskusstva: al'tyusserianskii podkhod [The efficiency of ideology and the possibilities of art: an althusserian account]. *Stasis*, 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 68–97.
7. Simonova O.A. Styd i bednost': posledstviya dlya socialnoi politiki [The shame and the poverty: the consequences for the social policy]. *Zhurnal issledovaniia socialnoi politiki [The journal of social policy studies]*, 2014. Vol. 12, no. 4, pp. 539–554.
8. Sokolova E.T. Utrata Ya: klinika ili novaya kulturnaya norma? [Loss of Self: clinical phenomena or new cultural norm?]. *Epistemologiya & Filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of science]*, 2014. Vol. 41(XLI), no. 3, pp. 190–210.
9. Sokolova E.T. Shok ot stolknoveniya s sotsiokulturnoi neopredelennost'yu: klinicheskii vzglyad [Elektronnyi resurs] [Shock as the result of collision with sociocultural uncertainty: clinical approach]. *Psihologicheskie issledovaniia [Psychological studies]*, 2015. Vol. 8, no. 40, p. 5. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1113-sokolova40> (Accessed: 26.02.2018)
10. Bereswill M., Morgenroth C., Redman P. Alfred Lorenzer and the Depth-Hermeneutic Method. *Psychoanalysis, Culture & Society*, 2010. Vol. 15, pp. 221–250. doi:10.1057/pcs.2010.12
11. Frosh S. *Psychoanalysis Outside the Clinic: Interventions in Psychosocial Studies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 247 p. doi:10.1007/978-1-137-08211-4
12. Frosh S., Baraitser L. *Psychoanalysis and Psychosocial Studies*. *Psychoanalysis, Culture & Society*, 2008. Vol. 13, pp. 346–365. doi:10.1057/pcs.2008.8
13. Frosh S., Phoenix A., Pattman R. *Young Masculinities: Understanding Boys in Contemporary Society*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 291 p. doi:10.1007/978-1-4039-1458-3
14. Hochschild A.R. *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. N.Y., London: The New Press, 2016. 353 p.
15. Hollway W. *Knowing Mothers: Researching Maternal Identity Change*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 216 p. doi:10.1057/9781137481238
16. Hollway W., Jefferson T. *Doing Qualitative Research Differently: Free Association, Narrative and the Interview Method*. London: Sage Publications, 2000. 166 p. doi:10.4135/9781849209007
17. Jo N.Y. Psycho-Social Dimensions of Poverty: When Poverty Becomes Shameful. *Critical Social Policy*, 2013. Vol. 33(3), pp. 514–531. doi:10.1177/0261018313479008
18. Marks S., Mönnich-Marks H. The Analysis of Counter-Transference Reactions Is a Means to Discern Latent Interview-Contents. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 2003. Vol. 4(2). Art. 36. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/709> (Accessed: 26.02.2018).
19. Stenner P. Psychosocial: qu'est-ce que c'est? *Journal of Psycho-Social Studies*. 2014. Vol. 8(1), pp. 205–216
20. Walkerdine V., Jimenez L. *Gender, Work and Community After De-Industrialisation: A Psychosocial Approach to Affect*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 214 p. doi:10.1057/9780230359192

Визуальные методы в социально-психологическом исследовании

О.Т. МЕЛЬНИКОВА*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
melnikova-o@yandex.ru

А.С. МЕЗЕНЦЕВА**,
Лаборатория «Гуманитарные технологии», Москва, Россия,
alyona.mezentseva@yandex.ru

Рассматриваются методологические и исторические предпосылки использования визуальных методов в социально-психологическом исследовании. Обсуждаются преимущества мультимодального подхода к анализу социальных явлений; систематизируются основные способы включения визуальных данных в качественное исследование. Намечаются ключевые области и направления исследований, использующих визуальный подход. Делается попытка упорядочить все разнообразие визуальных исследований — от использования визуальных данных как вспомогательного средства до анализа визуальных данных как таковых. Основные группы визуальных исследований используют изображения: 1) как средство визуализации результатов; 2) как стимул для инициации обсуждения; 3) как дополнение к вербальной информации, помогающее самораскрытию; 4) как способ выражения своих представлений или отношений; 5) как самостоятельную цель исследования. Несмотря на преобладание в психологии вербальных исследовательских методов, человеческие представления о мире мультимодальны, поэтому использование мультимодальной исследовательской стратегии призвано обогатить знания о человеке и его месте в социальном мире.

Ключевые слова: *визуальные данные, визуальные методы, качественные исследования, интерпретивистский подход, мультимодальный и мономодальный подходы, визуальная культура.*

Для цитаты:

Мельникова О.Т., Мезенцева А.С. Визуальные методы в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 42–52. doi:10.17759/sps.2018090305

* Мельникова Ольга Тимофеевна — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, melnikova-o@yandex.ru

** Мезенцева Алена Сергеевна — руководитель отдела исследований и разработок, Лаборатория «Гуманитарные технологии», Москва, Россия, alyona.mezentseva@yandex.ru

Под визуальными данными обычно понимаются зафиксированные в доступной зрительной модальности форме продукты и репрезентации человеческого опыта. Другими словами, визуальные данные — это:

а) то, что может быть *увидено* и *рассмотрено* (доступно зрительной модальности),

б) то, что *создано человеком* (является результатом его деятельности и опыта), и, следовательно,

в) то, что несет в себе определенные *смыслы* и *значения*, открытые в этом опыте, аккумулируемые, сохраненные и передаваемые другому.

Наиболее очевидным примером такого рода данных является фотография: несомненно, снимок может быть увиден и рассмотрен; он создан человеком и является зафиксированной частичкой его визуального опыта; в то же время снимок не является объективным отражением видимой реальности, а несет в себе отпечаток интенций и смыслов его создателя. Бытовой пример — меблировка комнаты: ее можно увидеть, она создана человеком и несет информацию о значимости разных видов активности для владельца данного помещения, его материальном положении, эстетических пристрастиях, об эпохе, в которую живет человек, о стандартах меблировки, принятых в данном обществе, и многом другом.

К визуальным данным относятся также картины и рисунки, видеозаписи, веб-интерфейсы и многое другое. В центре нашего обсуждения будут находиться прежде всего фотографии, рисунки и видеоматериалы.

Визуальные исследования предполагают изучение не только и не столько той реальности, которая схватывается изобразительными средствами — что мы ви-

дим, — но и создателя, *автора*, этого изображения; не только прошлого — момента времени, когда это было зафиксировано на фотоплёнке, написано на холсте, высечено в камне, — но и того, какой мир *конструирует* такое изображение, такой способ репрезентации реальности [18].

Визуальные исследования разрабатываются главным образом исследователями, работающими в рамках качественного подхода («исследователи-качественники»). В научной литературе уже не раз обсуждалось, что качественные исследования базируются на особой онтологии и эпистемологии [1; 2; 3]. Этот методологический фундамент является общим и для визуальных исследований, которые, будучи сосредоточенными на интерпретации содержания и анализе смыслов, по сути, являются частью качественных.

В решении эпистемологических проблем статуса научного метода и человеческой субъективности визуальные исследователи придерживаются интерпретивистских позиций [8]. В отличие от позитивизма, утверждающего существование объективного знания, добываемого путем выдвижения и проверки теорий, нахождения законов, позволяющих устанавливать причины и следствия явлений и событий, интерпретивизм признает субъективность человеческой реальности, защищает необходимость изучения отдельных уникальных явлений и провозглашает существование множества истин.

Согласно конструктивистской трактовке реальности, окружающие нас явления, прежде всего социальные, конструируются, развиваются, изменяются в реальном социальном взаимодействии. Таким образом, изображения, являясь продуктом социального взаимодействия, с одной стороны, несут в себе информа-

цию об этом взаимодействии, с другой — сами являются агентами конструирования социальной действительности [18].

Кратко рассмотрим историю возникновения и развития визуальных методов в социальных и социально-психологических исследованиях. Различные средства визуализации — рисунки, схемы, чертежи — использовались для представления данных научных исследований с давних пор. Однако польза изображений не только как средств презентации и объяснения, но и как инструментов получения нового знания осознана сравнительно недавно.

С изобретением и усовершенствованием фото- и видеокамер визуальные данные стали повсеместно включаться в социальные исследования. Пионерами здесь являются антропологи. Фотография использовалась как иллюстрация к дневниковым записям, подтверждающая описываемые наблюдения и выводы. Кроме этого широкое распространение получила антропометрическая фотография, пытающаяся ухватить связь между социальными и индивидуальными морфологическими различиями [8]. В целом цели, задачи и способы использования изображений как в антропологии, социологии, так и в психологии на протяжении истории претерпевали ряд серьезных изменений. Как было сказано выше, в XIX в., когда естественные науки заняли лидирующее положение, фотография служила целям наглядного подтверждения научных наблюдений: она помогала систематизировать наблюдение, фиксировать изучаемую реальность в мельчайших подробностях и деталях, делать ее доступной для анализа другими исследователями. В рамках этого подхода к визуальным данным использовал фотографию Чарльз Дарвин, сравнивая выражение эмоций человека и животных, что

дало начало современной сравнительной психологии. С теми же целями объективной фиксации, подтверждения и доказательства существования феноменов использовали видео- и фотосъемку в своих знаменитых экспериментах Аш и Зимбардо [19].

Свой вклад в понимание сущности и исследовательского потенциала визуальных данных внесли идеи психоанализа, в частности психоаналитическая трактовка искусства. Интерпретация произведений искусства как отражения индивидуальных бессознательных процессов художника может быть применима и по отношению к самым разнообразным визуальным данным. Даже фотография, не говоря уже о других способах фиксации и образного отображения, не является всецело объективным средством отражения окружающей действительности, но несет в себе отпечаток идей, смыслов, мотивов, желаний, ценностей ее создателя. Почему фотограф решил снять именно эту сцену? Почему именно с этого ракурса? Почему именно этот снимок выбрал для презентации окружающим? Ответы на эти и другие вопросы позволяют нам понять, что фотография дает информацию не только о том, что изображено на бумаге, но и о том, кто стоит за созданным визуальным продуктом.

С развитием киноиндустрии и монтажа стало ясно, что то, что зафиксировано на пленке, не только не является точным отражением действительности, потому что несет в себе частичку индивидуальности оператора, но и может быть легко смонтировано, изменено, подделано, улучшено [15]. Доверять фотографии можно с такой же долей уверенности, что и словам. В наше время 3D-фильмов, компьютерных игр и виртуальной реальности визуальное все реже фиксирует и

отображает реальные явления и события и все чаще конструирует иные миры. Здесь проявляется третья функция визуальных данных: к фиксации наблюдений и отражению внутреннего мира создателя добавляется способность не только фиксировать уже имеющееся, но и конструировать нечто новое.

В своем историческом развитии социальные науки, в том числе психология, прошли путь от понимания человека как некоторого пассивного объекта, подверженного формирующим воздействиям окружающего мира, до признания активности субъекта, его авторской роли в формировании этого мира. Субъект воспринимает действительность через призму своих мотивов, установок, ценностей. Иными словами, то, что видит смотрящий, определяется не только содержанием изображения и личностью его создателя, но и личностью самого смотрящего. В визуальных исследованиях появляется еще один объект — аудитория, люди, которым адресован тот или иной визуальный материал.

Еще одно изменение в понимании сущности визуальных методов и визуальных данных связано со становлением критического направления в социальных науках [13]. Помимо того что визуальные данные имеют конкретного автора или создателя, они являются продуктом той или иной эпохи, социальных отношений. В тех фотографиях, которые публикуются на страницах газет и журналов, в тех кадрах, которые мы видим по телевизору, отражаются определенные отношения доминирования и власти. Изображения, как и тексты, являются агентами распространения определенной идеологии.

В настоящее время качественные исследования получили широкое распространение и заслужили признание во

многих психологических направлениях: критической, клинической, социальной, педагогической психологии, психологии общения [17; 19]. Целью «исследователей-качественников», в рамках какой бы из субдисциплин они ни работали, является анализ индивидуальных жизненных историй, организующих опыт человека; обнаружение и раскрытие разнообразных путей создания и интерпретации людьми смыслов в процессе непосредственного и непрямого общения и взаимодействия. То есть качественные исследования ищут ответы на вопрос, как люди «испытывают» (во всех смыслах этого слова: ощущают и опробуют) мир и осмысливают полученный опыт. Следовательно, участник исследования, а не его организатор становится центром производства знаний и смыслов.

Как же исследовать эти смыслы? Каков наилучший способ сбора, организации и анализа качественных данных? В какой-то мере являясь следствием дискурсивного поворота в гуманитарных науках, большинство качественных исследований базируются вокруг вербальных и текстовых данных структурированных и неструктурированных интервью, бесед, фокус-групповых дискуссий, дневниковых и других записей. Это так называемый мономодальный подход [19] к качественным исследованиям, опирающийся на устное и письменное слово как основной источник данных о человеческом опыте. Многие визуальные исследователи указывают на ограничения такого подхода и в своих работах освещают большое число исследовательских областей, для изучения которых более оправданно использование мультимодального подхода.

Мультимодальный подход предполагает анализ опыта и жизненных нарративов людей сквозь призму иных мо-

дальностей (прежде всего зрительной). В конце концов, если «исследователи-качественники» хотят изучать опыт, они должны признать, что множество модальностей — зрительная, слуховая, тактильная, а не только языковая (вербальная) — принимают участие в построении картины мира человека и его образа себя в этом мире.

На сегодняшний день исследователи, работающие в рамках визуального подхода, обращаются ко множеству относящихся к психологии тем — от роли тела, телесности и внешности, здоровья и болезни [10; 16] до идентичности [7; 9] и проблем власти и доминирования [18]. Чаще всего мультимодальные работы совмещают анализ визуальных (фотографии, рисунки, картины) и вербальных (интервью, фокус-групповые дискуссии, дневники) данных. Фотографии наряду с разнообразными рисунками, пожалуй, наиболее популярный тип используемых в психологическом исследовании визуальных данных.

Независимо от типа визуальных данных и конкретной техники их использования все визуальные исследователи разделяют ряд общих положений: а) люди «испытывают» мир не только посредством вербальных и текстовых описаний — языка, но также посредством окружающего пространства и ощущений тела; б) люди используют мультимодальные формы передачи полученного опыта и знаний о повседневной жизни окружающим [17]. Кроме того, изображения в качественном исследовании выполняют сугубо прагматические функции: например, они позволяют развернуть хорошо отрепетированные, логичные, социально оправданные и одобряемые нарративы участников исследования и в целом обогатить интервью.

Чтобы упорядочить все разнообразие визуальных исследований, попытаемся расположить их на своеобразном континууме, на одном полюсе которого окажутся исследования, где визуальные данные используются как вспомогательное средство, на другом — исследования, целью которых является анализ визуальных данных как таковых. На этом континууме мы можем выделить пять ключевых точек:

1) изображения как вспомогательное средство визуализации результатов исследования, обеспечения наглядности, объективности выводов;

2) изображения как стимулы, триггеры для инициации и поддержания обсуждения;

3) визуальные данные как дополнение к вербальной информации в ситуации сбора данных, когда респонденты для выражения своих идей или мотивов используют иллюстрации, помогающие самораскрытию;

4) создание визуальных данных (например, рисунков или фотографий) как средства выражения своих мнений, отношения, представлений с целью их последующего совместного с исследователем анализа и обсуждения;

5) анализ изображений как самостоятельная эмпирическая цель исследования.

Итак, на левом полюсе данного континуума расположатся исследования, которые нельзя назвать визуальными в строгом смысле этого слова: средства визуализации используются здесь лишь для обеспечения наглядности имеющихся данных и полученных выводов. Прекрасным примером могут служить хрестоматийные работы этнографов, снабженные фотографиями. В современной исследовательской ситуации функцию иллюстрации выполняет использование видеосъемки. Обычный транскрипт

интервью упускает существенную составляющую процесса общения и взаимодействия людей — невербальные коды (жесты, взгляды, особенности интонации, расположение в пространстве и др.) [11]. Анализ невербальной и вербальной составляющих взаимодействия незаменим при анализе особенностей позиционирования его участников, так как порой значения и смыслы, транслируемые посредством обоих информационных каналов, могут быть прямо противоположны.

Вторая группа исследований использует изображения в индивидуальных и групповых интервью в качестве пусковых механизмов потока мыслей и ассоциаций, в качестве тем к обсуждению, подсказок для памяти [12]. В данном случае изображения не анализируются как таковые, но направляют беседу, облегчают для респондента вербализацию идей и смыслов. Одним из основных методов здесь является интервью с использованием фотографий. Суть данного метода заключается в том, что в процессе интервью респонденту предъявляется ряд специально отобранных в соответствии с целью исследования фотографий, из которых интервьюируемый должен выбрать одно или несколько изображений, наиболее соответствующих его мнению по заданному интервьюером вопросу, и объяснить свой выбор. Ключевое место в данном подходе отводится объяснению респондентом сделанного выбора, а не снимкам как таковым. Сюда же относится использование в интервью фотографий из личных и семейных архивов для облегчения припоминания наиболее значимых событий и этапов жизни [14], использование фото- и видеоматериалов в маркетинговых исследованиях для выяснения отношения к тому или иному бренду или продукту [4] и др.

Третья группа визуальных данных чаще всего представляет собой выбранные (из предлагаемого набора готовых изображений) респондентом изображения, иллюстрирующие и (или) раскрывающие его представления об обсуждаемой теме, феномене, событии. Примером использования таких приемов могут служить широко известные «исследователям-качественникам» методики «Коллаж», «Образные ассоциации» и т. п.

Следующая точка на континууме включает в себя методы, для которых визуальные данные являются, как и в предыдущем случае, не менее значимыми, чем сопровождающие их подписи и пояснения. Отличие этой группы методов заключается в том, что фотографии, рисунки, схемы не взяты в готовом виде из каких-то источников самим исследователем заранее, но создаются респондентом (в сотрудничестве с исследователем или полностью самостоятельно) непосредственно во время интервью или на предыдущих этапах исследовательского процесса. Наверное, это самая многочисленная группа методов: сюда относятся разнообразные рисуночные проективные техники [4], в том числе такие, как автопортрет (или портрет Я), карта отношений, линия жизни [6; 7]; техники фотопродуцирования (photo-production), создание фотографий на заданную тему самим респондентом [17] и др.

Последняя группа, условно называемая «анализ изображений самих по себе», объединяет методы, для которых именно изображения становятся главным объектом анализа. Целью таких исследований является изучение культурных и социальных феноменов так, как они представлены посредством изображений. Исследователи, использующие данные методы, иногда придерживаются критического

подхода к рассмотрению социальных явлений [18]: они пытаются ответить на вопрос, какие ценности, социальный порядок и общественная иерархия транслируются и поддерживаются посредством тех или иных фотографий и изображений, того или иного способа представлять действительность в средствах массовой информации, в рекламных материалах и т. д. В социологии существует отдельное направление, занимающееся изучением социальных процессов и явлений сквозь призму визуальных образов и репрезентаций, — визуальная социология [5].

Выше мы рассмотрели многообразие способов использования визуальных данных в психологическом исследовании, в заключение уместно обсудить те области исследований, в которых визуальные методы не только активно используются, но и зарекомендовали себя как продуктивный исследовательский инструмент.

Как неоднократно отмечалось выше, использование визуальных данных предполагает реализацию мультимодального подхода к анализу человеческого опыта. Наиболее очевидным преимуществом такой стратегии исследования является возможность более глубокого изучения *эмоциональной составляющей* этого опыта. В визуальных исследованиях изображения могут быть использованы как средства, облегчающие выражение и воспоминание ранее пережитых эмоций, а также как стимулы, вызывающие эмоции, которые являются индикаторами ценностно значимых явлений и событий. В частности, использование в биографическом интервью фотографий позволяет получить более эмоционально насыщенные жизненные нарративы и описания исследуемых событий [14]. Различного рода визуальные данные активно используют-

ся в маркетинговых исследованиях, в которых понимание эмоций и ценностей потребителей — одна из основных задач [4].

Следующее преимущество визуальных методов анализа данных заключается в том, что в отличие от метода традиционного интервью, поощряющего респондента организовывать свой опыт в виде связной последовательности событий, использование изображений стимулирует интервьюируемых к рефлексии социального и материального контекста, в котором был получен исследуемый опыт. Использование визуальных методов привносит в обсуждение *пространственное измерение*, которое в противном случае могло бы быть утеряно [8; 11].

Еще одна сфера применения визуальных методов — исследования *внешности и телесности* [10; 16]. Использование изображений помогает исследователю получить ответы на следующие вопросы: как респондент чувствует себя в своем теле, как воспринимает свой телесный образ, как видят его окружающие? Телесный опыт, как и эмоциональный, относится к трудновербализуемому. Выражая свои переживания в словах, человек часто руководствуется существующими штампами и стереотипами, в то время как использование визуальных данных позволяет получить менее стереотипные и культурально нагруженные репрезентации телесного опыта человека.

Темой, наиболее часто встречающейся в современных визуальных исследованиях, является тема идентичности. Для изучения различных аспектов идентичности, например особенностей маскулинной идентичности [9], изображения активно используются в нарративных интервью. Багноли [7] в своих исследованиях становления идентичности детей активно использует рисуночные про-

ективные методики, такие как портрет себя, карта отношений, линия жизни.

Наиболее очевидное преимущество использования визуальных методов заключается в том, что они способствуют полному и разностороннему раскрытию отношения к обсуждаемым событиям или явлениям. Изображения — это очень важная подсказка для памяти. Но изображения не только помогают человеку вспомнить сами события, они помогают представить эмоции и телесные ощущения, испытываемые им в тот момент.

Использование визуальных данных также становится все более популярным в исследованиях общения и взаимодействия [17]. Дискурсивный подход в психологии переместил внимание исследователей с того, что говорят люди, на то, какие социальные действия они осуществляют своими высказываниями (что они делают, что хотят изменить, когда говорят ту или эту фразу), какие версии социального мира, какой социальный порядок конструируют своими высказываниями. Однако, признавая важность анализа различных форм дискурса, нельзя недооценивать роль невербальных данных в регуляции процесса дискурсивного обмена. Фото- и видеотехнологии становятся незаменимыми в схватывании паттернов невербальной составляющей событий и явлений.

Часто упоминаемой в литературе областью приложения визуальных методов являются критические исследования в психологии и социальных науках [18]. Фотографии и другого рода изображения (в частности, представленные в средствах

массовой информации) становятся в данном случае объектом анализа и критики как инструменты поддержания, пропаганды и навязывания определенного социального порядка, системы властных отношений, одобряемых идентичностей, норм поведения и т. д. Изображения не только показывают то, что было и есть, но и демонстрируют то, как должно быть, что значит красиво, правильно и уместно, — конструируют наши желания, способы поведения и видения мира.

Социальные науки и психология не могут игнорировать факт вездесущности изображений. Одним из вызовов современных исследований является необходимость понять поведение и сознание индивидов и групп в обществе, пронизанном визуальным.

В статье представлена попытка дать краткий обзор основных идей и ключевых направлений визуальных исследований. На данный момент существуют определенные методические сложности, связанные с использованием визуальных методов в психологии, тем не менее эти методы открывают новые возможности понимания человеческого опыта. Визуальные данные могут быть методом анализа, стимулом к продуцированию ответов, средством выражения личного опыта, способом фиксации данных и представления результатов. Несмотря на преобладание вербальных методов исследования, человеческие представления о мире мультимодальны, поэтому использование мультимодальной стратегии исследования призвано обогатить знания о человеке и его месте в социальном мире.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусыгина Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. С. 55–82.
2. Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 1 // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32, 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/903-melnikova32.html> (дата обращения: 16.05.2015).
3. Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 2 // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 33, 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/930-melnikova33.html> (дата обращения: 16.05.2015).
4. Мельникова О.Т. Фокус-группы: Методы, методология, модерирование. М., 2007. 320 с.
5. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / Пер. с польск. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2007. 168 с.
6. Anthamatten P., Wee B., Korris E. Exploring children's perceptions of play using visual methodologies // Health Education Journal. 2012. Vol. 72. № 3. P. 309–318.
7. Bagnoli A. Beyond the standard interview: the use of graphic elicitation and arts-based methods // Qualitative Research. 2009. Vol. 9. № 5. P. 547–570.
8. Banks M. Using Visual Data in Qualitative Research. London: Sage, 2008. 152 p.
9. Blackbeard D., Lindegger G. The Value of Participatory Visual Methods in Young Masculinity Research // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 165. P. 85–93.
10. Del Busso L., Reavey P. Moving beyond the surface: a poststructuralist phenomenology of young women's embodied experiences in everyday life // Psychology and Sexuality. 2013. Vol. 4. № 1. P. 46–61.
11. Goodwin C. Action and embodiment within situated human interaction // Journal of Pragmatics. 2000. Vol. 32. № 10. P. 1489–1522. doi: 10.1016/S0378-2166(99)00096-X
12. Harper D. Talking about pictures: a case for photo elicitation // Visual Studies. 2002. Vol. 17. № 1. P. 13–26.
13. Hepburn A. An Introduction to Critical Social Psychology. London: Sage Publications, 2003. 304 p.
14. Kunimoto N. Intimate Archives: Japanese-Canadian family photography, 1939–1949 // Art History. 2004. Vol. 27. № 1. P. 129–155.
15. Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture. London: Routledge, 1999. 292 p.
16. Orr N., Phoenix C. Photographing physical activity: using visual methods to 'grasp at' the sensual experiences of the ageing body // Qualitative Research. Published online 24 July 2014. P. 1–19.
17. Reavey P. Visual Research in Psychology // APA handbook of research methods in psychology. Washington, DC, US, 2011. Vol. 2. P. 185–207.
18. Rose G. Visual Methodologies. An Introduction to Researching with Visual Materials. London: Sage, 2007. 240 p.
19. Visual Psychologies: Using and Interpreting Images in Qualitative Research / P. Reavey (ed). London: Routledge, 2010. 416 p.

Visual methods in socio-psychological research

O.T. MEL'NIKOVA*,

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
melnikova-o@yandex.ru*

A.S. MEZENTSEVA**,

*Laboratory "Humanitarian Technologies", Moscow, Russia,
alyona.mezentseva@yandex.ru*

The methodological and historical background of the use of visual methods in social and psychological research is considered. The advantages of a multimodal approach to the analysis of social phenomena are discussed; the main ways of including visual data in qualitative research are systematized. The key areas and directions of research using the visual approach are outlined. An attempt is made to organize all the variety of visual studies, from the use of visual data as an aid to the analysis of visual data as such. The main groups of visual studies use images 1) as a means of visualizing the results; 2) as an incentive to initiate discussion; 3) as an addition to verbal information that helps self-disclosure; 4) as a way to Express their views or relationships; 5) as an independent goal of the study. Despite the prevalence of verbal research methods in psychology, human ideas about the world are multimodal, so the use of a multimodal research strategy is designed to enrich knowledge about the person and his place in the social world.

Keywords: *visual data, visual methods, qualitative research, interpretive approach, multimodal and monomodal approaches, visual culture.*

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project 17-06-00980 «Historical and political factors of transformation of collective memory and identity in Russian society».

REFERENCES

1. Busygina N.P. «Diskursivnyj povorot» v psihologicheskikh issledovaniyah soznaniya. [The “discursive turn” in psychological studies of consciousness]. *Konsul'tacionaya psihologiya i psihoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy]*, 2010, no 1, pp. 55–82.
2. Mel'nikova O.T., Krichevec A.N., Horoshilov D.A. Istoriko-ehpistemologicheskij kontekst razvitiya kachestvennyh issledovanij v psihologii. CHast' 1. [Historical and

For citation:

Mel'nikova O.T., Mezentseva A.S. Visual methods in socio-psychological research. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 42–52. doi:10.17759/sps.2018090305 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Mel'nikova Olga T.* — PhD in Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, melnikova-o@yandex.ru

** *Mezentseva Aena S.* — head of research and development Department of the laboratory «Humanitarian Technologies», Moscow, Russia, alyona.mezentseva@yandex.ru

- epistemological context of development of qualitative research in psychology. Part 1]. *Psihologicheskie issledovaniya. Psychological research*, 2013. Vol. 6, no. 32, p. 1. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 16.05.2015).
3. Mel'nikova O.T., Krichevec A.N., Horoshilov D.A. Istoriko-ehpistemologicheskij kontekst razvitiya kachestvennyh issledovanij v psihologii. CHast' 2. [Historical and epistemological context of development of qualitative research in psychology. Part 2] *Psihologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2014. Vol. 7, no. 33, pp. 4. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 16.05.2015).
4. Mel'nikova O.T. Fokus-gruppy: Metody, metodologiya, moderirovanie [Focus groups: Methods, methodology, moderation]. Moscow, 2007. 320 p.
5. SHtompka P. Vizual'naya sociologiya. Fotografiiya kak metod issledovaniya: uchebnik [Photography as a research method: textbook]. Per. s pol'sk. N.V. Morozovoj, Moscow: Logos, 2007. 168 p.
6. Anthamatten P., Wee B., Korris E. Exploring children's perceptions of play using visual methodologies. *Health Education Journal*, 2012. Vol. 72, no. 3, pp. 309–318.
7. Bagnoli A. Beyond the standard interview: the use of graphic elicitation and arts-based methods. *Qualitative Research*, 2009. Vol. 9, no. 5, pp. 547–570.
8. Banks M. Using Visual Data in Qualitative Research. London: Sage, 2008. 152 p.
9. Blackbeard D., Lindegger G. The Value of Participatory Visual Methods in Young Masculinity Research. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015. Vol. 165, pp. 85–93.
10. Del Busso L., Reavey P. Moving beyond the surface: a poststructuralist phenomenology of young women's embodied experiences in everyday life. *Psychology and Sexuality*, 2013. Vol. 4, no. 1, pp. 46–61.
11. Goodwin C. Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*, 2000. Vol. 32, pp. 1489–1522. doi: 10.1016/S0378-2166(99)00096-X
12. Harper D. Talking about pictures: a case for photo elicitation. *Visual Studies*, 2002. Vol. 17, no. 1, pp. 13–26.
13. Hepburn A. An Introduction to Critical Social Psychology. London: Sage Publications, 2003. 304 p.
14. Kunimoto N. Intimate Archives: Japanese-Canadian family photography, 1939–1949. *Art History*, 2004. Vol. 27, no. 1, pp. 129–155.
15. Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture. London: Routledge, 1999. 292 p.
16. Orr N., Phoenix C. Photographing physical activity: using visual methods to 'grasp at' the sensual experiences of the ageing body. *Qualitative Research*. Published online 24 July 2014. pp. 1–19.
17. Reavey P. Visual Research in Psychology. *APA handbook of research methods in psychology*. Washington, DC, US, 2011. Vol. 2. pp. 185–207.
18. Rose G. Visual Methodologies. An Introduction to Researching with Visual Materials. London: Sage, 2007. 240 p.
19. Visual Psychologies: Using and Interpreting Images in Qualitative Research. In P. Reavey (eds). London: Routledge, 2010.

Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта

Е.О. ГОЛЫНЧИК*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
elena_golynchik@mail.ru

Данная статья представляет собой размышления о трудностях, с которыми сталкивается современный исследователь при изучении социально-перцептивных феноменов в контексте конфликтного взаимодействия, а также о возможностях, предоставляемых качественной методологией для их преодоления. Обобщается опыт проведения нескольких качественных эмпирических исследований. Приводятся примеры, иллюстрирующие возможности этих методов для изучения восприятия конфликта и конструирования его образа в тексте. В частности, рассмотрены такие преимущества метода глубинного интервью, как мягкое вхождение в ситуацию опроса и выход из нее; бережность к чувствам респондента, связанным с воспоминаниями о конфликте; возможность снижения социальной желательности в ответах. Из преимуществ дискурс-анализа описываются возможности применения современного дискурсивного подхода к изучению феноменов социального познания и исследования процесса конструирования образа конфликта и придания смысла конфликтным событиям в текстах новостного дискурса и интервью с помощью анализа языка и используемых лингвистических конструкций.

Ключевые слова: *психология конфликта, межличностный конфликт, социальный конфликт, восприятие конфликта, образ конфликта, социальный конструкционизм, качественные методы, глубинное интервью, дискурс-анализ.*

С середины прошлого столетия социально-перцептивные процессы являются одним из главных объектов исследова-

ния в зарубежной психологии конфликта [по: 4]. В последнее десятилетие к ним добавился интерес к изучению коллек-

Для цитаты:

Голыничик Е.О. Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 53–61. doi:10.17759/sps.2018090306

* Голыничик Елена Олеговна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Россия, elena_golynchik@mail.ru

тивных эмоций участников межгрупповой конфронтации [13; 15], а также конструированию образа конфликта посредством языка [14]. Одним из первых ученых в отечественной социальной психологии, обратившихся к изучению феноменологии социального познания в конфликтном взаимодействии, была Л.А. Петровская [8].

В данной статье мы изложим некоторые собственные размышления о трудностях, с которыми сталкивается современный исследователь, работающий в данном проблемном поле, а также о возможностях, открывающихся перед ним при использовании качественных методов (на примере нескольких эмпирических исследований, проведенных автором совместно со студентами факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Д.П. Елеференко, Е.В. Харакоз и З.Г. Шугаевой).

Реальность конфликтного общения — один из интереснейших, но в то же время сложнейших объектов научного анализа. Интереснейших — потому что в условиях конфронтации наиболее ярко проявляются известные социально-перцептивные феномены, например, такие, как избирательность и стереотипность восприятия, ошибки атрибуции [4; 9]. А сложнейших — по ряду причин, некоторые из которых мы рассмотрим. Одна из трудностей связана с тем, что ученый редко становится непосредственным наблюдателем реального конфликтного взаимодействия и не может опросить его участников на месте событий, так как это сопряжено с процедурными и этическими сложностями. Обычно он имеет дело с осмыслением и попытками найти объяснение *уже произошедшим конфликтным событиям* и должен учитывать это обстоятельство.

Зачастую исследователь сталкивается с неприятными для людей *эмоциональными переживаниями, сопровождающими конфликтное взаимодействие и воспоминания о нем* [15], что приводит к низкой мотивации участия и высокому риску возникновения негативных последствий такого исследования для респондентов.

Выбор качественных методов сбора данных, например глубинного интервью, позволяет проявить бережность и заботу о респондентах при разговоре на эмоционально значимую тему, а мягкий выход из ситуации интервью с использованием функциональных вопросов, например о том, что помогает справляться с конфликтами, позволяет на позитивной ноте завершить беседу.

Следующая проблема, которая особенно остро встает в исследованиях межличностных конфликтов, — это *социальная желательность ответов* респондентов. Само слово «конфликт» имеет преимущественно негативную коннотацию в русском языке [4], а конфликтное поведение нередко порицается, что определяет «конфликтophobia» наших соотечественников [10]. Бесконфликтность, умение ладить с окружающими и справляться со своими эмоциями входят в число требований, предъявляемых к носителям многих профессиональных ролей, например, таких, как учитель, преподаватель, руководитель. В связи с этим мы можем сталкиваться с избеганием слова «конфликт» в ответах, указанием на собственную бесконфликтность, сложностями признания факта участия в конфликте, описания и оценки своего конфликтного поведения. Подобные сложности возникли у нас при проведении исследования, целью которого

являлось изучение восприятия преподавателями и студентами конфликтов между ними. Применение глубинного фокусированного интервью помогло постепенно перейти от обсуждения более общей темы (специфики педагогического общения в современном мире) к описанию реальных конфликтных ситуаций, с которыми сталкивались как преподаватели, так и студенты. Респонденты отмечали, что за последнее десятилетие их взаимодействие стало более конфликтным, в нем присутствует меньше проявлений уважения со стороны студентов к преподавателю и образовательному процессу в целом, нормы поведения в вузе стали более свободными, чаще встречается формальное отношение со стороны преподавателя, меньше личной включенности в жизнь студентов. Вместе с тем в качестве конфликтных воспринимались только наиболее острые ситуации, когда столкновение происходило прямо и открыто (для студентов), когда конфронтация затягивалась, становилась публичной, сопровождалась вмешательством третьих лиц, коллег и администрации (для преподавателей).

Важное преимущество применения методологических принципов качественных исследований [7] при анализе текстов интервью — это *возможность выйти за пределы классических моделей социально-перцептивных процессов*, например каузальной атрибуции. Качественный анализ данных в описанном выше исследовании позволил реализовать более современный дискурсивный подход к изучению этого феномена, согласно которому атрибутивные выводы встроены в повседневную коммуникацию людей, в то, как они описывают происходящие события

и сообщают о них другим. При этом любое описание событий рассматривается как не нейтральное, а изначально пристрастное, зависящее от контекста взаимодействия с партнером, занимаемых позиций, и именно это определяет характер атрибутивных заключений [11]. Так, в текстах студенческих интервью большинство конфликтов объяснялось личностными особенностями «плохих» конфликтных студентов. Респонденты позиционировали себя в качестве очевидцев, а не участников таких ситуаций, как «хороших студентов», не нарушающих норм и правил взаимодействия в вузе, признающих существующую субординацию, не попадающих в конфликтные отношения с преподавателем и умеющих их предотвращать, поддерживая таким образом свою позитивную идентичность. Для обозначения собственных проблемных ситуаций во взаимодействии с преподавателями студенты использовали другие слова, такие как «непонимание», «разногласия», и подчеркивали, что делают все возможное, чтобы предотвратить переход этих ситуаций в конфликт. Такой результат согласуется с данными других исследований, свидетельствующими о высокой дистанции от власти у российских студентов, которая заставляет их избегать вертикальных конфликтов в образовательной среде [3].

В текстах ответов преподавателей конструировался образ «хорошего преподавателя», вынужденного в наши дни участвовать в конфликтах, причиной которых являются студенты, но не обвиняющего их в этом полностью, находя и другие, социальные и культурные объяснения конфликтного поведения молодежи. Респонденты позициониро-

вали себя как участников описываемых ситуаций и как экспертов по подобным конфликтам, в интервью они искали эффективные педагогические решения возникающих проблем, поддерживая собственную позитивную профессиональную идентичность.

Смена исследовательских парадигм, происходящая в психологии конфликта, также бросает вызов привычной методологии исследования. И в этом заключается еще одна сложность и одновременно новые возможности изучения восприятия конфликта. В работах конца XX в. внимание ученых, работающих в русле когнитивного подхода, привлекла проблема адекватности осознания ситуации конфликта, обсуждалась объективно-субъективная природа противоречия, лежащего в его основе [по: 4]. Субъективное видение любого конфликта оценивалось как соответствующее или не соответствующее реальному положению вещей, что заставляло ученых говорить о наличии возможных искажений, ошибок, иллюзий в субъективном отражении объективных условий конфликта [8]. В науке хорошо изучены подобные эффекты, такие как стереотипность восприятия, атрибутивное искажение, формирование «образа врага» [6; 9].

Современные работы, посвященные феноменологии социального познания в условиях конфликта, все чаще опираются на методологию социального конструкционизма, предполагающую множественность описаний конфликтной реальности, создаваемых людьми в процессе коммуникации. И ни одно из них не оценивается как более истинное. При этом экспертная трактовка событий, даваемая конфликтологами или новостными СМИ, рассматривается как один

из возможных взглядов на ситуацию с определенной позиции. Большое внимание при изучении конструирования образа конфликта уделяется анализу ситуационного и социального контекста коммуникации, в котором этот образ возникает, учитываются культурные истоки конфликта, контекст межгрупповых отношений, дисбаланс власти, существующая социальная иерархия, более широкая система представлений, через призму которой конфликт выглядит именно так, а не иначе [12; 14].

Особо сложным объектом для исследования является социальный конфликт, имеющий широкий общественный резонанс, ярко представленный в СМИ и общественном дискурсе. Каждая из сторон стремится управлять процессом смыслообразования и конкурирует за доминирующую в обществе версию интерпретации событий [2].

Изучение *осмысления конфликтных событий в тексте* — сложная методологическая задача. Использование контент-анализа не позволяет проследить этот процесс и рассмотреть применяемые лингвистические средства и их функции, в то время как дискурс-анализ [7] имеет важные преимущества при решении такой задачи. Внимание к авторскому языку, словам и выражениям, при помощи которых описывается и объясняется конфликтная ситуация, к используемым риторическим средствам, крылатым выражениям, эпитетам, ярлыкам и метафорам позволяет обратиться к феноменам социального познания в конфликте напрямую, а не через призму существующих научных понятий и гипотез исследования [1], проанализировать социальный и дискурсивный контекст, в котором актуальному конфликту придается тот или иной смысл, лучше понять

конструирование образа конфликта как его непосредственными участниками, так и сторонними наблюдателями, представителями заинтересованных социальных групп, экспертами, журналистами. Такой анализ позволяет сделать предметом рассмотрения не только содержание образа конфликта, но и позицию, занимаемую автором текста.

Нами была проведена серия исследований, посвященных конструированию образа конфликта между Россией и Украиной (2014–2017 гг.) с применением методов интервью и дискурс-анализа. Используя формулировку «конфликт между Россией и Украиной» для обозначения происходящих событий, мы имели в виду, что отношения между этими странами подпадают под категорию конфликтных с точки зрения конфликтологии. Но, анализируя тексты, мы отдавали себе отчет в том, что они могут не восприниматься как таковые их авторами.

В качестве иллюстрации хочется привести последний из реализованных этапов исследования, где в фокусе нашего внимания оказалась роль коллективной памяти в конструировании образа актуального социального конфликта. При его проведении мы опирались на опыт изучения межгрупповых трудноразрешимых конфликтов в израильской школе [16], а также исследования коллективной памяти о Великой Отечественной войне Т.П. Емельяновой [5].

Анализу подвергались сообщения из новостных СМИ, посвященные отдельным эпизодам конфликта, а также тексты интервью с москвичами. Использование дискурс-анализа позволило выделить различные способы актуализации событий прошлого для конструирования образа конфликта в настоящем:

использование ярлыков, прямые или косвенные отсылки к событиям прошлого, упоминание конкретных исторических личностей и событий, подкрепленные эмоционально насыщенными риторическими средствами (эпитетами, метафорами).

В текстах новостных СМИ эти средства использовались с разными целями. Во-первых, для обоснования намерений, преследуемых правительством. Например, для оправдания военных действий, позиционирования их как вынужденных, оборонительных, миротворческих применялась идентификация с историческими фигурами освободителей от фашизма или борцов за свободу. Во-вторых, для делигитимизации действий отдельных членов аутгруппы и группы противника в целом. Например, привлечение отсылок к историческим событиям времен гитлеровской Германии, фашизма, сталинских репрессий, упоминание конкретных исторических фигур того времени использовались с целью деморализации аутгруппы, объяснения ее действий злым умыслом, жестокостью, стремлением уничтожить ингруппу. В-третьих, для позиционирования собственной группы или ее части (например, жителей Крыма) в качестве жертвы. Например, с использованием апелляции к таким событиям прошлого, как геноцид, депортация, дискриминация со стороны аутгруппы. В-четвертых, для повышения солидарности внутри собственной группы. Например, с помощью указаний на единство в оценке и отношении к конфликту среди всех представителей ингруппы, апелляции к легитимности власти в своем государстве, использования отсылок к успехам и победам прошлого, когда государство было целостным и сильным. Перечис-

ленные цели актуализации событий прошлого для осмысления актуального конфликта созвучны функциям коллективной памяти, выделенным Т.П. Емельяновой [5].

Использование отсылок к содержанию коллективной памяти при конструировании образа актуального конфликта позволяет «продлить» конфликтную историю в прошлое за счет избирательного включения в нее более ранних событий и позиционирования актуального конфликта как их продолжения. Таким образом, например, конструируется идея о неизменности негативных черт аутгруппы, что обычно влечет коллективное эмоциональное переживание безысходности, часто сопровождающее трудно разрешимые конфликты [13].

Дискурс-анализ ответов на вопросы интервью показал, что анализируемый нами конфликт России и Украины не воспринимается и не описывается как реальный большинством респондентов. То есть вооруженные столкновения на юго-востоке Украины, присоединение Крыма к России не отрицаются, но эти события описываются как «искусственный», «инсценированный», «тщательно подготовленный», «раздутый» конфликт. Фокус внимания смещается с противостояния России и Украины на противопоставление политических элит, верхушек, властей обеих стран (и некоторых других — США, Евросоюза) с одной стороны и обычных граждан — с другой. В качестве пред-

ставителей аутгруппы определяются лица, наделенные властью, независимо от их национальной принадлежности и «спонсированные» ими агрессоры, а в качестве ингруппы — рядовые граждане России и Украины. Официальные власти представляются в текстах в качестве агрессора, а большинство населения России и Украины описывается как страдающее и испытывающее негативные последствия от искусственно созданного конфликта. Одним из средств, при помощи которых конструировалась такая картина конфликта, являлось косвенное указание на страдания ингруппы «простых людей» от действий аутгруппы «властей» в прошлом. Присутствовали прямые отсылки к войне в Ираке, Сирии, Египте, развалу Югославии и другим конфликтам, ответственность за которые приписывалась той или иной группе власть имущих, действующих для достижения внутренних интересов и вопреки интересам рядовых граждан.

В рамках данной статьи нам удалось рассмотреть лишь немногие сложности, связанные с изучением феноменологии социального познания в контексте конфликтного взаимодействия в современной психологии. Перечисление преимуществ использования качественной методологии для преодоления этих сложностей не претендует на полноту, опирается на опыт проведения всего нескольких подобных исследований, может расширяться в будущем.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии: учеб. пособие. М.: МГППУ, 2011. 304 с.
2. Голынчик Е.О. Коллективные переживания трудноразрешимых социальных конфликтов // Коллективные переживания социальных проблем: коллективная монография / Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015. С. 114–145.
3. Голынчик Е.О., Батхина А.А. Стратегии поведения в межличностном конфликте у студентов: кросс-культурное сравнение [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2017. Т. 10. № 53. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1435-golynchik53.html> (дата обращения: 25.02.2018).
4. Гришина Н.В. Психология конфликта: учеб. пособие. СПб: Питер, 2016. 576 с.
5. Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 49–59.
6. Лебедева М.М. Особенности восприятия в конфликте и кризисе // Конфликтология: Хрестоматия / Сост. Н.И. Леонов. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модек», 2002. С. 172–180.
7. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник моск. ун-та. Сер.14. Психология. 2013. № 3. С. 4–14.
8. Петровская Л.А. О понятийной схеме психологического анализа конфликта // Общение – компетентность – тренинг: избранные труды. М.: Смысл, 2007. С. 109–125.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
10. Хасан Б.И. Природа и механизмы конфликтофобии // Конфликтология: хрестоматия / Сост. Н.И. Леонов. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модек», 2002. С. 98–105.
11. Augoustinos M., Walker I., Donaghue N. Social Cognition. London: Sage, 2006. 376 p.
12. Coleman P.T. Intractable Conflict // The Handbook of Conflict Resolution: theory and practice / M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus (eds.) San Francisco: Jossey-Bass, 2014. Kindle Edition.
13. Halperin E. Emotions in conflict. Inhibitors or Facilitators of Peace Making. New York, London: Routledge, 2016. 240 p.
14. Moghaddam F., Harre R. Words, conflicts and political processes // Words of conflict, words of war: how the language we use in political processes sparks fighting / F. Moghaddam, R. Harre (eds.). Santa Barbara: Praeger, 2010. P. 1–27.
15. Lindner E.C. Emotion and conflict: Why it is important to understand how emotions affect conflict and how conflict affects emotions // The Handbook of Conflict Resolution: theory and practice / M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus (eds.) San Francisco: Jossey-Bass, 2014. Kindle Edition.
16. Paez D., Liu J.H. The collective remembering of conflict and its role in Fueling an ethos of conflict in society // The Social Psychology of Intractable Conflicts: celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal / E. Halperin, K. Sharvit (eds.) Springer, 2015. P. 61–74.

Potential of qualitative methods in the modern research of conflict perception

E.O. GOLYNCHIK*,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
elena_golynchik@mail.ru

The current article represents the thoughts about difficulties, which the researcher faces while studying the social-perceptual phenomena in the context of conflict interaction and also about advantages and potentials which are given by usage of qualitative methodology in similar researches. The text generalizes the expertise of several empirical researches. Shows the examples of abilities of current methods in studying the perception of the conflict and constructing it's image in text. Described the following advantages of depth interview as soft entering and closing the interview situation; careful attitude towards interviewee feelings that are linked to memories about conflict; possibility of social desirability in the replies. Out of the advantages of discourse analysis are shown the next as possibility of usage contemporary discourse approach in studying phenomena of social cognition and research of conflict's image constructing process and giving meaning to conflict events in texts of news discourse and interviewing by means of language and linguistic construction analysis.

Keywords: *psychology of conflict, interpersonal conflict, social conflict, perception of the conflict, image of the conflict, social constructionism, qualitative methods, depth interview, discourse analysis.*

Funding

This work was supported by grant RFBR №17-06-00980 «The historical and political factors of transformation of the collective memory and identity of the Russian society».

REFERENCES

1. Busygina N.P. Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii. Uchebnoe posobie [Methodology of Qualitative Researches in Psychology]. Moscow: Publ. MGPPU, 2011. 304 p.
2. Golynchik E.O. Kollektivnye perezhivaniya trudnorazreshimyykh sotsial'nykh konfliktov [Collective experience of intractable social conflicts]. In Stefanenko T.G. (eds.). *Kollektivnye perezhivaniya sotsial'nykh problem: Kollektivnaya monografiya [Collective experience of social problems]*. Moscow: Smysl, 2015, pp. 114–145.
3. Golynchik E.O., Batkhina A.A. Strategii povedeniya v mezhlchnostnom konflikte u studentov: kross-kul'turnoe sravnenie [Elektronnyi resurs] [The behavior strategies u studentov: kross-kul'turnoe sravnenie [Elektronnyi resurs] [The behavior strategies

For citation:

Golynchik E.O.. Potential of qualitative methods in the modern research of conflict perception. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 53–61. doi:10.17759/sps.2018090306 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Golynchik Elena O.* — PhD in Psychology, Senior Scientific Researcher of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, elena_golynchik@mail.ru

- in interpersonal conflict among students: cross-cultural research]. *Psikhologicheskie issledovaniya (elektronnyi zhurnal) [Psychological Research]*, 2017. Vol. 10, no. 53, p. 12. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1435-golynchik53.html> (Accessed 25.02.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.)
4. Grishina N.V. *Psikhologiya konflikta. Uchebnoe posobie [Psychology of conflict]*. Saint-Petersburg: Piter, 2016. 576 p.
 5. Emel'yanova T.P. Sotsial'noe predstavlenie kak instrument kollektivnoi pamyati (na primere vospominanii o Velikoi Otechestvennoi voine) [Social representation as instrument of collective memory (based on recollection about Great Patriotic war)]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2002. Vol. 23, no. 4, pp. 49–59.
 6. Lebedeva M.M. Osobennosti vospriyatiya v konflikte i krizise [Peculiarity of perception in conflict and crisis]. In Leonov N.I. (ed.) *Konfliktologiya: Khrestomatiya [Conflictology. Textbook]*. Moscow: Publ. Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: NPO «Modek», 2002, pp. 172–180.
 7. Mel'nikova O.T., Khoroshilov D.A. Metodologicheskie printsipy kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Methodological principles of qualitative researchers in psychology]. *Vestnik mosk. un-ta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 2013, no 3, pp. 4–14.
 8. Petrovskaya L.A. O ponyatiinoy skheme psikhologicheskogo analiza konflikta [About conceptual scheme of psychological analysis of conflict] In Petrovskaya L.A. *Obshchenie – kompetentnost' – trening: Izbrannye trudy [Communication – competence – training: Selectas]*. Moscow: Smysl, 2007, pp. 109–125.
 9. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya. Uchebnoe posobie [Ethnopsychology]*. Moscow: Aspekt Press, 2014. 352 p.
 10. Khasan B.I. Priroda i mekhanizmy konfliktofobii [Nature and mechanics of «konfliktofobia»]. In Leonov N.I. (ed.) *Konfliktologiya: Khrestomatiya [Conflictology. Textbook]*. Moscow: Publ. Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: NPO «Modek», 2002, pp. 98–104.
 11. Augoustinos M., Walker I., Donaghue N. *Social Cognition*. London: Sage, 2006. 376 p.
 12. Coleman P.T. Intractable Conflict. In Deutsch M., Coleman P.T., Marcus E.C. (eds.) *The Handbook of Conflict Resolution: theory and practice*. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. Kindle Edition.
 13. Halperin E. *Emotions in conflict. Inhibitors or Facilitators of Peace Making*. New York, London: Routledge, 2016. 240 p.
 14. Moghaddam F., Harre R. Words, conflicts and political processes. In Moghaddam F., Harre R. (eds.) *Words of conflict, words of war: how the language we use in political processes sparks fighting*. Santa Barbara: Praeger, 2010, pp. 1–27.
 15. Lindner E.C. Emotion and conflict: Why it is important to understand how emotions affect conflict and how conflict affects emotions. In Deutsch M., Coleman P.T., Marcus E.C. (eds.) *The Handbook of Conflict Resolution: theory and practice*. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. Kindle Edition.
 16. Paez D., Liu J.H. The collective remembering of conflict and its role in Fueling an ethos of conflict in society. In Halperin E., Sharvit K. (eds.) *The Social Psychology of Intractable Conflicts: celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal*. Springer, 2015, pp. 61–74.

Использование различных стратегий «смешанных методов» в диагностике организационной культуры

С.А. ЛИПАТОВ*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
s_lipatov@mail.ru

В статье описаны различия между количественными и качественными методами на различных уровнях научной методологии. Проанализированы преимущества и недостатки этих групп методов применительно к процессу изучения культуры организации, сделан вывод о том, что отдельное использование исключительно одного класса методов в диагностике организационной культуры может привести к построению не совсем адекватной картины. Появление стратегии «смешанных методов» является вполне закономерным явлением. Однако совместное использование разнотипных методов в одном исследовании предполагает решение ряда методологических и методических проблем их соотношения. Рассматривается вариант теоретического обоснования, направляющего такие исследования, предложенный Дж. Грин и ее коллегами, на основании которого описываются три стратегии смешивания количественных и качественных методов в диагностике культуры организации: триангуляция, дополнение, развитие. Предполагается возможность совмещения данных стратегий в процессе диагностики культуры организации для получения более полного, надежного и в наибольшей степени соответствующего исследуемой реальности результата.

Ключевые слова: *качественная методология, количественная методология, стратегии «смешанных методов», диагностика организационной культуры, триангуляция, дополнение, развитие.*

Дискуссия о соотношении количественного и качественного подходов к исследованиям в социальных науках продолжается в течение нескольких десяти-

летий. В ходе этой дискуссии выдвигались обоснования преимуществ использования одного подхода перед другим в процессе изучения психологических, со-

Для цитаты:

Липатов С.А. Использование различных стратегий «смешанных методов» в диагностике организационной культуры // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 62–70. doi:10.17759/sps.2018090307

* *Липатов Сергей Алексеевич* — кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Россия, s_lipatov@mail.ru

циальных, социально-психологических явлений и процессов. Многие методологи считают полезным проведение четких различий между количественными и качественными исследованиями, которые имеют место на разных уровнях методологии [12]. Во-первых, количественные и качественные методы представляют собой две разные методологические традиции. Они различаются по тому, какие процедуры сбора информации применяются в исследовании, как эта собранная информация обрабатывается и анализируется, как на основе проведенного анализа формулируются и подтверждаются выводы [5]. Во-вторых, количественные и качественные методы имеют дело с разными типами данных. В количественной стратегии исследования используют числовые данные, полученные с помощью опросов или других измерительных процедур. В противоположность этому качественные исследования преимущественно используют вербальные и смысловые данные, полученные с помощью интервью, фокус-групп, включенного наблюдения и других подобных методов.

Многие авторы (см., например, [7; 12]) называют в качестве одного из основных отличий количественных и качественных стратегий исследования различия в основных эпистемологических предположениях ученых, использующих ту или другую группу методов, а также указывают на различия в природе феноменов, исследуемых с помощью данных групп методов. Часто говорят о существовании двух лагерей исследователей в социальных науках, так называемых «качественников» и «количественников», члены которых отличаются друг от друга основными представлениями, предположениями о мире и, как следствие, о том, как наука должна и способ-

на изучать этот мир. Данные различия часто приводят к игнорированию исследователями противоположной методологии и результатов, полученных с ее помощью, при этом зачастую предметом изучения и тех и других является один и тот же феномен, явление, социальный или психологический процесс [5]. Однако в настоящее время разногласия между этими подходами постепенно теряют актуальность, наблюдается тенденция к интеграции, «смешиванию» методов и подходов [3].

Особенно это видно на примере изучения культуры организаций. В процессе исследования организационной культуры количественные и качественные методы обладают как преимуществами, так и недостатками [12]. К преимуществам количественных методов относятся:

- 1) быстрый сбор и анализ данных;
- 2) представление полученных данных в стандартизованном виде;
- 3) легкое сравнение собственных данных с данными, полученными в других исследованиях;
- 4) возможность использования полученных данных для выявления каузальных, корреляционных и других связей между организационной культурой и другими переменными.

Недостатками же считаются следующие моменты количественной стратегии:

- 1) часть респондентов может не понять вопросы;
- 2) вопросы методик могут быть неправильно интерпретированы респондентами;
- 3) важное может ускользнуть от исследователя, так как внимание направлено только на заранее определенные концепты;
- 4) трудно выявить глубинные структуры организационной культуры;

5) трудно делать выводы о причинах определенных поведенческих паттернов индивидов.

Преимуществами качественных методов в данном случае считаются:

1) возможность предварительного зондирования для определения наличия и первоначального понимания ценностей, верований и предположений;

2) обширность и открытость исследования для новых вопросов;

3) возможность исследовать более глубокие и скрытые структуры организационной культуры;

4) возможность выявить причины конкретных представлений и поведенческих паттернов индивидов.

К недостаткам качественных методов относят следующие аспекты:

1) на проведение исследования культуры организации затрачивается очень много времени;

2) важные вещи могут ускользнуть от исследователя, так как его личный опыт и знания влияют на наблюдение и интерпретации, сделанные им;

3) важное может ускользнуть и потому, что члены организации могут влиять на выбор вопросов и тем в процессе исследования;

4) качество результатов в большой степени зависит от квалификации исследователя, поэтому к нему предъявляются довольно высокие требования.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что отдельное использование в процессе изучения или диагностики организационной культуры исключительно одного класса методов может привести к построению не совсем адекватной картины изучаемого явления, к снижению объяснительной способности проводимого исследования, так как каждый из них имеет существенные

недостатки. Однако недостатки одного класса методов могут быть компенсированы методами другого класса, поэтому логичной является стратегия совмещения количественных и качественных методов в одном исследовании. Кроме того, хотя между количественными и качественными исследованиями существуют различия в эпистемологических и онтологических основах, связь этих методологических соображений со стратегией исследования не является строго детерминированной [7].

Поэтому в исследовательской и диагностической практике появились стратегии, объединяющие в одном исследовании количественные и качественные методы, так как их совместное использование способствует более полному описанию и раскрытию изучаемых феноменов. С начала 1980-х гг. количество таких комбинированных исследований возросло, особую популярность они приобрели в исследованиях организаций и менеджмента [7; 9].

Стратегии совместного использования количественных и качественных методов

Хотя первые публикации о возможности сочетания качественных и количественных подходов в одном исследовании появились в 80–90-х гг. XX в. [4], Дж. Крессвелл и В. Плато Кларк [8] утверждают, что выделение «смешанного» подхода как отдельного методологического направления наряду с количественной и качественной методологией исследований в социальных науках началось лишь с начала 2000-х гг.

Принципиальным моментом «смешанного» дизайна исследования явля-

ется условие, что полученные данные от комбинации разнотипных методов будут превосходить результаты применения одного метода. Это особый тип исследования, в котором комбинируются (интегрируются) количественные и качественные исследовательские подходы, методы, техники и языки описания. Цель состоит в использовании сильных сторон каждого из методов и минимизации недостатков [3; 4]. Однако совместное использование разнотипных методов в одном исследовании предполагает решение ряда методологических и методических проблем их соотношения. Более того, многометодные исследования должны характеризоваться особым планом (research design). Дискуссии о целях комбинирования количественных и качественных подходов привели к разработке нескольких типологий дизайнов «смешанных» исследований.

Одна из первых попыток описать цели «смешивания» методов исследования принадлежит Дж. Грин, В. Карачелли и В. Грэхэм [10]. На основании контент-анализа 57 эмпирических исследований, в которых одновременно использовались количественные и качественные методы, авторы выделили пять целей, которые при этом реализовывались: 1) триангуляция [triangulation]; 2) дополнение [complementarity]; 3) развитие [development]; 4) инициация [initiation]; 5) экспансия [expansion]. Авторы упорядочили их по уровню «гибкости» исследовательского процесса и его открытости к получению новой информации.

В случае «триангуляции» в одном исследовании применяются отличные друг от друга по форме, по предположениям, лежащим в их основе, методы. Это дает возможность усилить их преимущества

и ослабить недостатки. Методы обычно применяются в рамках одной парадигмы и имеют равный статус. При этом, поскольку основной целью является увеличение внешней валидности полученных данных, с помощью разнотипных методов должен оцениваться один и тот же феномен. Методы применяются независимо друг от друга, но параллельно, в рамках одного исследования.

При «дополнении» разнотипные методы используются для изучения разных, но пересекающихся феноменов или для изучения разных сторон одного феномена. При этом парадигма использования обоих типов методов должна быть одной и той же, а методы применяются параллельно и совместно (системно) в рамках одного исследования.

Цель «развитие» предполагает последовательное использование качественных и количественных методов. Результаты, полученные с помощью одного метода, используются для формирования выборки, разработки инструментов, применяемых в дальнейшем. При этом совместно (системно) применяются отличающиеся друг от друга, но равнозначные методы, используемые для оценки одного или сходных феноменов, концептуализированных в рамках одной парадигмы.

Исследовательский план в рамках цели «инициация» направлен на поиск парадокса или противоречия, новых перспектив в исследовании и характеризуется системным использованием отличных друг от друга равнозначных методов, направленных на оценку как одного феномена, так и разных феноменов, которые могут быть рассмотрены с точки зрения различных парадигм.

Стратегия исследования, в которой реализуется цель «экспансия», характерна

ризуется использованием различных методов для анализа разных аспектов (или феноменов) проблемы. Для каждого аспекта осуществляется выбор наиболее подходящего метода.

Позднее появились попытки представить «образцы» или «идеальные типы» стратегии смешивания методов. Например, Дж. Крессвелл и В. Плато Кларк выделяют четыре пункта, по которым исследователь выбирает свою стратегию «смешивания» методов: 1) уровень взаимодействия между ветками исследования (интерактивный — независимый типы); 2) приоритет одной из веток исследования или их гармоничное сочетание; 3) последовательное или параллельное выполнение качественной и количественной веток исследования; 4) определение момента, с которого будет проводиться интегрирование данных [8]. Американский социолог Д. Морган предложил классификацию «смешанных» исследований на основании двух критериев:

- *установление приоритетов* — определение основного и дополнительного метода или они рассматриваются как равнозначные;
- *последовательность действий* — определение места дополнительного метода по отношению к основному.

Опора на эти критерии позволяет выделить девять типов дизайнов «смешанных» исследований [11].

Использование стратегии «смешанных методов» при изучении культуры организации

Организационная культура является одним из конструктов, требующих совмещения количественных и качествен-

ных методов при их изучении, так как характеризуется наличием разных уровней и аспектов, предполагающих разные методы изучения. На наш взгляд, из выделенных Дж. Грин и ее коллегами [10] целей совмещения количественных и качественных методов в одном исследовании наиболее подходящими, отвечающими целям изучения и диагностики культуры организации являются три из них: *триангуляция, дополнение, развитие*.

Основной целью исследовательской стратегии «*триангуляция*» является увеличение валидности и надежности измерений. Это коррелирует с требованиями, предъявляемыми к инструментам диагностики организации в целом и диагностики организационной культуры в частности [2]. Поэтому использование данной стратегии при исследовании и диагностике культуры организации представляется оправданным и адекватным.

Целью стратегии «*дополнение*» является всестороннее изучение явления, рассмотрение всех его аспектов с помощью количественных и качественных методов. Организационная культура чаще всего понимается как воспринимаемое, оцениваемое и усваиваемое членами организации сложное, многоуровневое образование, оказывающее влияние на их поведение [1]. Ее сложность и многоаспектность определяется тем, что она представлена в структурах разных уровней: от внешних поведенческих проявлений и артефактов до неосознаваемых базовых представлений [6]. В связи с этим процесс изучения и диагностики культуры должен осуществляться сразу на всех уровнях ее репрезентации, а также включать разнотипные методы, наиболее подходящие для изучения того или иного уровня. Таким

образом, стратегия «дополнение» является продуктивной и адекватной в процессе диагностики такого сложного и многоаспектного конструкта, как организационная культура.

Цель стратегии «развитие» — подбор наиболее адекватного исследуемой реальности последующего используемого метода (а также увеличение конструктивной и внешней валидности измерений). Если рассмотреть процесс организационной диагностики хронологически, то она подразделяется на предварительную, целью которой является определение основных проблемных сфер, «узких мест» организации и составление программы последующей работы с организацией, и текущую, целью которой является более специальная работа с частной проблемой, выявленной на предварительном этапе [2]. Такая организация работы по выявлению проблем сходна со стратегией «развитие», а поскольку диагностика культуры организации является разновидностью организационной диагностики, то использование при этом данной стратегии является адекватным и довольно продуктивным.

Анализ целей каждой из трех диагностических стратегий (триангуляция, дополнение, развитие) показывает, что они отражают цели и задачи практически любого научного и диагностического исследования. Применение одной из них не исключает применение в том же самом исследовании и других стратегий. Анализ исследовательских планов, применяемых в рамках каждой из трех стратегий, показывает их близость, а иногда и сходство по большинству параметров. В частности, все три стратегии используют различающиеся между собой количественные и качественные исследователь-

ские методы, которые при этом обладают одинаковым по отношению друг к другу статусом в конкретном исследовании. Все три стратегии направлены на изучение одного феномена или на его различные аспекты. Парадигма применения разнотипных методов во всех стратегиях в рамках одного конкретного исследования одна. Количественные и качественные методы могут применяться как независимо друг от друга (триангуляция), так и совместно (дополнение, развитие). Обычно их применение осуществляется в рамках одного полноценного исследования, хотя во времени они могут применяться как параллельно, так и последовательно. Все это наводит на мысль о возможности совмещения данных стратегий в процессе диагностики культуры организации для получения более полного, надежного и в наибольшей степени соответствующего исследуемой реальности результата.

Тем не менее необходимо отметить, что изучение организационной культуры не может дать ответы на все проблемы организации и не может быть применено ко всем ее аспектам. Так, неадекватное использование полученных при диагностике организационной культуры данных может поставить организацию в невыгодное положение в финансовом или репутационном планах, в то время как грамотное их использование может служить отправной точкой для решения проблем и являться даже способом создания такого рода решений. Важно всегда помнить о двух ключевых вопросах: какова цель диагностики и с какой целью будет применена полученная информация? Ответы на эти вопросы будут способствовать практическому решению организационных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лунатов С.А.* Социально-психологическая диагностика организационной культуры: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 208 с.
2. *Лунатов С.А.* Модели и методы организационной диагностики // Методы практической социальной психологии: Диагностика. Консультирование. Тренинг / под ред. Ю.М. Жукова. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 48–68.
3. *Полухина Е.В., Просянюк Д.В.* Исследование со смешанными методами (mixed methods research): Интеграция количественного и качественного подходов // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. Вып. 5. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 309–318.
4. *Савинская О.Б., Истомина А.Г., Ларкина Т.Ю., Круглова К.Д.* Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29.
5. *Толстова Ю.Н., Масленников Е.В.* Качественная и количественная стратегии: Эмпирическое исследование как измерение в широком смысле // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 101–109.
6. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. СПб: Питер, 2013. 352 с.
7. *Bryman A., Bell E.* Business Research Methods. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. 806 p.
8. *Cresswell J.W., Plano Clark V.L.* Designing and Conducting Mixed Method Research. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2011. 488 p.
9. *Di Pofi J.A.* Organizational diagnostics: integrating qualitative and quantitative methodology // Journal of Organizational Change Management. 2002. Vol. 15. № 2. P. 156–168.
10. *Green J.C., Caracelli V.J., Graham W.F.* Towards a conceptual framework for mixed-method evaluation designs // Educational Evaluation and Policy Analysis. 1989. Vol. 11. № 3. P. 255–274.
11. *Morgan D.* Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Thousand Oaks: Sage, 2014. 260 p.
12. *Yauch C.A., Steudel H.J.* Complementary use of qualitative and quantitative cultural assessment methods // Organizational Research Methods. 2003. Vol. 6. № 4. P. 465–481.

Use of various strategies of mixed methods research in organizational culture diagnosis

S.A. LIPATOV*,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
s_lipatov@mail.ru

Differences between quantitative and qualitative methods at various levels are described. The advantages and disadvantages of these groups of methods are analyzed in relation to the process of studying the culture of the organization, it is concluded that the separate use of only one class of methods in the diagnosis of organizational culture can lead to the construction of an inadequate picture. The emergence of a strategy of “mixed methods” is quite natural phenomenon. However, the joint use of different methods in one study involves solving a number of methodological problems of their interrelation. We consider a variant of the theoretical justification that guides such studies, proposed by J. Green and her colleagues, based on which three strategies for mixing quantitative and qualitative methods in diagnosing the culture of an organization are described: triangulation, addition, and development. It is supposed that these strategies can be combined in the process of an organizational culture diagnosis in order to obtain a more complete, reliable and most relevant result.

Keywords: *qualitative methodology, quantitative methodology, mixed methods research, organizational culture diagnostics, triangulation, complementation, development.*

REFERENCES

1. Lipatov S.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika organizatsionnoi kul'tury: Dis. kand. psikhol. nauk. [Social psychological diagnostics of organizational culture. Ph.D. (Psychology) diss.]. Moscow, 1999. 208 p.
2. Lipatov S.A. Modeli i metody organizatsionnoi diagnostiki. In Zhukov Yu.M. (ed.) *Metody prakticheskoi sotsial'noi psikhologii: Diagnostika. Konsul'tirovanie. Trening* [Methods of Practicing Social Psychology: Diagnostics. Consulting. Training]. Moscow: Aspekt Press, 2004, pp. 48–68.
3. Polukhina E.V., Prosyanyuk D.V. Issledovanie so smeshannymi metodami (mixed methods research): Integratsiya kolichestvennogo i kachestvennogo podkhodov [Mixed methods research: integration of quantitative and qualitative approaches]. *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin: Sb.nauch.tr. Vyp. 5*

For citation:

Lipatov S.A. Use of various strategies of mixed methods research in organizational culture diagnosis. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 62–70. doi:10.17759/sps.2018090307 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Lipatov Sergei A.* — PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s_lipatov@mail.ru

[METHOD: Moscow Yearbook of works from social sciences disciplines]. Moscow: INION RAN, 2015, pp. 309–318.

4. Savinskaya O.B., Istomina A.G., Larkina T.Yu., Kruglova K.D. Kontseptual'nye predstavleniya o strategiyakh «smeshivaniya metodov» (mixed methods research): etapy razvitiya i sovremennye diskussii. Sotsiologicheskie issledovaniya [Conceptual ideas of mixed methods research: stages of development and current debates]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2016, no. 8, pp. 21–29.
5. Tolstova Yu.N., Maslennikov E.V. Kachestvennaya i kolichestvennaya strategii: Empiricheskoe issledovanie kak izmerenie v shirokom smysle [Qualitative and quantitative strategies. Empirical investigation as measurement in a broad sense]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2000, no. 10, pp. 101–109.
6. Shein E.Kh. Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo: per. s angl. [Organizational Culture and Leadership]. Saint Petersburg: Piter, 2013. 352 p. (In Russ.).
7. Bryman A., Bell E. Business Research Methods. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. 806 p.
8. Cresswell J.W., Plano Clark V.L. Designing and Conducting Mixed Method Research. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2011. 488 p.
9. Di Pofi J.A. Organizational diagnostics: integrating qualitative and quantitative methodology. *Journal of Organizational Change Management*, 2002. Vol. 15, no. 2, pp. 156–168.
10. Green J.C., Caracelli V.J., Graham W.F. Towards a conceptual framework for mixed-method evaluation designs. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 1989. Vol. 11, no. 3, pp. 255–274.
11. Morgan D. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Thousand Oaks: Sage, 2014. 260 p.
12. Yauch C.A., Steudel H.J. Complementary use of qualitative and quantitative cultural assessment methods. *Organizational Research Methods*, 2003. Vol. 6, no. 4, pp. 465–481.

Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире

Г.У. СОЛДАТОВА*,
ФГБОУ ВО МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
soldatova.galina@gmail.com

В настоящей статье раскрываются методология, методы и результаты эмпирических исследований (2010–2018 гг.) социальной ситуации развития представителей цифрового поколения. Цифровое детство и цифровая социализация как социально-психологические феномены концептуализуются в парадигматике культурно-исторического подхода. Рассматриваются современные методы анализа цифровой реальности: метааналитические и лонгитюдные подходы, работающие с большими массивами данных, экспериментальные дизайны на небольших выборках, анализ социальных сетей и ряд других. Предлагается авторская интегративная концепция для изучения феноменологии цифрового детства и социализации (особенностей когнитивного и личностного развития, взаимоотношений с окружающим миром, социальных и культурных практик). В заключение делается вывод о необходимости трансдисциплинарного объединения различных методологических стратегий, соответствующих требованиям стремительно изменяющегося мира и новой социальной ситуации развития детей и подростков.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, цифровые технологии, цифровое детство, цифровая социализация, цифровая личность.

Мир находится на пороге четвертой индустриальной революции, которая фундаментально изменит все культурные практики человека. Третья революция — цифровая, начавшаяся в 1960-х гг. прошлого века, — относительно мягко подготовила к таким трансформациям человечество на значительной части земной суши. Уже сейчас мы живем в ином мире, который на наших глазах превращается из вертикального в горизонтальный, из закрытого в практически

Для цитаты:

Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308

* Солдатова Галина Уртанбековна — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, soldatova.galina@gmail.com

прозрачный, из линейного в сетевой, из регламентированного в неопределенный, из однозадачного в многозадачный, из стабильного в текучий. В условиях все ускоряющегося темпа изменений человечеству приходится форсированно адаптироваться к этому новому миру. И впервые в истории земной цивилизации передовым отрядом выступают не взрослые, а подрастающее поколение. Дети по активности освоения интернета существенно опережают взрослых [8].

Учитывая высокую интенсивность потоков информации и коммуникации в онлайн-среде, нельзя недооценивать их влияние на психическое развитие и формирование личности ребенка. С каждым годом мы получаем все больше данных о том, что инфокоммуникационные технологии не просто дополняют и расширяют жизнь ребенка, но и влияют на всю структуру его деятельности как в офлайне, так и в онлайн. Это одна из значимых причин, которая заставляет нас иначе взглянуть на сам феномен детства с применением комплексных дизайнов исследований, включающих метааналитические и лонгитюдные, качественные и количественные методы, что является реализацией трансдисциплинарности современной социальной психологии.

Цифровое детство и социальная ситуация развития. В психологии феномен детства рассматривают не как неизменное явление, детство иное на каждой стадии исторического развития человечества, и задача психологии как раз заключается в том, чтобы раскрыть не «вечно-детское», а «исторически-детское» [2; 3]. Отечественные ученые доказывают, что по мере развития человечества детство не только удлиняется, но и происходит качественное изменение этого феномена по структуре и по содержанию [5].

Сейчас как раз тот момент, когда интерес к феномену детства многократно возрастает, ведь его нормативные модели трещат по швам, а главное — исчезает четкость противопоставления детства и взрослости как «образа потребного будущего» [6], когда все усилия воспитания и обучения в настоящем направлены на достижение вполне определенного идеала адекватного и успешного взрослого. Среди факторов, не только задающих увеличение количества разных моделей детства и их вариаций [6; 15], но и размывающих декларированные психологией развития нормы «правильного» детства, в последнее десятилетие на первый план выходят технологические изменения. Стало общепризнанным, что ИКТ сегодня — важнейший агент социализации, который начинает конкурировать с семьей и школой. Взгляд на этот процесс сквозь призму цифрового общества позволяет говорить о возникновении нового социального и культурно-психологического феномена — цифрового детства как особого исторического типа детства [8; 9]. В современных исследованиях цифрового детства и цифровой социализации используются разнообразные методы — в том числе анкетирование и офлайн-опросы с добавлением прицельно выбранных психологических методик, эксперименты на небольших выборках, анализ масштабных массивов данных, например, в рамках программы PISA, онлайн-исследования профилей социальных сетей, форумов, чатов и других материалов, предполагающих анализ больших данных глобальной сети с целью детализированного изучения социально-психологических характеристик пользователей и сообществ, особенностей межличностных отношений, кругов общения и поведения пользователей в интернете. Полученные с помощью этих методов результаты по-

зволяют сделать вывод, что интернет — это уже привычное для человечества культурное орудие, способствующее порождению других в отличие от привычных способов деятельности культурных практик, феноменов, значений и смыслов, которые в сложном взаимодействии с традиционной жизнедеятельностью в офлайне создают особую социальную ситуацию развития и новый образ жизни современного ребенка.

В классических и современных работах отечественных психологов показано, что особенности социальной ситуации развития — сущностной характеристики возрастного этапа развития, введенной Л.С. Выготским [3], — решающим образом определяют направление, содержание и характер возрастного развития ребенка, ожидания и требования, предъявляемые к нему, его место в системе социальных отношений [4; 6]. Решение специфических задач, которые ставит ребенку вовлекающая его информационно-коммуникационная среда, оказывает влияние на содержание его психического развития — формы и пути развития, виды деятельности, приобретаемые ребенком новые психические свойства и качества. В результате когнитивное и личностное развитие ребенка может происходить в какой-то другой форме, подчиняться иной логике, давать на выходе другой, по сути, результат, например, в сравнении с тем, к чему стремится традиционное обучение. Современных подростков можно обозначить как переходное (транзитное) поколение, которое вместе со взрослыми находится в сложных и противоречивых условиях слома старой социальной ситуации развития подростка, формирования новых отношений и способов деятельности ребенка с социальной средой в целом.

Данные популяционных исследований, проведенных под руководством ав-

тора в 2010—2018 гг., позволили взглянуть на социальную ситуацию развития ребенка сквозь призму цифровой среды и выделить ее некоторые особенности, определяющие изменения в его развитии (когнитивное и личностное развитие, особенности взаимоотношений с окружающим миром, социальные и культурные практики) [7; 8]:

- массовое и все более раннее овладение высокотехнологичным арсеналом новых культурных средств и инструментов — персонализированных и мобильных современных электронных устройств;

- увеличивающаяся длительность нахождения ребенка в онлайн-контекстах, задающих новые, плохо регламентированные и пока еще неизвестные по возможным последствиям влияния на ребенка среды обитания;

- активное, самостоятельное и стихийное освоение и использование подростками всех доступных онлайн-ресурсов как источников развивающего, обучающего и развлекательного контента и площадок онлайн-коммуникации;

- закрепление за социальными сетями статуса важнейших для подростков площадок самопрезентации, освоения различных социальных ролей, экспериментирования с идентичностью и самореализации;

- значительное расширение круга социального капитала подростков за счет онлайн-контактов, в том числе слабых связей за счет «незнакомых друзей», с которыми не было опыта общения в реальной жизни;

- столкновение с широким кругом новых рисков онлайн-среды: контентными, коммуникационными, техническими и потребительскими, а также с риском чрезмерной увлеченности интернетом;

— существенная разница в пространственно-временной конфигурации пользования интернетом у подростков и их родителей;

— наличие цифрового разрыва между поколениями детей и родителей, снижение универсальности фигуры взрослого и его роли в детско-родительских отношениях;

— недостаточная цифровая компетентность детей и родителей, что не позволяет родителям выступать в роли экспертов эффективного и безопасного использования цифровых технологий;

— несоответствие системы образования изменениям цифрового общества, несмотря на готовность школьных учителей молодого и среднего возраста (поколения Y и X) к модернизации образовательного процесса.

Размывание уже сложившейся модели единого образа детства, принятого в отечественной науке, требует применения основных принципов методологии оценки социальной ситуации развития [4], а также рассмотрения фундаментальных законов развития с учетом инфокоммуникационной координаты. В первую очередь необходимо принимать во внимание влияние интернета как специфической технологии, отличающей его от других медиатехнологий, возможных изменений нормативных моделей развития и здоровья детей и подростков, границ допустимого в контексте цифрового образа жизни, учета цифрового разрыва между поколениями и снижения возможностей взрослых конструировать детство в онлайн и в смешанной реальности.

Цифровая социализация. Новые особенности социальной ситуации развития ребенка требуют трансформации взглядов на процессы социализации. В этом контексте вполне обоснованным пред-

ставляется расширение известной концепции экологических систем У. Бронфенбреннера, в которой он развивал тезисы Л.С. Выготского о социальном происхождении высших психических функций и социальной ситуации развития. В его сложную динамическую систему, состоящую из пяти взаимосвязанных и как бы вложенных друг в друга подсистем — от диады «мать—дитя» до совокупности социоэкономических факторов, рассматриваемых во временной перспективе (микросистемы, мезосистемы, экосистемы, макросистемы и хроносистемы) [12], — Ж. Джонсон и П. Паплампу предложили включить еще один экологический уровень — техносистему. Она, по мнению авторов, должна потеснить микросистему и, соответственно, все остальные системы и занять первый уровень в этой модели [10]. Техносистема включает в себя взаимодействие ребенка как с живыми (например, сверстники), так и с неживыми (электронные устройства, программы, приложения, собственно интернет, искусственный интеллект) ее элементами. Исходя из того что различные орудия по определению расширяют возможности человека, использование ребенком более сложных инструментов, например интернета (с его поисковыми системами, электронными каталогами и социальными сетями), возможно, требует развития все более сложных когнитивных процессов [10], а значит, более сложного человека для взаимодействия с окружающим миром во всех его системах и их пересечениях.

Развиваемая под влиянием изменений в обществе концепция У. Бронфенбреннера, на наш взгляд, важное дополнение культурно-исторического подхода к изучению влияния ИКТ на развитие ребенка. Ж. Джонсон в своем исследова-

нии, осуществленном на основе дополненной модели экологических систем, продемонстрировала, что показатели домашнего использования интернета как элементы техносистемы предоставляют сегодня больше данных для понимания когнитивного развития детей, чем, например, показатели социально-экономического статуса семьи как элемента микросистемы [11].

Социализация в отличие от воспитания — это стихийный разнонаправленный процесс [5]. В информационном обществе эта стихия опосредуется в том числе техносистемой, становящейся важнейшей частью современной культуры и частью экосистемы формирующейся личности. Рассмотрение техносистемы как важнейшего опосредующего звена между ребенком и окружающим миром требует дальнейших исследований и эмпирических подтверждений. В том числе и влияния техносистемы на другие системы, отраженного, в частности, в специфике переживания субъектом онлайн-деятельности, а также совокупного взаимовлияния всех шести подсистем на развитие ребенка и процессы его социализации.

Отечественные психологи рассматривают социализацию как овладение ребенком в онтогенезе общественным опытом путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей и приобретения все большей самостоятельности и автономности для в свою очередь активного воспроизводства системы социальных связей и отношений индивидом за счет его активной деятельности [1; 2]. Сегодняшние подростки, вооружившись электронными устройствами, практически самостоятельно осваивают новый образ жизни. Их значительная часть живет в мире смешанной офлайн/онлайн-реальности, в виртуальных мирах компьютер-

ных игр, в мире дополненной реальности с элементами искусственного интеллекта и компьютерным («окружающим») разумом, диалог с которым становится одной из норм онлайн-коммуникации. Особая уникальность этого поколения заключается в том, что традиционные формы социализации все чаще соседствуют, вытесняются, а иногда замещаются новыми формами приобретения необходимых знаний и навыков — цифровой социализацией. С некоторых пор этот термин в контексте изучения подрастающего поколения вместо термина «информационная социализация» все чаще начинают использовать исследователи [13; 14].

Концепт «информационная социализация» безусловно сохранит свою значимость и в период четвертой индустриальной революции, фокусируя внимание исследователей на процессах освоения разных уровней информационного пространства. Однако в условиях уже давно происходящей конвергенции офлайн- и онлайн-миров и активно формирующейся цифровой повседневности, когда технологии становятся орудиями, опосредующими возникновение, с одной стороны, цифровой среды социализации, существенно отличающейся от традиционной, с другой — опять же специфического смешанного онлайн/офлайн-пространства, предполагающего сочетание традиционной и онлайн-социализации, для понимания и исследования цифрового поколения требуется дополнительный термин. Он позволит рассматривать множественную реальность цифрового образа жизни и комплексно подойти к исследованию процессов социализации переходного этапа развития информационного общества, поставленного перед вызовами четвертой промышленной революции.

Ведь в данном случае речь идет не только об информации, но и о коммуникации с живыми и неживыми элементами онлайн-пространства, онлайн-потреблении, а также о культурных, психологических и технических аспектах использования электронных устройств. Таким образом, цифровая социализация сегодня дополняет традиционную социализацию, являясь ее важной частью, а развивающаяся цифровая культура дополняет культуру офлайн-повседневности, представляя новый этап развития общества, настоятельно требующий новых взглядов и подходов.

Вопрос цифровой социализации — это и мера принятия обществом технологических новшеств, и отношение к инновациям, и возможности ответа на вызовы четвертой промышленной революции, и проблемы цифрового гражданства и цифрового неравенства. Таким образом, цифровая социализация — опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности. Без цифровой социализации сегодня затруднен процесс становления личности, ее адаптации и интеграции в социальную систему информационного общества.

Заключение. Обозначая границы терминов «цифровое детство» и «цифровая социализация», мы не можем не задаваться вопросом: справится ли современная наука с вызовом века — исследованием изменяющегося ребенка в изменяющемся мире и нужна ли для изучения новых феноменов новая научная и практическая психология?

Опыт анализа наших эмпирических данных на основе культурно-исторической психологии, казалось бы, убедительно продемонстрировал, что она вполне подходящая модель для межпоколенческого анализа пользовательской активности детей и взрослых, а также актуальных сегодня исследований онлайн-рисков и угроз цифровой среды. Однако привычная система координат отечественной психологии развития и традиционность научного мышления определяют специфический вектор изучения и интерпретации полученных данных на основе сложившейся в прошлом веке нормативной модели детства, в которую никак не вписывается цифровое настоящее. Это в значительной степени формирует оценочный и чаще негативный подход к анализу происходящих изменений в когнитивном и личностном развитии детей, «защитный» дискурс в контексте популярной темы «безопасного детства» и ложится в основу ограничительно-запретительной политики.

Потенциал моделей прошлого века, которые исследователи пытаются использовать для интерпретации современных эмпирических данных в рамках представленной темы и в первую очередь возможностей и долгосрочных перспектив изменений, оказывается недостаточен для адекватного понимания происходящих процессов. В качестве примера можно привести концепцию межпоколенческой трансмиссии Маргарет Мид, которая как теоретическая модель показала свою ограниченность для исследования трансформаций современных культурных форм передачи опыта по использованию интернета в детско-родительских отношениях.

Рождающийся сегодня новый антропологический тип цифрового человека,

живущего во многих реальностях и все более активно взаимодействующего в том числе с неживыми системами, в конечном итоге потребует смены парадигм и новых теоретических и методологических моделей его исследования. Так или иначе, мы к этому идем через трансформацию существующих моделей, как это происходит, например, в развитии культурно-исторической парадигмы посредством экологической модели Бронфенбреннера. Такие подходы способствуют системному анализу нового этапа детства, особенностей личностного и когнитивного развития современного ребенка в контексте межпоколенческих отношений, а также поиску объяснительных механизмов не только рисков и угроз цифровой среды, но и, что самое главное, ее новых возможностей с позиции позитивного развития и психологического благополучия детей и подростков. Уже сегодня задается вектор поиска новых моделей цифровой социализации и цифровой личности в широком трансдисциплинарном контексте и с опорой на концепции осмысления перемен, происходящих в мире, начиная от различных теорий глобализации, социологических, психологических, культурологических и философских концепций развития современного общества до подходов, связанных непосредственно с анализом современности сквозь призму современных технологий.

Трансдисциплинарность изучения цифровой социализации и цифровой личности предполагает объединение различных подходов — теоретических и

методологических. Именно культурно-историческая парадигма, развивающая классические идеи Л.С. Выготского и при этом дополненная современными социологическими и антропологическими концепциями, становится основой для интеграции качественных и количественных методологий исследования цифровой реальности. Развитие новых парадигматик не только задает оптику анализа цифровой социализации, но и требует дальнейшего продолжения метааналитических исследований, которые позволяют раскрыть феноменологию, закономерности и механизмы развития ребенка в динамично изменяющихся социокультурных контекстах. Популяционные и лонгитюдные исследования с использованием онлайн-опросов и анкетирования дополняются сегодня сложными экспериментальными дизайнами и комплексным анализом многообразного интернет-контента, представленного в социальных сетях, чатах, блогах, форумах. Такого рода методологические и методические решения, реализуемые в мировой исследовательской практике, дают возможность обозначить основные направления изменений социальной ситуации развития детей и подростков в ракурсе информационного общества и, следовательно, перейти к социально-психологическому изучению нового цифрового поколения, а также цифрового разрыва и взаимодействия между различными поколениями, что является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых тем как в современной науке, так и в публичном пространстве.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00365 «Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе: внутрипоколенческий и межпоколенческий анализ»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.
2. *Выготский Л.С.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак в развитии ребенка / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. С. 5–91.
3. *Выготский Л.С.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Педология подростка: Проблема возраста / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. С. 224–269.
4. *Карбанова О.А.* Социальная ситуация развития ребенка (структура, динамика, принципы коррекции): Дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 2002. 379 с.
5. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
6. *Поливанова К.Н.* Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 5–10. doi:10.17759/jmfp.2016050201
7. *Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю.* Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд развития интернет, 2013. 144 с.
8. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
9. *Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives / Danby S.J., Flear M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.).* Springer, 2018. Vol. 22. 287 p. doi:10.1007/978-981-10-6484-5.
10. *Johnson G., Puplampu K.* A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem // *Canadian Journal of Learning and Technology.* 2008. Vol. 34. P. 19–28.
11. *Johnson G.M.* Internet use and child development: Validation of the ecological techno-subsystem // *Journal of Educational Technology & Society.* 2010. Vol. 13. № 1. P. 176–185.
12. *Making human beings human: Bioecological perspectives on human development / Bronfenbrenner U. (ed.)* Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2004. 336 p.
13. *Smith J., Hewitt B., Skrbiš Z.* Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood // *Information, Communication & Society.* 2015. Vol. 18. №. 9. P. 1022–1038.
14. *Stornaiuolo A.* Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites // *Human Development.* 2017. Vol. 60. №. 5. P. 233–238. doi:10.1159/000480341.
15. *The Palgrave handbook of childhood studies / Qvortrup J., Corsaro W.A., Honig M.S., Valentine G. (eds.).* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 452 p. doi:10.1007/978-0-230-27468-6.

Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world

G.U. SOLDATOVA*,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
soldatova.galina@gmail.com

The paper presents the methodology, methods and results of empirical research (2010–2018) of a social situation of development of the digital generation. The digital childhood and digital socialization as social and psychological phenomena are conceptualized in the optics of the cultural-historical paradigm. Modern methods of the analysis of digital reality are considered: the meta-analytical and longitude approaches working with big data, experimental designs on small samplings, the analysis of social networks and some other. The author offers the integrative concept for studying of phenomenology of the digital childhood and socialization (features of cognitive and personal development, relationship with the external world, social and cultural practices). The final conclusion — modern psychology needs the transdisciplinary association of various methodological strategies which will be adequate to requirements of the rapidly changing world and a new social situation of development of children and teenagers.

Keywords: *cultural-historical psychology, digital technologies, digital childhood, digital socialization, digital personality.*

Funding

This work was supported by grant Russian Science Foundation № 18-18-00365 «Digital socialization in the cultural-historical perspective: intragenerational and intergenerational analysis».

REFERENCES

1. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Social Psychology]*. Moscow: Aspekt Press, 2001. 384 p.
2. Vygotskii L.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6 Orudie i znak v razvitii rebenka [Collected works: in 6 vol. Vol. 6. Tool and sign in the development of a child]*. In Yaroshevskiy M.G. (ed.). Moscow: Pedagogika, 1984. pp. 5–91.
3. Vygotskii L.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t. T. 4. Pedologiya podrostka: Problema vozrasta [Collected works: in 6 vol. Vol. 4. Pedology of a teenager: the problem of age]*. In Yaroshevskiy M.G. (ed.). Moscow: Pedagogika, 1984, pp. 224–269.

For citation:

Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Soldatova Galina U.* — corresponding member of the Russian Academy of Education, Doctor of Science in Psychology, professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, soldatova.galina@gmail.com

4. Karabanova O.A. Sotsial'naya situatsiya razvitiya rebenka (struktura, dinamika, printsiipy korrektsii): Dis. ... d-ra psikhol. nauk. [The social situation of child development (structure, dynamics, principles of correction). Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow: MGU, 2002. 379 p.
5. Kon I.S. Rebenok i obshchestvo [Child and Society]. Moscow: Akademiya, 2003. 336 p.
6. Polivanova K.N. Detstvo v menyayushchemsya mire [Elektronnyi resurs] [Childhood in a changing world]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2016, vol. 5, no. 2, pp. 5–10. doi:10.17759/jmfp.2016050201 (In Russ.; abstr. in Engl.).
7. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Yu. Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditelei. Rezul'taty vserossiiskogo issledovaniya [Digital competence of teenagers and parents. Results of the All-Russian study]. Moscow: Fond Razvitiya Internet, 2013. 144 p.
8. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [Digital generation of Russia: competence and safety]. Moscow: Smysl, 2017. 375 p.
9. Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives. In Danby S.J., Fler M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.). Springer, 2018. Vol. 22, 287 p. doi:10.1007/978-981-10-6484-5.
10. Johnson G., Pupilampu K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem. *Canadian Journal of Learning and Technology*, 2008. Vol. 34, pp. 19–28.
11. Johnson G.M. Internet use and child development: Validation of the ecological techno-subsystem. *Journal of Educational Technology & Society*, 2010. Vol. 13, no. 1, pp. 176–185.
12. Making human beings human: Bioecological perspectives on human development. In Bronfenbrenner U. (ed.) Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2004. 336 p.
13. Smith J., Hewitt B., Skrbiš Z. Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood. *Information, Communication & Society*, 2015, vol. 18, no. 9, pp. 1022–1038.
14. Stornaiuolo A. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites. *Human Development*, 2017. Vol. 60, no. 5, pp. 233–238. doi:10.1159/000480341.
15. The Palgrave handbook of childhood studies. In Qvortrup J., Corsaro W.A., Honig M.S., Valentine G. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 452 p. doi:10.1007/978-0-230-27468-6.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия

Е.Б. ШЕСТОПАЛ*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
shestop0505@rambler.ru

В статье анализируется специфика применения психологических методов в политической психологии. Акцент сделан на изучении политического восприятия. Основанием для выводов автора служит ее многолетний опыт применения этих методов. Отличительной особенностью политического восприятия является его опосредованный характер. Массовое распространение новых каналов политической коммуникации ведет к виртуализации политики и отрыву политических образов от реальных интересов и повседневных практик граждан. Это отражается и на процессе восприятия, в котором немалую роль играют неосознаваемые компоненты. В связи с этим для изучения политических образов как на рациональном уровне, так и на неосознаваемом необходимо использование комплексных методов исследования. В данной статье рассматриваются следующие методы: глубинное интервью, проективный тест, опрос с открытыми вопросами и метод фиксированных ассоциаций. Они показали свою эффективность для изучения политических феноменов.

Ключевые слова: политическое восприятие, образы власти, образы лидеров, глубинное интервью, проективный тест, метод фиксированных ассоциаций.

Время летит так быстро, что нередко методологическая рефлексия не успевает за изменениями изучаемых нами объектов реальности. Только четверть века

тому назад в нашей стране появилась публичная политика. С ее появлением возникла и потребность в изучении ее отражения в массовом сознании. Тогда

Для цитаты:

Шестопал Е.Б. Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 81–90. doi:10.17759/sps.2018090309

* Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, shestop0505@rambler.ru

же начала складываться новая дисциплина — политическая психология. Появился запрос политической практики на исследование политического восприятия и особенно его результата — образов власти и политиков в сознании общества. Запрос на теоретическое осмысление указанных процессов пришел несколько позже [12].

Когда четверть века тому назад начинались первые эмпирические исследования политического восприятия [7], остро встал вопрос о методологии и методах изучения этой проблематики. Было вполне естественно начать поиск инструментов с наиболее разработанных областей знания. Теория восприятия разрабатывалась в первую очередь в общей психологии. Однако в начале 1990-х, как, впрочем, и сейчас, общая психология была больше сфокусирована на восприятии простых и неодушевленных объектов человеческим глазом. Эти исследования были малоприменимы к анализу политики. Уж очень сильно отличался сам объект восприятия.

Поиск методов в арсенале социальной психологии привел нас к теории социального познания. Важным этапом в понимании восприятия стала концепция социальной перцепции Дж. Брунера и Л. Постмана. Термин «социальная перцепция» был предложен Дж. Брунером в проекте «New Look». Позже в его работе с Л. Постманом социальную перцепцию он трактовал как восприятие социальных объектов: от личностей и малых групп до более широких социальных общностей, включая общество в целом [8; 9].

Хотя процесс политического восприятия можно исследовать в рамках одного из видов социального восприятия, но между ними есть и настолько существенные отличия, определяемые спецификой

объектов, что политическое восприятие имеет смысл рассматривать как самостоятельный вид восприятия [10; 2].

Выбор методов для исследования политических образов диктуется поэтому прежде всего характером и содержанием исследуемого **объекта** (в нашем случае — власти и политиков). Одна из главных сложностей в таких исследованиях связана с тем, что современная политика становится все более и более виртуальной в результате использования новых форм коммуникации: интернета, социальных сетей, Twitter, блогов и пр. Отсутствие возможности сопоставить образы, циркулирующие в виртуальной реальности, с реальным политическим опытом делает сами образы весьма иррациональными. Такой тип восприятия нуждается в анализе не только осознаваемых, т. е. рациональных по характеру мнений людей о политиках, власти и т. п., но и *неосознаваемых* компонентов образов. Традиционные количественные методы не позволяют изучить данный уровень восприятия.

На выбор методов при изучении образов современной российской политики также оказывает влияние состояние воспринимающего **субъекта**, т. е. общества в целом и отдельных граждан, которые испытывают серьезный стресс в ходе трансформации нашей политической системы. Длющаяся уже более четверти века ситуация политической неустойчивости, порождающая состояния тревожности, страха, апатии и фрустрации, не способствует рациональному отношению к политике. Это тоже порождает рост неосознаваемых элементов в образах. Такие состояния резко усиливают возможности манипулирования гражданами со стороны политиков, в результате чего также снижается рациональность восприятия и нарастают

неосознаваемые или малоосознаваемые реакции в обществе.

Для получения более достоверной и релевантной картины восприятия в политике требуются более тонкие инструменты, чем традиционные социологические опросы. Мы применили для анализа образов власти и политиков ряд методик, которые позволили нам выявить и проинтерпретировать неосознаваемые пласты политических образов, зафиксированных нами как в визуальной, так и в вербальной формах. Для первых мы применили методы фиксированных ассоциаций в глубинных интервью по политикам и открытых вопросов в опросах, а для вторых — разработали проективный тест «Рисунок власти». Это позволило получить более целостное и объемное представление о **политических образах** у граждан, включая неосознаваемые слои.

Для изучения образов **политических лидеров** мы использовали *метод глубинного интервью с предъявлением респонденту стимульного материала в виде черно-белых фотографий политиков*. Неосознаваемые слои образов политиков мы изучали с помощью метода фиксированных ассоциаций (ассоциации с животными, цветом и запахом).

Мы обсудим использование психологических методов для исследования двух типов образов: образов власти и образов лидеров.

Методы исследования образов власти

В методологии, использованной для анализа образа власти, были представлены следующие методы: *опрос*, где в анкете было большое число открытых вопросов, *глубинное интервью*, а также **метод**

проективного теста «Рисунок власти».

Используемые методы имели качественно-количественный характер. Ответы на открытые вопросы, касающиеся оценок респондентами власти, кодировались по определенной схеме, а затем полученные результаты оценивались по нескольким психологическим параметрам (сила — слабость, привлекательность — непривлекательность, активность — пассивность, а также по доминирующим потребностям, стоящим за тем или иным высказыванием респондента.

Собственно **качественная часть** исследования заключалась в проведении *глубинного интервью, рисуночного теста, использовании метода неоконченных предложений и смысловом анализе ответов на открытые вопросы*.

Интервью имело полустандартизированный характер. Анализ интервью не предполагал количественную обработку.

Для изучения визуальных образов власти был использован проективный *метод «Психологический рисунок власти»*. Метод психологического рисунка был адаптирован для целей данного исследования. Новизна применения данного метода заключается в том, что в политической психологии он до сих пор не использовался [2; 3; 11]. Между тем именно с помощью данной методики можно комплексно изучить содержание образов власти, причем в визуальной форме, что для исследования образов имеет особое значение. Данная методика фиксирует два рода объектов: во-первых, личностные характеристики респондента, во-вторых, отношение респондента к изучаемым объектам действительности (в нашем случае — к власти). Как правило, в психологии проективные техники используются для анализа лишь первого типа объектов — т. е. состояния личности

человека, выполняющего тест, но социальные психологи показали возможность изучения именно социальных феноменов. Основная проблема заключается в сложности интерпретации данных и в их стандартизации. Используемый тест наибольшим образом приспособлен для изучения политических образов в целом и их иррациональных составляющих в особенности. При этом мы опирались на собственную методику выделения смысловых элементов и символических компонентов образа [4].

В своей трактовке визуальных образов мы акцентировали внимание на:

— *смысловых, содержательных* характеристиках самой власти, раскрывающих отношения власти и обычных граждан. Для этого мы выделяли сюжеты этих отношений;

— *символических объектах*, встречающихся в изображении, выявляя частоту появления в рисунках тех или иных символов и их типы;

— *эмоциональных особенностей* восприятия, его *эмоциональном знаке, оттенках эмоциональных отношений респондентов к власти*.

Одним из существенных недостатков указанных методик является их большая трудоемкость в случае анализа больших объемов информации. Однако у этих методов есть и несомненное достоинство: они позволяют выявить и проинтерпретировать те слои восприятия, которые недоступны при использовании традиционных количественных методов.

Методология изучения образов политических лидеров

Так же как в исследовании образов власти, а возможно, даже в большей сте-

пени, изучение образов реально действующих политиков требует методологии, позволяющей обойти подводные камни, связанные с неосознаваемыми пластами восприятия лидеров и «деликатностью» самого объекта. Исследование образов российских политиков показало высокую степень зависимости оценок респондентов от социально одобряемых стандартов поведения. Так, они нередко считали неэтичным сравнивать политика с тем или иным животным или, говоря о его привлекательных качествах, упоминать о его жесткости, агрессивности. Это противоречило их представлениям о приличиях. Кроме того, респонденты часто пытались угадать, что от них ожидает интервьюер, какой ответ будет «правильным». Этот наш вариант политической корректности не позволяет однозначно трактовать ответы, полученные на прямые и закрытые вопросы.

Инструментарий. Мы выбрали такой инструментарий, который бы позволил и выявить мнение в отношении российских лидеров, зафиксировав предпочтения граждан на рациональном уровне, и найти способ замерить их неосознаваемые установки на лидеров. Он представлял собой топик-гайд для глубинного интервью. В этом гайде было два типа вопросов. Первый тип вопросов был нацелен на получение информации о *рациональных оценках* политиков. Так, нас интересовали узнаваемость политика, его привлекательность, сила и активность, мотивы его стремления к власти, намерения респондента голосовать за него и т. п. Все вопросы имели открытый характер и давали большие возможности для выявления смысловых оттенков образов политиков.

При выявлении неосознаваемых аспектов образов лидеров мы использо-

вали метод фиксированных ассоциаций. В исследовании представлены три типа ассоциаций: ассоциации с животными, цветом и запахом. В качестве стимульного материала мы брали актуальные черно-белые фотографии политика, что было особенно важно в случаях тех лидеров, которые находятся на политической сцене много лет и сильно меняются внешне.

Выборка. Для исследования лидеров мы использовали и количественные, и качественные методы, при этом в приоритете были качественные. Для получения достаточно надежной информации в соответствии с принятыми в качественных исследованиях правилами построения выборки нам было достаточно получить по 20 интервью по каждому политику. В целом за 25 лет исследований было проведено около 4000 интервью более чем по 50 политикам. Выборка была сбалансирована по полу, возрасту, образованию, а в ряде исследований и по политическим предпочтениям респондентов (за власть — против власти). Валидность выборки достигалась однородностью позиции в рамках общности респондентов со схожими статусно-ролевыми параметрами.

Процедура исследования представляла собой проведение глубинных интервью. В качестве стимульного материала последовательно предъявлялись три черно-белые фотографии разных политиков. Применение визуальных данных в отличие от вербальных (фамилии политиков) позволяет получить информацию даже в том случае, когда респондент не узнает политика. Он может ответить на вопросы о том, что ему в этом человеке нравится или не нравится, и дать ассоциации.

Анализ и интерпретация. Обработка материалов велась как с помощью шкалирования оценок респондентами

личностных качеств лидеров, так и с помощью содержательного анализа высказываний отдельных респондентов с последующим выделением рациональных и бессознательных уровней в их оценках властных фигур. И на рациональном, и на бессознательном уровнях восприятия мы использовали одни и те же основные шкалы восприятия личностных качеств политиков: **привлекательность — непривлекательность, сила — слабость и активность — пассивность.**

На рациональном уровне по шкале **привлекательность — непривлекательность** политика мы обращали внимание на повторяемость, знак и соотношение положительных и отрицательных качеств, долю негативных и позитивных оценок по отношению к общему числу названных качеств. Мы отдельно подсчитывали оценки таких параметров привлекательности политика, как:

— внешность (одежда, поведенческие особенности);

— телесные характеристики (здоровье — болезнь, конституция, полнота — худощавость, вредные привычки — здоровый образ жизни, спортивность, возрастные признаки (молодой — старый), темперамент, физические особенности (плохое зрение и т. п.);

— морально-психологические особенности (характер, отдельные черты личности и этические оценки политика);

— политические, профессиональные и деловые качества (политические ориентации, организаторские способности, лидерский потенциал).

По шкале **сила — слабость** фиксировалось приписывание силы или/и слабости относительно внешности, телесных характеристик, психологических особенностей, моральных качеств, политических и деловых качеств.

Шкала **активность — пассивность** касается исполнения властных полномочий, внешних проявлений энергии. Эта шкала применялась по той же схеме, как и две предыдущие: ответы кодировались, а далее подсчитывалось процентное их соотношение с числом всех ответов по данному политику.

После кодирования ответов респондентов и заполнения базы данных результаты обрабатывались с помощью пакета SPSS. Количественные параметры использовались для сравнения образов политиков между собой.

Наша гипотеза заключалась в том, что верхний слой образов представляет собой осознаваемые рациональные характеристики. Для их интерпретации мы рассматривали простые шкалы: привлекательность — сила — активность.

Изучение **бессознательных аспектов** образов политика производилось через анализ ответов на открытые вопросы в отношении рациональных оценок. Более глубокий слой в рациональных оценках тоже присутствует. Но нами также был использован метод фиксированных ассоциаций с животным, цветом и запахом. В отличие от небезызвестного метода свободных ассоциаций, предложенных еще З. Фрейдом, мы искусственно ограничили ассоциации этими тремя типами. Данный выбор был апробирован нами и продемонстрировал свою эффективность. Особая сложность в применении данного метода заключается в интерпретации полученных данных.

После того как завершен сбор материалов, мы отдельно обрабатывали данные по рациональным и по бессознательным оценкам образов, сравнивая их друг с другом по трем обозначенным выше шкалам. В случае их совпадения можно говорить о конгруэнтности об-

разов. В случае несовпадения — о его противоречивости, что создает барьеры восприятия.

Много лет мы работаем над поиском схем интерпретации полученных в ассоциативных оценках результатов восприятия политиков. Ниже будут описаны те инструменты, которые используются нами в настоящее время.

Метод ассоциаций с животными. Процедура состояла в предложении респонденту, посмотревшему на фотографию политика, попытаться дать ассоциацию предъявляемого лидера с животным. Была дана инструкция, что надо дать первую пришедшую в голову ассоциацию. В связи с этим исключалось смешение как со специальными знаниями личности самого политика, так и со знанием зоологии. Помимо этого испытуемый должен был не только назвать животное, но и объяснить свой выбор.

Анализ ассоциаций проводился в соответствии с общей схемой интерпретации, предложенной лингвистом М.В. Новиковой-Грунд [5]. Выявлялись метафорические значения названного животного в рамках национального фольклорного ряда.

В соответствии с нашей гипотезой интерпретировались ассоциации, связанные с глубинными метафорами изучаемой культуры. В связи с этим фактом экзотические для российской культуры животные (тигры, носороги, утконосы и т. д.) трактовались как признаки неорганичности данного политика («не из нашего леса»). С точки зрения электральных перспектив данного политика такие ассоциации неблагоприятны, так как есть данные о неприемлемости для избирателей «чужаков».

Для содержательного анализа полученных ассоциаций мы использовали

для интерпретации ассоциаций с животными следующие параметры:

- **привлекательность**, которую мы оценивали в соответствии с существующим в нашей культуре приписыванием характеристик данному животному. Так, например, свинья непривлекательна, а поросенок вполне симпатичен. Лошадь приятна, а змея — нет. Данная фиксация бессознательных оценок позволяет нам сопоставить уровень аттракции на рациональном уровне с бессознательными реакциями на того же политика;

- **агрессивность** мы оценивали по рациону животного: травоядный или хищник. Агрессивность характеризует уровень активности;

- **сила** на бессознательном уровне трактовалась так же, как и на рациональном уровне. Медведь сильный, зайчик или мышь — нет. Помимо этого в ассоциациях с животными наряду с параметром силы стоит также выделить:

- **размер животного**, отражающий масштаб личности.

Метод ассоциаций с цветом. Наши исходные гипотезы интерпретации цветových ассоциаций основываются на предложенной Г. Бреславом интерпретации цветов [6].

Для нашего исследования, однако, важна не столько проблема психологического воздействия цветового спектра, сколько словесное атрибутирование цветových ассоциаций и их интерпретация.

Ассоциации с цветом были разбиты на следующие несложные категории: **светлый — темный, теплый — холодный и яркий — тусклый**. Как показали наши исследования, большинство эффективных российских политиков предстают в темной, холодной и тусклой палитре цветов. В качестве исключения со светлыми тонами ассоциировались следующие персона-

жи: Е. Гайдар, Г. Явлинский, С. Федоров. Общая картина восприятия политиков в цветовой гамме оказалась нерадостной, вызывающей ощущение *непривлекательности* политиков, их отстраненности от респондентов. Можно предположить, что данный образ — коллективный образ власти как таковой, которая воспринимается крайне негативно на бессознательном уровне. В то же время, исходя из общепсихологической традиции трактовки темных цветов в личностных тестах как проявлений тревоги, страха, мы высказали предположение, что если лидер не вызывает подобных эмоций, то он не обладает властным статусом и это может плохо сказаться на прогнозе его политической карьеры. Те политики, которые вызывают «теплые» и «светлые» чувства, как оказалось, явно не являются фаворитами политической борьбы и не вызывают желания у граждан перейти от эмоционального притяжения к электоральному выбору. Таким образом, между восприятием обычного человека и политика имеется существенное отличие, и «светлые личности» не годятся для политической профессии.

Метод ассоциаций с запахами. Ассоциации с запахами дают информацию о наиболее глубоких бессознательных реакциях респондентов. В первую очередь оценивалось само наличие запаха либо его отсутствие. **Отсутствие или неопределенность** запаха свидетельствует об отсутствии телесной наполненности образа, который респонденты «не чувствуют».

Шкала *привлекательности* использовалась нами и в отношении ассоциаций с запахами, которые делятся на приятные и неприятные. При этом не всегда неприятные запахи отражают подлинное отношение респондента к объекту ассоциации. Есть ряд телесных запахов (запахи пота, экскрементов и т. п.), ко-

торые приятными не назовешь. Но они свидетельствуют о телесной наполненности образа, что для политика имеет позитивный смысл, тогда как стерильные, лишённые запахов образы воспринимаются куда более отдаленно, отчужденно и негативно влияют на политическое поведение граждан в отношении их.

Другим критерием для классификации запахов было выбрано разделение по *сладоности* — *терпкости*. Смысловые оттенки названных запахов характеризуют восприятие фемининности — маскулинности образа. Этот параметр образов политиков имеет очень высокую степень прогностической способности. Политик-мужчина, ассоциирующийся с запахами сирени или свежего хлеба, какими бы приятными сами по себе они ни были, вряд ли вызовет у избирателя желание за него проголосовать. Маскулинность образа оказалась одним из важнейших параметров оценки российских политиков мужского пола. В то же время феминин-

ность образа женщины-политика имеет куда более сложную трактовку.

Все эти характеристики дают нам право в анализе образа выделить значимые аспекты. Наиболее существенными оказались параметры силы, агрессивности и маскулинности, которые коррелируют с электоральной эффективностью исследованных нами политиков.

Как показал опыт применения указанных методов в политической психологии, они позволяют получить достаточно надежную информацию, которая дает возможность более точно оценивать состояние массового сознания воспринимающих граждан. Помимо этого благодаря используемым методам возможно разностороннее изучение объекта исследования, в данном случае — состояние власти и личности, компетентности политиков. Данный арсенал необходимо применять как для коррекции имиджей и политического поведения лидеров, так и для экспертной работы с властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бреслав Г.Э.* Цветопсихология и цветолечение. СПб: Б&Л, 2000. 212 с.
2. *Мельникова О.Т.* Качественные методы в решении практических социально-психологических задач // Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М., 1996. С. 265—280.
3. *Фоломеева Т.В., Бартенева О.М.* Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании социальных объектов // Вестник Московского государственного университета. Сер. 14, Психология, 2000. № 2. С. 27—40.
4. *Фоломеева Т.В., Цехоня О.С.* Проективные методы в исследовании потребительского поведения // Вестник Московского государственного университета. Сер. 14, Психология, 1997. № 4. С. 73—79.
5. *Шестопал Е.Б.*, Психология политического восприятия в современной России. гл. 2. М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.
6. *Шестопал Е.Б.* Образы российской власти от Ельцина до Путина. М.: РОССПЭН, 2008. 416 с.
7. *Шестопал Е.Б.* Образ власти в России: желания и реальность (политико-психологический анализ) // Полис. 1995. № 4. С. 86—98.

8. Шестопал Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5. С. 168–191.
9. Bruner J. On perceptual readiness // Psychological Review. 1957. Vol. 64. № 2. P. 123–152.
10. Bruner J., Postman L. On the perception of incongruity: A paradigm // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. № 2. С. 206–223.
11. Fiske S. Social cognition and social perception // Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 155–194.
12. Fiske S., Neuberg S.L. A Continuum of impression formation, from category-based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation // Advances in experimental social psychology / M.P. Zanna (ed.). New York: Academic Press, 1990. Vol. 23. P. 1–74.

Psychological methods in political perception studies

E.B. SHESTOPAL*,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
shestop0505@rambler.ru

An article focuses on specific features of the use of psychological methods for the study of political objects. An focus is made on political perception. An author bases her conclusions on the literature as well as on her own studies' experience. A distinctive feature of political perception is its indirect character. The mass distribution of new channels of political communication leads to the virtualization of politics and the separation of political images from the real interests and everyday practices of citizens. This is reflected in the process of perception, in which unconscious components play a significant role. In this regard, for the study of political images, both at the rational level and on the unconscious, it is necessary to use complex research methods. The following methods will be considered in this article: in-depth interview, projective test, open question survey and fixed association method. They have proved to be effective in studying political phenomena.

Keywords: *political perception, images of authorities, images of political leaders, in-depth interview, projective test, method of fixed associations.*

For citation:

Shestopal E.B. Psychological methods in political perception studies. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 81–90. doi:10.17759/sps.2018090309 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Shestopal Elena B.* — Doctor of Science in Philosophy, professor, Head of the Chair of Sociology and Psychology Policy, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, shestop0505@rambler.ru

REFERENCES

1. Breslav G.Eh. Cvetopsihologiya i cvetolechenie [Color psychology and color therapy]. Saint-Petersburg: B&L, 2000. 212 p.
2. Mel'nikova O.T. Kachestvennye metody v reshenii prakticheskikh social'no-psihologicheskikh zadach [Qualitative methods in solving practical social and psychological problems]. In Yu.M. Zhukov, L.A. Petrovskaya, O.V. Solov'eva (ed.). *Vvedenie v prakticheskuyu social'nyuyu psihologiyu [Introduction to practical social psychology]*. Moscow, 1996, pp. 265–280.
3. Folomeeva T.V., Barteneva O.M. Opyt primeneniya proektivnoj metodiki «Psihologicheskij risunok» v issledovanii social'nyh ob"ektov [Experience in the use of projective technique "Psychological drawing" in the study of social objects]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 14, Psihologiya [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]*, 2000, no 2, pp. 27–40.
4. Folomeeva T.V., Cekhonya O.S. Proektivnye metody v issledovanii potrebitel'skogo povedeniya [Projective methods in the study of consumer behavior]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser.14, Psihologiya [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]*, 1997, no. 4, pp 73–79.
5. Shestopal E.B. Psihologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoj Rossii [Psychology of political perception in modern Russia.]. gl. 2. Moscow: ROSSPEN, 2012, 423 p.
6. Shestopal E.B. Obrazy rossijskoj vlasti ot El'cina do Putina [Images of Russian power from Yeltsin to Putin]. Moscow: ROSSPEHN, 2008, 416 p.
7. Shestopal E.B. Obraz vlasti v Rossii: zhelaniya i real'nost' (politiko-psihologicheskij analiz) [Image of authority in Russia: desires and reality (politico-psychological analysis)]. *Polis*, 1995, no. 4, pp. 86–98.
8. Shestopal E.B., Novikova-Grund M.V. Vospriyatie obrazov 12 vedushchih politikov Rossii (psihologicheskij i lingvisticheskij analiz) [Perception of images of 12 leading Russian politicians (psychological and linguistic analysis)]. *Polis*, 1996, no 5, pp. 168–191.
9. Bruner J. On perceptual readiness. *Psychological Review*, 1957. Vol. 64, no. 2, pp. 123–152.
10. Bruner J., Postman L. On the perception of incongruity: A paradigm. *Journal of Personality*, 1949. Vol. 18, no. 2, pp. 206–223.
11. Fiske S. Social cognition and social perception. *Annual Review of Psychology*, 1993. Vol. 44, pp. 155–194.
12. Fiske S., Neuberg S.L. A continuum of impression formation, from category-based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation. In M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press, 1990. Vol. 23, pp. 1–74.

Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика»

В.А. ЛАБУНСКАЯ*,
ФГАОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия, vlab@aanet.ru

Г.В. СЕРИКОВ**,
ФГАОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия,
serikovg@mail.ru

В статье приводится ряд теоретических положений, лежащих в основе разработки многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику. В ней утверждается, что в центре этой модели должен стоять такой феномен, как ценность внешнего облика. В статье отмечается, что введение понятия «ценность внешнего облика» не только отвечает требованиям современной науки, но и дополняет изучение ценностной структуры личности, находящейся на различных этапах жизненного пути. В статье подчеркивается, что методология изучения ценности внешнего облика предполагает не только определение места ценности внешнего облика в иерархии системы ценностей человека, но и его изменение под влиянием социокультурных, стратификационных, социально-психологических и индивидуально-личностных факторов. В ней констатируется, что интенсивность воздействия этой совокупности факторов на выраженность ценности внешнего облика обусловлена той сферой бытия человека, которая является для него приоритетной. В статье приводится набор оригинальных методик, а также модификации известных методик, диагностирующих выраженность ценностей и позволяющих определить иерархию ценностных ориентаций.

Ключевые слова: внешний облик, ценность, иерархия ценностей, значимость внешнего облика, эмпирическая модель, факторы.

Для цитаты:

Лабунская В.А., Сериков Г.В. Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 91–103. doi:10.17759/sps.2018090310

* Лабунская Вера Александровна — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Южный федеральный университет (ФГАОУ ВО ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия, vlab@aanet.ru

** Сериков Геннадий Витальевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Южный федеральный университет (ФГАОУ ВО ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия, serikovg@mail.ru

Введение

Изучение ценностей и ценностных ориентаций носит междисциплинарный характер [7; 8; 9; 16; 17]. При этом исследование ценностных ориентаций людей, находящихся на различных этапах жизненного пути, особенно молодежи, — одна из наиболее разработанных и в то же время «вечно живых» тем в современной психологии и социологии [11; 12; 14; 18]. Неисчерпаемость ее обусловлена тем, что ценности, существенно не меняясь «по тематике», меняются по своей значимости с течением времени в зависимости от социокультурной ситуации, в которой находится исследуемая группа. Как известно, ценности — это зависимые переменные [24], которые могут носить индикативный характер [4], например свидетельствовать об изменениях массового сознания, о преобладании в обществе фрустрации, стрессов, тревог, страха перед будущим [1] или отражать серьезные перемены в обществе, например переход от одной общественной системы к другой [9].

Несмотря на многочисленные социологические и социально-психологические исследования, отслеживающие динамику ценностных ориентаций, в настоящее время совершенно недостаточно уделяется внимания такой ценности, как «внешний облик» или «привлекательный внешний облик». В зарубежной психологии после публикации одной из пионерских работ [23], посвященной проявлениям стереотипов и социально-перцептивных искажений при восприятии носителя привлекательного внешнего облика, появилось множество исследований, в которых физическая привлекательность, красота рассматривались как предикторы успеха в профессиональной

и личной сферах. С ними связываются возможности получить лучшую работу, выглядеть умнее, счастливее, увереннее и т. п. [20; 21; 25; 26]. Иными словами, ценность и значимость внешнего облика человека стали очевидными для ученых. Однако этот факт явно недостаточно представлен в отечественных социологических и социально-психологических исследованиях. Вплоть до начала XXI в. отечественные исследователи не придавали в своих работах особого значения внешнему облику как ценности, и поэтому она не изучалась и не присутствовала в обзорах, посвященных рассмотрению ценностных ориентаций человека и общества. В наших последних работах [5; 6; 7], посвященных рассмотрению особенностей восприятия, оценки и самооценки, интерпретации внешнего облика, отношений, самоотношений и переживаний человека, связанных с его внешним обликом, был сделан ряд теоретических выводов. В частности, был зафиксирован тот факт, что в современных исследованиях преобладает одно-, двух-, трехфакторный подход к изучению различных феноменов, связанных с внешним обликом [5]. Кроме того, авторы работ если и употребляют такие термины, как «ценность внешнего облика» [15; 28], «инвестиционная сила внешнего облика» [22], «сензитивность и ориентация на внешний облик» [29], то они, как правило, сопрягают их с изучением обеспокоенности, озабоченности, удовлетворенности внешним обликом, самооценок внешнего облика, меры фрустрации человека негативными оценками его внешнего облика другими людьми. Эти феномены действительно прямо или косвенно указывают на их связь с ценностью внешнего облика и его значимостью для субъекта. Презентация ценности внешнего облика

посредством переживаний, связанных с ним, не противоречит сложившимся подходам. Вместе с тем было обращено внимание на то, что явления, обозначенные данными терминами, подвергаются, с одной стороны, влиянию социокультурных, а с другой — на них воздействуют индивидуально-личностные факторы. Присоединяясь к данным выводам, мы полагаем, что необходима разработка многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику. В центре этой модели должен стоять такой феномен, как ценность внешнего облика и ценностные ориентации, связанные с внешним обликом. Такое построение многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику объясняется следующим: «ценности как предмет психологического исследования являются тем, что определяет субъективную значимость для человека принципов, норм, идей, природы, объектов окружающей среды» [3, с. 137]. Субъект, как правило, руководствуется своими ценностными предпочтениями и одновременно они открывают для него, по меткому выражению В.В. Знакова, «другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности, которые оказывают, в свою очередь, воздействие на человека» [3, с. 139]. Следовательно, многофакторная эмпирическая модель должна отражать взаимовлияния как ценности внешнего облика на различные феномены, связанные с внешним обликом, так и интегрированной совокупности факторов, способствовать определению места ценности внешнего облика в иерархии системы ценностей человека и учитывать ее изменение под влиянием социокультурных, стратификационных, социально-психологических и индивидуально-личностных факторов. Вместе с этим,

понимая, что значимость ценности внешнего облика может изменяться под влиянием совокупности вышеперечисленных факторов, мы полагаем, что интенсивность воздействия их совокупности может быть обусловлена тем, какая из сфер бытия человека выходит на первый план на определенном этапе его жизнедеятельности. В этой связи многофакторная модель изучения отношения к внешнему облику, в центре которой находится ценность внешнего облика, выстраивается с учетом различных сфер жизнедеятельности человека, что позволяет не только определять влияние ценности внешнего облика в сочетании с различными факторами на сферу образования, трудовой занятости и карьерного роста людей, на семейно-брачные, романтические отношения, на групповую динамику и т. д., но и в процессе проведения сравнительных исследований получать сведения о влиянии бытия человека на повышение или понижение ценности внешнего облика. Внешний облик как ценность так же, как и другие ценности, можно рассматривать вслед за Д.А. Леонтьевым [8] в трех измерениях, направленных на различные группы явлений, в том числе как общественный идеал внешнего облика, как воплощение этих идеалов в поведении людей, как сильнейшую мотивацию, актуализирующую действия, направленные на преобразование внешнего облика, на формирование перфекционистского отношения к нему или «Appearance перфекционизма».

Таким образом, введение понятия «ценность внешнего облика» обусловлено признанием многими учеными ценности привлекательного внешнего облика для достижения различных целей и является перспективным для организации системных исследований, свя-

занных с изучением данного феномена. Несмотря на это, до настоящего времени ценность внешнего облика не фиксируется в опросниках, направленных на диагностику выраженности ценностей личности и общества, не исследуется ее место в иерархии ценностей индивида. В качестве исключения можно привести методику О.И. Моткова, основанную на теории самодетерминации личности Э.Л. Диси и Р.М. Руаяна [10]. В этой методике представлена ценность «Физическая привлекательность, внешность». Она присутствует среди 10 других универсальных ценностей и относится к внутренним ценностям, требующим от человека собственной активности. На наш взгляд, редукции в сторону физического компонента внешнего облика или его привлекательности фиксируют внимание участника исследования только на одной из важных, но не единственной характеристике внешнего облика человека [6; 7]. Исходя из этого вывода, мы полагаем, что необходимо употребление интегрального понятия — «внешний облик» для определения «ценности внешнего облика». На рисунке приводится фрагмент многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику, который в графическом виде отражает сформулированные выше теоретические положения.

Методические решения проблемы диагностики выраженности и значимости ценности внешнего облика

На данном этапе разработки методического репертуара была поставлена задача модифицировать известные методики, диагностирующие выраженность

ценностей и позволяющие определить иерархию ценностных ориентаций. Кроме этого была предпринята попытка на основе этих методик создать варианты опросников, диагностирующих значимость ценности внешнего облика.

Первая методика, которая предлагается для изучения ценности внешнего облика, — это «Методика определения ценностных ориентаций М. Рокича» [19; 24]. Ее модификация заключалась в том, что в перечень терминальных ценностей (список А) был внесен «привлекательный внешний облик», а в список инструментальных ценностей (список Б) — «стремление всегда быть в форме, поддерживать и улучшать свой внешний облик». Далее участники исследования действуют в соответствии с традиционной инструкцией. На основе этой методики был разработан опросник, позволяющий выявить интенсивность влияния внешнего облика на реализацию терминальных ценностей по М. Рокичу. Перед участниками исследования стоит задача определить на основе пятибалльной системы, в какой степени они согласны с тем, что людям с привлекательным внешним обликом доступна реализация определенных ценностей. В таблице приводится перечень терминальных ценностей, указываются пять вариантов согласия с тем, что людям с привлекательным внешним обликом более доступны такие, например, ценности, как «активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)», «интересная работа», «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)», «материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных проблем)», «наличие хороших и верных друзей», «общественное признание (уважение окружающих, коллегтива, коллег)»; «свобода (самостоя-

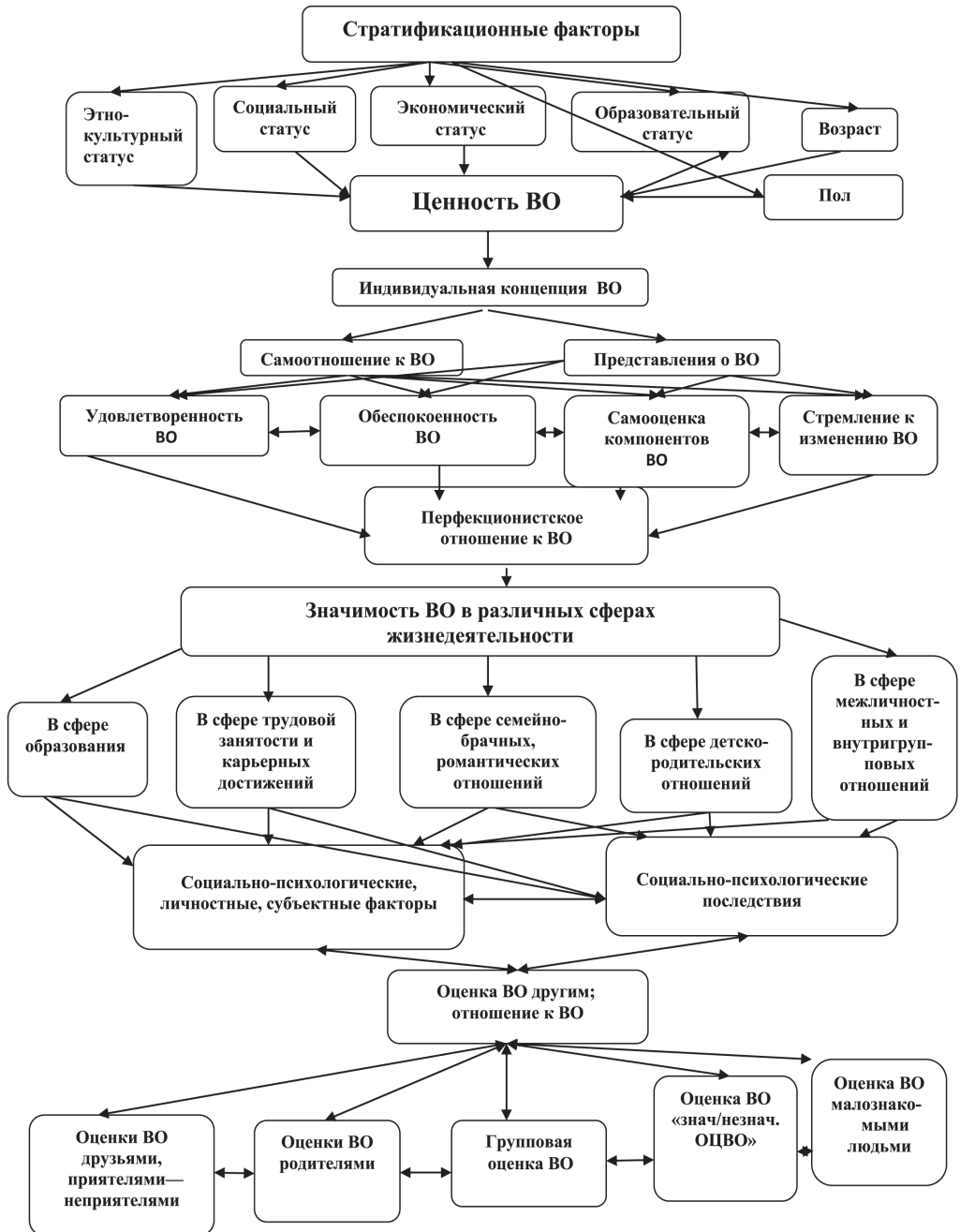

Рис. Фрагмент «многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику (ВО)»

тельность, независимость в суждениях и поступках)», «счастливая семейная жизнь», «счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)», «творчество (возможность заниматься творчеством)», «уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)», «удовольствия (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей, развлечения)».

В следующем опроснике инструкция изменяется: «Перед вами список, в котором перечислены те ценности, которые могут быть важными для вас, то, к чему вы можете стремиться. Ваша задача — определить, в какой степени обладание привлекательным внешним обликом помогло бы вам их достичь (сделало бы эти ценности более доступными)». Предлагается четыре варианта ответов: 1) никак не помогло бы; 2) помогло бы мне в незначительной степени; 3) помогло бы мне существенно; 4) очень помогло бы. Цель данного опросника заключается в определении значимости ценности внешнего облика. Описанные выше методики дополняются инструкциями в соответствии с определенными сферами жизнедеятельности человека. Участникам исследования предлагаются опросники с различными вариантами инструкций. В задание входит определение ценности внешнего облика для сферы образования, сферы трудовой занятости и карьерного роста людей, для сферы семейно-брачных, романтических отношений и т. д. Сравнение места ценности внешнего облика в различных сферах бытия дает информацию о влиянии определенных сфер жизнедеятельности на повышение или понижение ее рейтинга.

Вторая методика представляет собой модифицированный вариант опросника С.С. Бубновой «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» [2]. Как известно, с помощью данной методики диагностируется 11 видов ценностных ориентаций. По аналогии с каждым видом ценностных ориентаций, представленных в методике С.С. Бубновой, были составлены утверждения-вопросы, которые отражают различные стороны проявления «ценности внешнего облика». Перечень состоит из следующих утверждений-вопросов: 1) «улучшать свой внешний облик (ухаживать, корректировать, создавать) — это важная часть жизни человека?»; 2) «в жизни чрезвычайно важно иметь привлекательный, красивый внешний облик?»; 3) «внешний облик может занимать в вашей жизни главное место?»; 4) «чувствовать себя подавленной (подавленным) из-за оценок вашего внешнего облика другими людьми — это о вас?»; 5) «хотели бы вы, чтобы окружающие высоко оценивали ваш внешний облик, восхищались им?»; 6) «на ваше отношение к другому человеку влияет то, как он выглядит, какой у него внешний облик?». Совокупность этих утверждений-вопросов была отнесена к 12-му виду ценностных ориентаций — ценности внешнего облика. Подсчет ответов в форме «да — нет», которые мог дать каждый участник исследования, указывает на выраженность определенных ценностных ориентаций, в том числе и на выраженность ценности внешнего облика. В пилотажном исследовании, связанном с апробацией данного варианта методики, в котором приняли участие 100 молодых людей, было подтверждено, что внешний облик занимает определенное место в иерархии ценностных ориентаций, представленных в методи-

ке С.С. Бубновой. Ранги выраженности ценностных ориентаций в группе участников исследования указывают на то, что в молодежной среде ценность внешнего облика занимает в иерархии ценностных ориентаций срединное положение вместе с ценностью любви.

В комплект методик включен также «Вербальный фрустрационный тест» Л.Н. Собчик [13], в который входит наряду с другими ценностями такая ценность, как внешний вид. С помощью шкалы «внешний вид» диагностируется выраженность фрустрации ценности внешнего облика, круг лиц, оказывающих наибольшее фрустрационное влияние, тип реакции в ситуации фрустрации, иными словами, тип реакции на негативные оценки внешнего облика значимыми и незначимыми другими.

Следуя эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику, в методический набор, направленный на диагностику выраженности ценности внешнего облика, входят также разработанные нами методики, цель которых заключается в определении оценок и самооценок внешнего облика [7], удовлетворенности, обеспокоенности им [6], представлений об оценках внешнего облика родителями, друзьями [5]. В предлагаемый нами комплект методик входит шкала «Appearance перфекционизм», созданная К. Сриваставой (К. Srivastava) [27]. В данной методике представлено 10 утверждений, согласие с которыми определяется на основе семибальной шкалы. С ее помощью констатируется уровень выраженности «Appearance перфекционизма» или перфекционистского отношения к внешнему облику.

Все методики завершаются анкетными пунктами, которые включают пол, возраст, профессию, этническую принад-

лежность, экономический статус, образовательный статус и семейное положение. Эти сведения в результате их систематизации дают информацию о влиянии стратификационных факторов на выраженность ценности внешнего облика в различных сферах бытия человека.

Заключение

Предлагаемый комплекс методик, направленных на диагностику ценности внешнего облика, отражает наши подходы к изучению восприятия, интерпретации, самооценки, оценки внешнего облика. В многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику, следуя нашим представлениям о сложной многоуровневой детерминации феноменов, связанных с внешним обликом, центральное место отводится ценности внешнего облика. Данный феномен еще недостаточно отрефлексирован в современной психологии, поэтому на пути его изучения возникают методологические трудности. Они прежде всего касаются традиционной проблемы разведения понятий «ценность» и «ценностные ориентации». Кроме того, на данном этапе формирования комплекса методик не до конца удалось избежать включения в него уже известных методик с добавлением в них такой ценности, как «внешний облик». В этой связи дальнейшей нашей задачей является применение качественных методов, позволяющих выявлять формулировки ценности внешнего облика, ее проявления, значимость в различных контекстах взаимодействия.

С учетом динамического подхода к изучению ценностей становится особенно важным исследование ценности внешнего облика в молодежной среде на основе пред-

лагаемой многофакторной эмпирической модели. Проведение исследований, направленных на выявление и описание социально-психологической феноменологии

молодежной среды, предполагает изучение динамики ценности внешнего облика, поскольку значимость ценности внешнего облика постоянно возрастает.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 171801260.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойков В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 46–52.
2. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 38–44.
3. Знаков В.В. Ценности как проблема психологии человеческого бытия // Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 136–146.
4. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб: Речь, 2004. 70 с.
5. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социокультурных и социально-психологических факторов на оценки и самооценки молодых людей внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226.
6. Лабунская В.А., Капитанова Е.В. Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом как предикторы самооценок его компонентов и характеристик // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 1. С. 167–183.
7. Лабунская В.А., Капитанова Е.В. Самооценка и оценка внешнего облика членов студенческой группы как предикторы отношений межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 72–87. doi:10.17759/sps.2016070106
8. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
9. Мареева С.В. Динамика норм и ценностей россиян // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 120–130.
10. Мотков О.И. Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности [Электронный ресурс] <https://www.psychologos.ru/articles/view/metodika-izucheniya-vneshnih-i-vnutrennih-cennostey-lichnosti> (дата обращения: 02.04.2018).
11. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008 № 2. С. 83–90.
12. Плотникова Ю.С. Ценностные ориентации студентов на долголетие и особенности самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 143–146.

13. *Собчик Л.Н.* Вербальный фрустрационный тест. СПб: Речь, 2002. 24 с.
14. *Соколов А.В., Щербакова И.О.* Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 115–123.
15. *Суэми В., Фернхем А.* Психология красоты и привлекательности. СПб: Питер, 2009. 240 с.
16. *Татарко А.Н.* Взаимосвязь базовых человеческих ценностей и электорального поведения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 17–37. doi:10.17759/sps.2017080102
17. *Темницкий А.Л.* Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд у работающего населения России (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 144–162. <https://www.psychologos.ru/articles/view/metodika-izucheniya-vneshnih-i-vnutrennih-cennostey-lichnosti> (дата обращения: 02.04.2018).
18. *Федотова В.А.* Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. doi:10.17759/sps.2016070206
19. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: Применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
20. *Anderson C., John O., Keltner D., Kring A.* Who Attains Social Status? Effects of Personality and Physical Attractiveness in Social Groups // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. Is. 1. P. 116–132.
21. *Beall A.* Can a New Smile Make You Look More Intelligent and Successful? // Dental Clinics of North America. 2007. Vol. 51. Is. 2. P. 289–297. doi:10.1016/j.cden.2007.02.002
22. *Chang F.M., Jarry J.L., Kong M.A.* Appearance investment mediates the association between fear of negative evaluation and dietary restraint // Body Image. 2014. Vol. 11. Is. 1. P. 72–76. doi:10.1016/j.bodyim.2013.11.002
23. *Dion K., Berscheid E., Walster E.* What Is Beautiful Is Good. // Journal of Personality and Social Psychology. 1972. Vol. 24. Is. 3. P. 285–290.
24. *Schwartz S.H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings in Psychology and Culture. 2012. 2 (1). [Электронный ресурс] <https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1116&context=orpc&httpsredir=1&referer> (дата обращения: 12.05.2018).
25. *Shahani-Denning C.* Physical Attractiveness Bias in Hiring: What Is Beautiful Is Good. Hofstra Horizons Spring. 2003. 15–18. [Электронный ресурс] http://www.hofstra.edu/pdf/orsp_shahani-denning_spring03.pdf (дата обращения: 12.05.2018).
26. *Shinners E.* Effects of The “What is Beautiful is Good” Stereotype on Perceived Trustworthiness // UW-L Journal of Undergraduate Research XII. 2009. [Электронный ресурс] <https://www.uwlax.edu/urc/jur-online/pdf/2009/shinners-erinpsy.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).
27. *Srivastava K.* Conceptualization and Development of the Appearance Perfectionism Scale: Preliminary Evidence for Validity and Utility in a College Student Population: Thesis of BS in Psychology. Michigan, 2009.

28. *Trekels J., Eggermont S.* Beauty is Good: The Appearance Culture, the Internalization of Appearance Ideals, and Dysfunctional Appearance Beliefs Among Tweens // *Human Communication Research*. 2017. Vol. 43. Is. 2. P. 173–192.
29. *Webb H.J., Zimmer-Gembeck M.J.* A Longitudinal Study of Appearance-based Rejection Sensitivity and the Peer Appearance Culture // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2016. Vol. 43. P. 91–100.

Theoretical foundations and methodological approaches to the study of the phenomenon the «Value of appearance»

V.A. LABUNSKAYA*,

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
vlab@aanet.ru*

G.V. SERIKOV**,

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
serikovg@mail.ru*

The article presents a number of theoretical basics for the development of «multifactor empirical model for studying the attitude to appearance». It argues that the «value of appearance» should be in the centre of this model. The article notes that the introduction of «value of appearance» concept meets not only the modern science requirements, but also complements the person's value structure study at different stages of his or her life. The article emphasizes that the methodology for studying the «value of appearance» involves not only its place determination in the hierarchy of human values, but also includes research of its change under the influence of socio-cultural, stratification, socio-psychological and individual-personal factors. The article also states that the intensity of these factors impact on the explicitness of the «value of appearance» in a person is determined by the sphere of human existence, which is of priority for him or her. The article presents both a set of original techniques and modifications of well known ones aimed at appraisal of values representation and hierarchy of value orientations in a person: a modified method of value orientations research developed by M. Rokich; method for «Diagnosis of person's real structure of value orien-

For citation:

Labunskaya V.A., Serikov G.V. Theoretical foundations and methodological approaches to the study of the phenomenon the «Value of appearance». *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 91–103. doi:10.17759/sps.2018090310 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Labunskaya Vera A.* — Doctor of Science in Psychology, professor, Department of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, vlab@aanet.ru

** *Serikov Gennady V.* — PhD in Psychology, associate professor, Department of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, serikovg@mail.ru

tations» proposed by S.S. Bubnova; and also a list of techniques aimed at the diagnosis of phenomena related to appearance and influencing or presenting the explicitness of the «value of appearance».

Keywords: appearance, value, hierarchy of values, importance of appearance, empirical model, factors.

Funding

The research was conducted with the financial support from Russian Scientific Foundation, project № 171801260.

REFERENCES

1. Bojkov V. Je. Cennosti i orientiry obshhestvennogo soznaniya rossijan [Values and reference points of the public consciousness of the Russians]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 2004, no. 7, pp. 46–52.
2. Bubnova S.S. Cennostnye orientacii lichnosti kak mnogomernaya nelinejnaya sistema [Valuable orientations of the personality as multidimensional nonlinear system]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1999. Vol. 20, no. 5, pp. 38–44.
3. Znakov V.V. Cennosti kak problema psihologii chelovecheskogo bytija [Values as a problem of human life psychology]. *Psihologija ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of the person's world understanding]. Moscow: RAS Institute of psychology, 2016, pp. 136–146.
4. Karandashev V.N. Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo [Schwarz's method for studying personality's values: concept and methodical guide]. St. Petersburg: Rech', 2004. 70 p.
5. Labunskaja V.A., Drozdova I.I. Teoretiko-jempiricheskij analiz vlijaniya sociokul'turnyh i social'no-psihologicheskikh faktorov na ocenki i samoocenki molodyh ljudej vneshnego oblika [A theoretical and empirical analysis of the influence of socio-psychological factors on young people's assessment and self-assessment of appearance]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian psychological journal], 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 202–226.
6. Labunskaja V.A., Kapitanova E.V. Obespokoennost' i udovletvorennost' studentov svoim vneshnim oblikom kak prediktory samoocenok ego komponentov i harakteristik [Concerns and satisfaction of students to their appearance as predictors of self-evaluations of its components and characteristics]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*. [Russian psychological journal], 2016. Vol.13, no. 1, pp. 167–183.
7. Labunskaja V.A., Kapitanova E.V. Samoocenka i ocenka vneshnego oblika chlenov studencheskoj gruppy kak prediktory otnoshenij mezhlichnostnoj znachimosti [Self-Assessment and Appearance Evaluation in Student Group as Predictors in Relationships of Interpersonal Significance]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social psychology and society], 2016. Vol. 7, no. 1, pp. 72–87. doi:10.17759/sps.2016070106 8.
8. Leont'ev D.A. Cennostnye predstavlenija v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmenenija vo vremeni [Values representations in individual and group consciousness: types, determinants and changes in time]. *Psihologicheskoe obozrenie* [Psychological review], 1998, no. 1, pp. 13–25.

9. Mareeva S.V. Dinamika norm i cennostej rossijan [Dynamics of norms and values of the Russians]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological researches], 2013, no. 7, pp. 120–130.
10. Motkov O.I. Metodika izuchenija vneshnih i vnutrennih cennostej lichnosti [Elektronnyi resurs] [Method of external and internal values of personality's studying]. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/metodika-izucheniya-vneshnih-i-vnutrennih-cennostey-lichnosti> (Accessed 02.04.2018).
11. Petrov A.V. Cennostnye predpochtenija molodezhi: diagnostika i tendencii izmenenij [Valuable preferences of youth: diagnostics and tendencies of change]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological researches], 2008, no. 2, pp. 83–90.
12. Plotnikova Ju.S. Cennostnye orientacii studentov na dolgoletie i osobennosti samosohranitel'nogo povedenija [Value orientations of students on longevity and features of self care behavior]. *Sociologicheskie issledovanija*. [Sociological researches], 2009, no. 9, pp. 143–146.
13. Sobchik L.N. Verbal'nyj frustracionnyj test [Verbal frustration test]. St. Peterburg.: Rech', 2002. 24 p.
14. Sokolov A.V., Shherbakova I.O. Cennostnye orientacii postsovetskogo gumanitarnogo studenchestva [Value orientations in post-soviet humanitarian students]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological researches], 2003, no. 1, pp. 115–123.
15. Sujemi V., Fernhem A. Psihologija krasoty i privlekatel'nosti [Psychology of beauty and appeal]. St. Peterburg: Piter, 2009. 240 p.
16. Tatarko A.N. Vzaimosvjaz' bazovyh chelovecheskih cennostej i jelektoral'nogo povedenija [Interrelationship of basic human values and electoral behavior]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social psychology and society], 2017. Vol. 8. no. 1, pp. 17–37. doi:10.17759/sps.2017080102.
17. Temnickij A.L. Sootnoshenie terminal'nyh i instrumental'nyh orientacij na trud u rabotajushhego naselenija Rossii (sravnitel'nyj analiz) [A ratio of terminal and tool orientations to work in the working population of Russia (the comparative analysis)]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. 2017. Vol. 23, no. 3, pp. 144–162. Available at: <https://www.psychologos.ru/articles/view/metodika-izucheniya-vneshnih-i-vnutrennih-cennostey-lichnosti> (Accessed 02.04.2018).
18. Fedotova V.A. Vzaimosvjaz' cennostej i innovativnyh ustanovok u predstavitelej raznyh pokolenij rossijan [Interrelation of values and innovative sets in representatives of different generations of Russians]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social psychology and society], 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 82–92. doi:10.17759/sps.2016070206.
19. Schwartz Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaja teorija bazovyh individual'nyh cennostej: Primenenie v Rossii [The corrected theory of basic individual values: Application in Russia]. *Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70.
20. Anderson C., John O., Keltner D., Kring A. Who Attains Social Status? Effects of Personality and Physical Attractiveness in Social Groups. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001. Vol. 81, no. 1, pp. 116–132.
21. Beall A. Can a New Smile Make You Look More Intelligent and Successful? *Dental Clinics of North America*, 2007. Vol. 51, Is. 2, pp. 289–297. doi: 10.1016/j.cden.2007.02.002

22. Chang F.M., Jarry J.L., Kong M.A. Appearance investment mediates the association between fear of negative evaluation and dietary restraint. *Body Image*. 2014. Vol. 11, pp. 72–76.
23. Dion K., Berscheid E., Walster E., What Is Beautiful Is Good. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1972. Vol. 24, no. 3, pp. 285–290.
24. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. 2 (1) [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1116&context=orpc&httpsredir=1&referer> (Accessed 12.05.2018).
25. Shahani-Denning C. Physical Attractiveness Bias in Hiring: What Is Beautiful Is Good. *Hofstra Horizons Spring*. 2003:15-18 [Elektronnyi resurs]. Available at: http://www.hofstra.edu/pdf/orsp_shahani-denning_spring03.pdf (Accessed 12.05.2018).
26. Shinnners E. Effects of The «What is Beautiful is Good» Stereotype on Perceived Trustworthiness. *UW-L Journal of Undergraduate Research XII*. 2009. Available at: <https://www.uwlax.edu/urc/jur-online/pdf/2009/shinnners-erinpsy.pdf> (Accessed 20.04.2018).
27. Srivastava K. Conceptualization and Development of the Appearance Perfectionism Scale: Preliminary Evidence for Validity and Utility in a College Student Population: Thesis of BS in Psychology. Michigan, 2009.
28. Trekels J., Eggermont S. Beauty is Good: The Appearance Culture, the Internalization of Appearance Ideals, and Dysfunctional Appearance Beliefs Among Tweens. *Human Communication Research*, 2017. Vol. 43, Is. 2, pp. 173–192.
29. Webb H.J., Zimmer-Gembeck M.J. A Longitudinal Study of Appearance-based Rejection Sensitivity and the Peer Appearance Culture. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2016. Vol. 43, pp. 91–100.

Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека

Т.А. ШКУРКО*,
ФГАОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия,
shkurko@sfedu.ru

В статье описана процедура фотовидеопрезентации внешнего облика в качестве метода изучения воспринимаемого возраста человека. Она разработана на основе социально-психологического подхода к внешнему облику человека В.А. Лабунской и мировой практики изучения воспринимаемого возраста. Воспринимаемый возраст рассматривается как результат восприятия внешнего облика человека, представляет собой возраст объекта восприятия, приписанный ему субъектом восприятия. Внешний облик человека и его компоненты выступают в качестве маркеров его возраста, который может быть изучен с помощью предъявления фото- и видеоизображений людей различных возрастов субъектам восприятия (оценщикам). В статье обсуждается ряд методических проблем, возникающих при изучении воспринимаемого возраста человека, а именно: что предъявлять (фото/видео, лицо/тело), кому предъявлять (экспертам/обычным людям, мужчинам/женщинам, молодым/пожилым) и какому количеству оценщиков предъявлять. На основании современных исследований в статье предложен ряд методических подходов к конструированию комплектов фото- и видеоизображений внешнего облика для изучения воспринимаемого возраста человека.

Ключевые слова: внешний облик, презентации внешнего облика, фотографии, возраст, воспринимаемый возраст, восприятие возраста.

Воспринимаемый возраст является результатом восприятия внешнего облика человека и представляет собой возраст объекта восприятия, приписанный ему субъектом восприятия. В современной науке наблюдается всплеск интереса к изучению воспринимаемого возраста человека и его факторов, так как воспринимаемый возраст напрямую связан с биологическим возрастом человека и является маркером продолжительности жизни. Учеными изучены генетические,

Для цитаты:

Шкурко Т.А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 104–117. doi:10.17759/sps.2018090311

* Шкурко Татьяна Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент, Южный федеральный университет (ФГАОУ ВО ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия, shkurko@sfedu.ru

экологические, медико-эстетические факторы, влияющие на воспринимаемый возраст человека (обзор представлен в одной из наших работ [12]). При этом влияние социально-психологических и психологических факторов на воспринимаемый возраст, а также роль воспринимаемого возраста в процессах общения, взаимодействия людей, конструирования ими возрастной идентичности практически не изучено. Для достижения этих целей нами предлагается процедура фотовидеопрезентации внешнего облика в качестве метода изучения воспринимаемого возраста человека. Она разработана с опорой, с одной стороны, на существующую на сегодняшний день мировую практику изучения воспринимаемого возраста, с другой — на социально-психологический подход к внешнему облику В.А. Лабунской [4; 5], в рамках которого внешний облик человека определяется как «конструируемая форма объективизации внутреннего мира личности, как феномен, отражающий различные этапы жизненного пути на основе динамичных, переменных взаимосвязей трех компонентов: 1) физического, 2) социального облика, 3) экспрессивного поведения» [4, с. 202]. Также данная процедура опирается на отечественную традицию изучения индивидуально-психологических и личностных особенностей человека по его изображению, в первую очередь по изображению лица [1; 2].

Специфика изучения воспринимаемого возраста человека состоит в том, что для его анализа необходим и объект, и субъект восприятия. Следовательно, исследователь при разработке дизайна исследования должен ответить как минимум на два вопроса: как будет представлен объект восприятия (на фотографии, видеозаписи или непосредственно)

и кто будет оценивать его возраст (эксперты или обычные люди)? Для анализа мировой практики в изучении воспринимаемого возраста нами проведен анализ более чем 100 работ, полученных из базы данных «Скопус», в которых словосочетание «воспринимаемый возраст» встречается либо в названии статьи, либо в списке ключевых слов. В данной статье опустим ту часть работ, которые посвящены изучению воспринимаемого возраста по голосу человека, несмотря на то что паралингвистические и экстралингвистические компоненты речи являются элементами экспрессивного поведения и, соответственно, входят во внешний облик человека. При этом подобные исследования нуждаются в принципиально иных методических решениях, чем те, которые обсуждаются в данной статье.

Итак, в подавляющем большинстве исследований воспринимаемого возраста использованы фотографии незнакомых людей. Значительная часть исследований посвящена изучению воспринимаемого возраста по фотографиям лица, который далее соотносится с показателями здоровья пожилых людей: их уровня глюкозы крови [28], уровня кортизола [29], биологического возраста [14], риска ранней смерти [19], возрастного атеросклероза сонной артерии [21]. Эти и другие исследования позволили ученым сделать вывод, что воспринимаемый возраст является лучшим предиктором состояния здоровья и смертности, чем хронологический возраст.

Целая группа исследований посвящена изучению эффекта медицинских, косметологических процедур, эстетических операций на воспринимаемый возраст и привлекательность пациентов [3; 13; 30; 31]. Как правило, в данном случае оценщикам предлагаются для оценки возраст

та предоперационные и послеоперационные фотографии или фото до и после омолаживающих процедур. Также участники исследования оценивают привлекательность пациентов на фотографиях. В качестве измеримого эффекта после эстетических процедур рассматриваются «спасенные годы» [31] (хронологический возраст минус воспринимаемый возраст) и изменение оценок привлекательности после эстетической хирургии лица. В исследовании A.J. Zimm и коллег [31] обнаружена очень важная для понимания связи внешнего облика, возраста и отношения к человеку закономерность: при значительном снижении воспринимаемого возраста (диапазон «спасенных лет» в результате эстетических операций варьируется от 4 до 9,4 года) привлекательность воспринимаемых людей не увеличивалась. То есть омоложение внешнего облика человека не гарантирует увеличения привлекательности. Также выявлена взаимосвязь между биофизическими свойствами кожи, визуальными особенностями старения кожи и воспринимаемым возрастом на основании восприятия фотографий лиц китайских женщин [22], европейских женщин [27], российских женщин [23]. В данном случае обученный эксперт выполнял визуальную оценку атрибутов кожи лица, которая далее сопоставлялась с воспринимаемым возрастом женщин, определенным с помощью оценщиков-неэкспертов.

В нашумевшей в прессе серии исследований T. Ganel и коллег [16; 17], посвященных влиянию улыбки на воспринимаемый возраст, участникам также было предложено оценить по фотографии возраст людей, имеющих улыбающееся, нейтральное или удивленное выражение лица.

Таким образом, для изучения воспринимаемого возраста в мировой практике в первую очередь используется фотография лица, реже — всего тела, практически никогда — видеозапись. В ряде исследований использованы фото глаз [18], участков кожи лица [22]. Только в одном исследовании нами была обнаружена видеозапись — для изучения способности сотрудников магазина оценивать возраст своих клиентов для предотвращения незаконных продаж табака и алкоголя несовершеннолетним лицам [24]. Как правило, фотографии лица делаются под бестеневой лампой с использованием цифровой камеры высокого разрешения [21].

Отдельной проблемой является ответ на вопрос, кто должен выступать в качестве субъектов восприятия — оценщиков и какого их количества достаточно, чтобы определить воспринимаемый возраст человека. Ученые по-разному отвечают на этот вопрос. В работе A.J. Zimm и коллег [31] в качестве экспертов-оценщиков выступали 50 человек, не осведомленных о целях исследования; в другом исследовании [21] воспринимаемый возраст оценивали 19 профессиональных медсестер, работающих с пожилыми людьми. Также в качестве оценщиков выступали: три независимых дерматолога [30]; три группы оценщиков: 20 медсестер, 10 молодых мужчин и 11 женщин старшего возраста [14]; 48 экспертов (20 мужчин и 28 женщин в возрасте 22–64 лет) [27]; 10 медсестер [19]; 12 молодых взрослых [15]. В большом исследовании [20] был сделан вывод, что возраст субъекта оценивания, пол оценщика, его национальность, возраст и опыт в оценке возраста мало влияют на полученные данные о возрасте, что позволяет использовать для оценки воспринимаемого возраста людей без определенной подготовки. При этом для получения воспроизводимых

данных требуется не менее 10 оценщиков. Также специальное исследование [25] показало, что на оценку воспринимаемого возраста в основном влияет фотопрезентация, а не клинический опыт оценщика.

На основании вышеизложенного нами разработана процедура фотовидеопрезентации внешнего облика, которая включает в себя четыре разных комплекта фото- и видеопрезентаций внешнего облика. В комплект № 1 входит набор фотографий для анализа компонентов внешнего облика в структуре восприятия возраста. Для создания комплекта были сфотографированы люди различных возрастов, профессий и типажей (профессиональная фотосъемка с правильно подобранным светом, единообразным фоном, но без применения технологий «фотошоп»). В комплект включены 40 фотографий, отвечающих следующим требованиям: по 2 женские и мужские портретные и ростовые фотографии из каждого десятилетия начиная с 1950 года рождения и заканчивая 1999-м (т. е. на одно десятилетие приходится 4 человека и 8 фото). Фотографии помещены в альбом таким образом, чтобы испытуемый мог видеть только одно фото и не переходил к следующему, не оценив предыдущего, при этом сначала показывается карточка с ростовым изображением человека, затем — с портретным.

Рис. 1. Пример портретной и ростовой фотографии из комплекта № 1

К данной процедуре прилагается набор вопросов, который содержит помимо социально-демографических сведений о субъекте восприятия следующие вопросы относительно каждой из 40 фотографий: 1) «Сколько лет человеку на данном фото?»; 2) «Что во внешнем облике этого человека позволяет вам сделать этот вывод?»

Схема анализа полученного материала представлена в одной из наших работ [11]. Нами было показано, что компоненты внешнего облика представлены в структуре восприятия возраста неравномерно. Центральное место в структуре восприятия визуальных презентаций возраста занимает физический внешний облик; далее — социальный облик (оформление внешнего облика); на третьем месте — экспрессивное поведение. При этом нами в качестве ограничения исследовательской процедуры рассматривался тот факт, что субъектам восприятия были представлены фотографии, а не видеозаписи, что затрудняет изучение динамического компонента внешнего облика (экспрессивного поведения) в структуре восприятия возраста. Снять это ограничение призван следующий набор стимульного материала.

В комплект № 2, созданный для оценки влияния динамического компонента внешнего облика на воспринимаемый возраст человека, входит набор фото- и видеоизображений внешнего облика. Для создания комплекта в качестве моделей (объектов восприятия) для оценивания возраста выступили 8 человек: двое мужчин и шесть женщин. Хронологический возраст всех моделей (за исключением одной) находился в пределах от 21 до 23 лет. Возраст одной из моделей (женщины, далее — возрастная модель) был в 2 раза больше — 45 лет. Все модели были сфото-

графированы на нейтральном фоне в полный рост в непринужденных, выбранных ими, позах. Фотографии предъявлялись респондентам в случайном порядке, который был одинаков для всех.

Также все модели были сняты на видео во время исполнения ими спонтанного танца, который рассматривается в данном контексте как особая (ритмизированная) форма экспрессивного поведения [6]. Видеозаписи с танцующими моделями предъявлялись респондентам в том же порядке, что и фотографии. Респонденты, которые оценивали возраст моделей по фото, не видели видео, и наоборот. Всем респондентам задавались

два вопроса: 1) «Сколько лет человеку на данном фото/видео?»; 2) «Что во внешнем облике этого человека позволяет вам сделать этот вывод?»

Результаты исследования с использованием данного комплекта [12] показали значимые различия в воспринимаемом возрасте моделей, представленных на фото или видео. Обнаружена следующая закономерность: если динамический компонент внешнего облика человека доступен для оценки его возраста, то он воспринимается другими как более молодой, чем тогда, когда представлен только на фото. При этом оценки возраста моделей, полученные на основании фото- и виде-

Рис. 2. Набор фотоизображений из комплекта № 2 (в верхнем ряду справа — возрастная модель)

оизображений, сходны. Так, возрастная модель при наличии молодежного стиля экспрессии все равно распознана оценщиками как женщина среднего возраста вне зависимости от того, как она была представлена — на фото или на видео. Этот вывод, с одной стороны, доказывает некоторую ограниченность метода фотографии, но с другой — демонстрирует обоснованность его применения для изучения воспринимаемого возраста с учетом его возможностей с точки зрения получения больших массивов данных.

Комплект № 3 разработан для изучения связи отношения к человеку и его воспринимаемого возраста. В данный комплект входят наборы фотоизображе-

ний моделей, находящихся на различных этапах жизненного пути. В первом случае в качестве модели выступает голливудская киноактриса Мэй Уэст, фотографии которой в открытом доступе имеются в сети интернет. Для создания данного комплекта подобраны 8 фотографий модели, сделанных с промежутком в 7–14 лет между ними (в среднем 10 лет), а именно: возраст модели на фотографиях составляет 17 лет, 27 лет, 41 год, 50 лет, 57 лет, 64 года, 72 года, 80 лет.

Фотографии предъявляются испытуемым в случайном порядке. Испытуемый оценивает возраст модели, а также измеряется его отношение к модели с использованием «Цветового теста от-

Фотография 1 —
17 лет

Фотография 2 —
27 лет

Фотография 3 —
41 год

Фотография 4 —
50 лет

Фотография 5 —
57 лет

Фотография 6 —
64 года

Фотография 7 —
72 года

Фотография 8 —
80 лет

ношений А.М. Эткинда» и шкал симпатии/антипатии, уважения/неуважения, близости/отдаленности, разработанных на основе классификации видов отношений к другому В.В. Столина и Н.И. Голосовой [9]. Результаты исследования, полученные с использованием данного комплекта, представлены в одной из наших работ [10].

Во второй вариант комплекта № 3, разрабатываемый нами совместно с Ю.В. Тенишевой, входят фотографии, которые респондент самостоятельно выбирает из своего личного фотоархива. При подборе фотографий нами выбран временной интервал в 5 лет. На первом этапе респондент выбирает фотографии, на которых он изображен в следующих возрастных периодах: 15 лет, 20 лет, 25 лет и т. д. до настоящего возраста, и озаглавливает их. Цель второго этапа — получение нарративов, которые рассматриваются нами вслед за другими авторами [7; 8] как способ организации человеком своего личного опыта и упорядочивания эмоционального отношения к себе, своему внешнему облику, возрастным изменениям внешнего облика. Интервью с респондентом проводится по следующим блокам вопросов:

А. Описание себя и отношение к себе как к объекту восприятия (*пример: Что нравится мне в человеке на фото? Что не нравится?*).

Б. Ретроспективная рефлексия (*пример: Что мне нравилось в себе тогда? Что не нравилось?*).

В. Косвенное самоотношение через представление об отношении к своему внешнему облику других (*пример: Что бы о человеке на снимке сказали его друзья?*).

Г. Ранжирование респондентом фотографий по степени приятия (*от наиболее приятной для респондента до наименее приятной*).

Д. Диагностика отношения к себе и своей внешности на различных этапах жизненного пути с помощью теста «Цветовой тест отношений» Эткинда и шкал симпатии/антипатии, уважения/неуважения, близости/отдаленности.

Е. Отношение к возрастным изменениям внешнего облика и старости (*пример: Какие возрастные изменения вашей внешности беспокоят вас сейчас и беспокоят ли вообще?*)

В комплект № 4, разрабатываемый нами в настоящий момент для изучения влияния социально-психологических факторов на воспринимаемый возраст человека, входят портретные и ростовые фотографии моделей, предварительно протестированные с использованием комплекса социально-психологических методик. Далее фотографии моделей будут предложены субъектам восприятия для оценки их воспринимаемого возраста и с помощью специальных математических процедур будет выявлено влияние изучаемых переменных на воспринимаемый возраст человека.

Во всех четырех комплектах (за исключением первого варианта комплекта № 3, в который вошли изображения, размещенные в открытом доступе в сети интернет) участвующие в них респонденты были предупреждены о дальнейшем использовании их фото- и видеоизображений в психологических исследованиях.

Заключение

В статье внешний облик человека и его компоненты рассматриваются в качестве маркеров его возраста. Воспринимаемый возраст представляет собой результат восприятия внешнего облика человека, в качестве которого выступает

возраст объекта восприятия, приписанный ему субъектом восприятия. В статье рассматривается, что воспринимаемый возраст может быть изучен с помощью предъявления фото- и видеоизображений людей различных возрастов субъектам восприятия (оценщикам).

Нами предложена процедура фотовидеопрезентации внешнего облика в качестве метода изучения воспринимаемого возраста человека, которая разработана на основе социально-психологического подхода к внешнему облику человека [4; 5] как феномену, отражающему различные этапы жизненного пути человека, конструируемому на основе взаимосвязей трех компонентов: физического, социального облика и

экспрессивного поведения, а также мировой практики изучения воспринимаемого возраста. Процедура фотовидеопрезентации внешнего облика включает в себя четыре разных комплекта фото- и видеопрезентаций внешнего облика, которые позволяют решать задачи изучения структуры восприятия возраста, влияния социально-психологических факторов на воспринимаемый возраст, а также выявления роли воспринимаемого возраста в процессах общения, взаимодействия людей и конструирования ими возрастной идентичности. Данные комплекты не являются окончательными и конечными и могут быть модифицированы и расширены в зависимости от целей и задач исследования.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабанщиков В.А., Беспрозванная И.И., Аманьева К.И.* Оценка индивидуально-психологических свойств человека в зависимости от конфигурационных изменений его лица // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 49–77. doi: 10.21702/grj.2017.4.3
2. *Барабанщиков В.А.* Восприятие личностных особенностей человека по выражению лица // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 40–59.
3. *Белопольская Н.Л., Виссарионова В.В., Шафирова Е.М.* Определение хронологического возраста по лицу человека // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012. С. 33–44.
4. *Лабунская В.А., Дроздова И.И.* Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226. doi: 10.21702/grj.2017.2.12
5. *Лабунская В.А., Каттанова Е.В.* Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом как предикторы самооценок его компонентов и характеристик // Российский психологический журнал. 2016. № 1. С. 167–183.

6. Лабунская В.А., Шкурко Т.А. Развитие личности методом танцевально-экспрессивного тренинга // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 31–38.
7. Лакосина Н.В. Возрастная динамика показателей отношения к жизни в результате фотовизуализации жизненных событий // Северо-Кавказский психологический вестник. 2010. Т. 8. № 1. С. 42–45.
8. Лакосина Н.В. Динамика удовлетворенности жизнью в результате фотовизуализации жизненных событий // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 3. С. 65–67.
9. Столин В.В., Голосова Н.И. Факторная структура эмоционального отношения человека к человеку // Психологический журнал. 1982. № 2. С. 62–67.
10. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Динамика отношения к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1762–1769.
11. Шкурко Т.А., Николаева Е.Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 78–90. doi: 10.17759/sps.2015060406
12. Шкурко Т.А., Сериков Г.В. Влияние динамического компонента внешнего облика на восприятие визуальных презентаций возраста другого человека // Российский психологический журнал. 2017. № 3. С. 190–209. doi: 10.21702/rpj.2017.3.10
13. Chauhan N., Warner J.P., Adamson P.A. Perceived age change after aesthetic facial surgical procedures: Quantifying outcomes of aging face surgery // Archives of Facial Plastic Surgery. 2012. № 14 (4). P. 258–262. doi: 10.1001/archfacial.2011.1561
14. Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmberg J.V.B., Aviv A., Gunn D., van der Ouderaa F., Vaupel J.W. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study // BMJ (Online). 2009. Vol. 339. № 7735. P. 1433. DOI: 10.1136/bmj.b5262 Available at: <https://www.bmj.com/content/bmj/339/bmj.b5262.full.pdf> (accessed 3 September 2018).
15. Dykiert D., Bates T.C., Gow A.J., Penke L., Starr J.M., Deary I.J. Predicting mortality from human faces // Psychosomatic Medicine. 2012. No. 74 (6). P. 560–566. doi: 10.1097/PSY.0b013e318259c33f
16. Ganel T. Smiling makes you look older // Psychonomic Bulletin and Review. 2015. Vol. 22. Iss. 6. P. 1671–1677. doi: 10.3758/s13423-015-0822-7
17. Ganel T., Goodale M.A. The effects of smiling on perceived age defy belief // Psychonomic Bulletin and Review. 2018. Vol. 25. Iss. 2. P. 612–616.
18. Gründl M., Knoll S., Eisenmann-Klein M., Prantl L. The blue-eyes stereotype: Do eye color, pupil diameter, and scleral color affect attractiveness? // Aesthetic Plastic Surgery. 2012. Vol. 36. № 2. P. 234–240. doi: 10.1007/s00266-011-9793-x
19. Gunn D.A., Larsen L.A., Lall J.S., Rexbye H., Christensen K. Mortality is Written on the Face // Journals of Gerontology – Series A Biological Sciences and Medical Sciences. 2015. Vol. 71. № 1. P. 72–77. doi: 10.1093/gerona/glv090
20. Gunn D.A., Murray P.G., Tomlin C.C., Rexbye H., Christensen K., Mayes A.E. Perceived age as a biomarker of ageing: A clinical methodology // Biogerontology. 2008. Vol. 9. № 5. P. 357–364. doi: 10.1007/s10522-008-9141-y

21. *Kido M., Kohara K., Miyawaki S., Tabara Y., Igase M., Miki T.* Perceived age of facial features is a significant diagnosis criterion for age-related carotid atherosclerosis in Japanese subjects: J-SHIP study // *Geriatrics and Gerontology International*. 2012. Vol. 12. № 4. P. 733–740. doi: 10.1111/j.1447-0594.2011.00824.x
22. *Mayes A.E., Murray P.G., Gunn D.A., Tomlin C.C., Catt S.D., Wen Y.B., Zhou L.P., Wang H.Q., Catt M., Granger S.P.* Ageing appearance in China: Biophysical profile of facial skin and its relationship to perceived age // *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. 2010. Vol. 24. № 3. P. 341–348. doi: 10.1111/j.1468-3083.2009.03418.x
23. *Merinville E., Grennan G.Z., Gillbro J.M., Mathieu J., Mavon A.* Influence of facial skin ageing characteristics on the perceived age in a Russian female population // *International Journal of Cosmetic Science*. 2015. № 37. P. 3–8. doi: 10.1111/ics.12252
24. *Merrill R.M., Stanford E.J., Lindsay G.B., Neiger B.L.* The relationship of perceived age and sales of tobacco and alcohol to underage customers // *Journal of Community Health*. 2000. Vol. 25. № 5. P. 401–410. doi: 10.1023/A:1005132018031
25. *Nielsen B.R., Linneberg A., Christensen K., Forman J.L., Schwarz P.* The Influence of Clinical Experience and Photographic Presentation on Age Assessment of Women // *Gerontology*. 2016. Vol. 62. № 2. P. 191–199. doi: 10.1159/000438825
26. *Nielsen B.R., Linneberg A., Christensen K., Schwarz P.* Perceived age is associated with bone status in women aged 25–93 years // *Journal of the American Aging Association*. 2015. Vol. 37 № 6. P. 11. doi: 10.1007/s11357-015-9842-5
27. *Nkengne A., Bertin C., Stamatas G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Fertil B.* Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women // *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. 2008. Vol. 22. № 8. P. 982–991. doi: 10.1111/j.1468-3083.2008.02698.x
28. *Noordam R., Gunn D.A., Tomlin C.C., Maier A.B., Mooijaart S.P., Slagboom P.E., Westendorp R.G.J., De Craen A.J.M., Van Heemst D.* High serum glucose levels are associated with a higher perceived age // *Age*. 2013. Vol. 35. № 1. P. 189–195. doi: 10.1007/s11357-011-9339-9
29. *Noordam R., Gunn D.A., Tomlin C.C., Razing M.P., Maier A.B., Slagboom P.E., Westendorp R.G.J., van Heemst D., De Craen A.J.M.* Cortisol serum levels in familial longevity and perceived age: The Leiden Longevity Study // *Psychoneuroendocrinology*. 2012. Vol. 37. № 10. P. 1669–1675. doi: 10.1016/j.psyneuen.2012.02.013
30. *Taub A.F., Sarnoff D., Gold M., Jacob C.* Effect of multisyringe hyaluronic acid facial rejuvenation on perceived age // *Dermatologic Surgery*. 2010. Vol. 36. № 3. P. 322–328. doi: 10.1111/j.1524-4725.2009.01436.x
31. *Zimm A.J., Modabber M., Fernandes V., Karimi K., Adamson P.A.* Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery // *JAMA Facial Plastic Surgery*. 2013. Vol. 15. № 6. P. 405–410. doi: 10.1001/jamafacial.2013.268

“Photo-video presentation of appearance” as a method of a person’s perceived age studying

T.A. SHKURKO*,

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

shkurko@sfedu.ru

The article proposes a procedure of "photo-video presentation of physical appearance" as a method of a person's perceived age studying. It was developed on the basis of V.A. Labunskaya's socio-psychological approach to the appearance of a person, as well as on the world practice of perceived age studying. "Perceived age" is considered as a result of a person's physical appearance perception. It is the object age perception, attributed to it by the perception subject. The physical appearance of a person and its components act as age markers, which can be studied by people of different age photos and video images presenting to subjects of perception (evaluators). The article discusses some methodological problems that arise in the study of person's perceived age, namely: what to show (photo/video, face/body), to whom to show (experts / ordinary people, men/women, young/elderly) and to how many appraisers to show. In the article on the basis of modern research the number of methodological approaches to designing the sets of photos and video images of appearance to study person's perceived age are proposed.

Keywords: *appearance, presentation of appearance, photograph, age, perceived age, perception of age.*

Funding

This study is conducted in the frameworks of research project № 17-18-01260 supported by Russian Science Foundation.

REFERENCES

1. Barabanshchikov V.A., Besprozvannaya I.I., Ananyeva K.I. Otsenka individualno-psikhologicheskikh svoystv cheloveka v zavisimosti ot konfiguratsionnykh izmeneniy ego litsa [Evaluation of individual psychological properties of a person in depending on the configuration changes of his face]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal [Russian psychological journal]*, 2017. Vol. 14, no. 4, pp. 49–77. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.21702/rpj.2017.4.3
2. Barabanshchikov V.A. Vospriyatie lichnostnykh osobennostey cheloveka po vyrazheniyu litsa [Perception of personal characteristics of a person by facial expression].

For citation:

Shkurko T.A. "Photo-video presentation of appearance" as a method of a person's perceived age studying. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 104–117. doi:10.17759/sps.2018090311 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Shkurko Tatyana A.* — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, shkurko@sfedu.ru

- In Lyusina D.V., Ushakov D.V. (eds.) *Sotsia'nyy i emotsionalnyy intellekt: Ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from processes to measurements]. Moscow: Publ. "Institute of psychology of Russian Academy of Sciences", 2009, pp. 40–59. (In Russ.).
3. Belopolskaya N.L., Vissarionova V.V., Shafirova E.M. Opredelenie khronologicheskogo vozrasta po litsu cheloveka [Estimating of Chronologic Age from Somebody's Face]. In Barabanshchikov V.A., Demidov A.A., Diveev D.A. (eds.). *Litsa cheloveka kak sredstvo obshcheniya: Mezhdistsiplinarnyy podkhod* [Human Face as a Means of Communication: an Interdisciplinary Approach]. Moscow: Publ. Cogito-centre, 2012, pp. 33–44. (In Russ.).
 4. Labunskaya V.A., Drozdova I.I. Teoretiko-empiricheskiy analiz vliyaniya sotsialno-psikhologicheskikh faktorov na otsenki, samootsenki molodymi lyudmi vneshnego oblika [Theoretical and empirical analysis of the impact of social and psychological factors on the assessment, self-assessment of young people's appearance]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian psychological journal], 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 202–226. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.21702/rpj.2017.2.12
 5. Labunskaya V.A., Kapitanova E.V. Obespokoennost i udovletvorennost studentov svoim vneshnim oblikom kak prediktory samootsenok ego komponentov i kharakteristik [Concern and satisfaction of students with their physical appearance as the self-assessment of its components and characteristics predictors]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian psychological journal], 2016, no. 1, pp. 167–183. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.21702/rpj.2016.1.14
 6. Labunskaya V.A., Shkurko T.A. Razvitie lichnosti metodom tanceval'no-ekspressivnogo treninga [Personality Development by the method of dance-expressive training]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological magazine], 1999. Vol. 20, no. 1, pp. 31–38. (In Russ., abstr. in Engl.).
 7. Lakosina N.B. Vozrastnaya dinamika pokazatelej otnosheniya k zhizni v rezul'tate fotovizualizatsii zhiznennykh sobytij [Age dynamics of the attitude to life indicators as a result of life events photo-visualization]. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskiy vestnik* [North Caucasian psychological Bulletin], 2010. Vol. 8, no. 1, pp. 42–45. (In Russ., abstr. in Engl.).
 8. Lakosina N.B. Dinamika udovletvorennosti zhizn'yu v rezul'tate fotovizualizatsii zhiznennykh sobytij [Dynamics of life satisfaction as a result of photo-visualization of life events]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian psychological magazine], 2009. Vol. 6, no. 3, pp. 65–67. (In Russ., abstr. in Engl.).
 9. Stolin V.V., Golosova N.I. Faktornaya struktura emotsionalnogo otnosheniya cheloveka k cheloveku [Factor structure of person to person emotional relationship]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal], 1982, no. 2, pp. 62–67. (In Russ., abstr. in Engl.).
 10. Shkurko T.A., Labunskaya V.A. Dinamika otnosheniya k vosprinimaemому subjektu v svyazi s vospriyatiem vizualnykh prezentatsiy ego vozrasta [Dynamics of attitude to the perceived subject in connection with the perception of visual presentations of his age]. In Zhuravlev A.L., Koltsov V.A. (eds.). *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezultaty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and applied research of modern psychology: results and prospects of development]. Moscow: Publ. "Institute of psychology RAS", 2017, pp. 1762–1769. (In Russ., abstr. in Engl.).

11. Shkurko T.A., Nikolaeva Ye.G. Komponenty vneshnego oblika v strukture vospriyatiya vizualnykh prezentatsiy vozrasta [Components of appearance in the structure of perception of visual presentations of age]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 78–90. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060406
12. Shkurko T.A., Serikov G.V. Vliyanie dinamicheskogo komponenta vneshnego oblika na vospriyatie vizualnykh prezentatsiy vozrasta drugogo cheloveka [Influence of the dynamic component of the external appearance on the perception of another person visual age presentations]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian psychological journal], 2017, no. 3, pp. 190–209. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.21702/rpj.2017.3.10
13. Chauhan N., Warner J.P., Adamson P.A. Perceived age change after aesthetic facial surgical procedures: Quantifying outcomes of aging face surgery. *Archives of Facial Plastic Surgery*, 2012, no. 14 (4), pp. 258–262. doi: 10.1001/archfacial.2011.1561
14. Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmberg J.V.B., Aviv A., Gunn D., van der Ouderaa F., Vaupel J.W. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study. *BMJ (Online)*, 2009. Vol. 339, iss. 7735, p. 1433. doi: 10.1136/bmj.b5262 Available at: <https://www.bmj.com/content/bmj/339/bmj.b5262.full.pdf> (accessed 3 September 2018).
15. Dykiert D., Bates T.C., Gow A.J., Penke L., Starr J.M., Deary I.J. Predicting mortality from human faces. *Psychosomatic Medicine*, 2012, no 74 (6), pp. 560–566. doi: 10.1097/PSY.0b013e318259c33f
16. Ganel T. Smiling makes you look older. *Psychonomic Bulletin and Review*, 2015, vol. 22, iss. 6, pp. 1671–1677. doi: 10.3758/s13423-015-0822-7
17. Ganel T., Goodale M.A. The effects of smiling on perceived age defy belief. *Psychonomic Bulletin and Review*, 2018. Vol. 25, iss. 2, pp. 612–616.
18. Gründl M., Knoll S., Eisenmann-Klein M., Prantl L. The blue-eyes stereotype: Do eye color, pupil diameter, and scleral color affect attractiveness? *Aesthetic Plastic Surgery*, 2012, no. 36 (2), pp. 234–240. doi: 10.1007/s00266-011-9793-x
19. Gunn D.A., Larsen L.A., Lall J.S., Rexbye H., Christensen K. Mortality is Written on the Face. *Journals of Gerontology – Series A Biological Sciences and Medical Sciences*, 2015, no. 71 (1), pp. 72–77. doi: 10.1093/gerona/glv090
20. Gunn D.A., Murray P.G., Tomlin C.C., Rexbye H., Christensen K., Mayes A.E. Perceived age as a biomarker of ageing: A clinical methodology. *Biogerontology*, 2008. Vol. 9, no. 5, pp. 357–364. doi: 10.1007/s10522-008-9141-y
21. Kido M., Kohara K., Miyawaki S., Tabara Y., Igase M., Miki T. Perceived age of facial features is a significant diagnosis criterion for age-related carotid atherosclerosis in Japanese subjects: J-SHIPP study. *Geriatrics and Gerontology International*, 2012. Vol. 12, no. 4, pp. 733–740. doi: 10.1111/j.1447-0594.2011.00824.x
22. Mayes A.E., Murray P.G., Gunn D.A., Tomlin C.C., Catt S.D., Wen Y.B., Zhou L.P., Wang H.Q., Catt M., Granger S.P. Ageing appearance in China: Biophysical profile of facial skin and its relationship to perceived age. *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*, 2010. Vol. 24, iss. 3, pp. 341–348. doi: 10.1111/j.1468-3083.2009.03418.x
23. Merinville E., Grennan G.Z., Gillbro J.M., Mathieu J., Mavon A. Influence of facial skin ageing characteristics on the perceived age in a Russian female population. *International Journal of Cosmetic Science*, 2015, no. 37, pp. 3–8. doi: 10.1111/ics.12252

24. Merrill R.M., Stanford E.J., Lindsay G.B., Neiger B.L. The relationship of perceived age and sales of tobacco and alcohol to underage customers. *Journal of Community Health*, 2000. Vol. 25, no. 5, pp. 401–410. doi: 10.1023/A:1005132018031
25. Nielsen B.R., Linneberg A., Christensen K., Forman J.L., Schwarz P. The Influence of Clinical Experience and Photographic Presentation on Age Assessment of Women. *Gerontology*, 2016. Vol. 62, no. 2, pp. 191–199. doi: 10.1159/000438825
26. Nielsen B.R., Linneberg A., Christensen K., Schwarz P. Perceived age is associated with bone status in women aged 25–93 years. *Journal of the American Aging Association*, 2015. Vol. 37, no. 6, p. 11. doi: 10.1007/s11357-015-9842-5
27. Nkengne A., Bertin C., Stamatas G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Fertil B. Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women. *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*, 2008. Vol. 22, no. 8, pp. 982–991. doi: 10.1111/j.1468-3083.2008.02698.x
28. Noordam R., Gunn D.A., Tomlin C.C., Maier A.B., Mooijaart S.P., Slagboom P.E., Westendorp R.G.J., De Craen A.J.M., Van Heemst D. High serum glucose levels are associated with a higher perceived age. *Age*, 2013. Vol. 35, no. 1, pp. 189–195. doi: 10.1007/s11357-011-9339-9
29. Noordam R., Gunn D.A., Tomlin C.C., Razing M.P., Maier A.B., Slagboom P.E., Westendorp R.G.J., van Heemst D., De Craen A.J.M. Cortisol serum levels in familial longevity and perceived age: The Leiden Longevity Study. *Psychoneuroendocrinology*, 2012. Vol. 37, no. 10, pp. 1669–1675. doi: 10.1016/j.psyneuen.2012.02.013
30. Taub A.F., Sarnoff D., Gold M., Jacob C. Effect of multisyringe hyaluronic acid facial rejuvenation on perceived age. *Dermatologic Surger*, 2010. Vol. 36, no. 3, pp. 322–328. doi: 10.1111/j.1524-4725.2009.01436.x
31. Zimm A.J., Modabber M., Fernandes V., Karimi K., Adamson P.A. Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery. *JAMA Facial Plastic Surgery*, 2013. Vol. 15, no. 6, pp. 405–410. doi: 10.1001/jamafacial.2013.268

Глубинная герменевтика в визуальном анализе (на примере фильма В. Аллена «Зелиг»)

Е.Т. СОКОЛОВА*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
etsokolova@yandex.ru

Д.А. ХОРОШИЛОВ**,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
d.khoroshilov@gmail.com

В статье на примере анализа личности главного персонажа фильма Вуди Аллена «Зелиг» интерпретируется феноменология состояний Я «пограничной личности» с расщепленной идентичностью, склонностью к многообразным перевоплощениям («хамелеонообразностью») человека, остро переживающего свою чужеродность социальному контексту, многоликостью фальшивых фасадов и доведенным до абсурда конформизмом, призванных с помощью манипуляций образом Я скомпенсировать глубинное чувство пустоты и эмоционального голода. Клинический феномен резонирует с современными социокультурными трендами общества транзитивности, обозначает риски клинических девиаций в условиях неопределенности и размытости границ личного и социального пространства. Глубинная герменевтика, реализованная в методологии визуального анализа, рассматривается как практика исследования современной культуры и массового сознания, что задает научный тренд — поиск трансдисциплинарных пересечений клинической и социальной психологии в изучении социокультурных явлений.

Ключевые слова: *трансдисциплинарность, глубинная герменевтика, психоанализ, визуальный анализ, визуальные знаки и символы, ментализация, диффузная идентичность.*

Для цитаты:

Соколова Е.Т., Хорошилов Д.А. Глубинная герменевтика в визуальном анализе (на примере фильма В. Аллена «Зелиг») // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 118–126. doi:10.17759/sps.2018090312

* Соколова Елена Теодоровна — доктор психологических наук, профессор, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, etsokolova@yandex.ru

** Хорошилов Дмитрий Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, кафедра социальной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, d.khoroshilov@gmail.com

В современной эпистемологической ситуации трансдисциплинарности и полипарадигмальности намечаются неожиданные диалоги между различными направлениями, в частности между клинической и социальной психологией. Однако неожиданные ли? В ранних социально-психологических концепциях массового поведения заимствуются традиционные для конца XIX столетия медицинские конструкты заражения и внушения, психической эпидемии, охватывающей как отдельные сообщества, так и целые народности (например, в случае охоты на ведьм) [6]. Не вызывает удивления, что язык клинической психологии используется для концептуализации социальной нестабильности и неопределенности: многие авторы обращаются сегодня к метафорам общества нарциссизма [12] и пограничного общества [3], фактически ни одно серьезное исследование массового сознания не обходится без упоминания коллективной травмы. Ранее в наших работах обосновывался теоретический тезис, согласно которому клиничко-психологический дискурс не просто является непременным модным атрибутом повседневной жизни и массовой культуры, но и — прежде всего — задает новые оптики рассмотрения широкого круга проблем, связанных с трансформациями социального познания в российском обществе [7; 8; 10].

Э. Фромм утверждал, что «императивом для психоаналитика должен был бы стать выход за пределы образцов мышления своего общества, критический взгляд на них, понимание реалий, производящих эти образцы» [9, с. 115]. Но не Фромм, а уже Фрейд первым вышел из собственного кабинета в пространство общества и культуры, «неудобное» для катексиса бессознательных влечений. С точки зрения

критической философии франкфуртской школы, психоанализ был осмыслен как метод анализа общества и культуры в ракурсе символического производства конвенциональных моделей социального познания и поведения, идет ли речь об авторитарной личности (Т. Адорно) или одномерном сознании (Г. Маркузе). «Психоанализ вне клиники» открывает новые возможности для анализа представлений и идентичностей, «разыгрываемых» на макроуровне массового сознания и микроуровне «приватного» диалога между пациентом и психотерапевтом, в который властно вторгаются социальные процессы.

В настоящей статье взаимодействие подходов клинической и социальной психологии рассматривается нами в ракурсе визуального анализа социальных представлений и идентичностей, конструируемых в искусстве (кинематографе). Согласно формуле С. Московиси, социальное представление объединяет образ и значение, иконический и концептуальный аспект [1]. Анализ современного искусства обнаруживает, что доминирующим средством репрезентации теперь становится не слово и нарратив, а замкнутый на себе образ, визуальность [4]. Поэтому в психологии все большее распространение получают качественные методы визуального анализа данных [2], направленные на раскрытие образно-визуальной составляющей социальных представлений. Не вдаваясь в строгое различие образности и визуальности, следует подчеркнуть, что визуальность «не исчерпывается тем, что мы видим» [5, с. 37]. Современное искусство отсылает нас к образам, которые указывают на «невидимое» и «пустое» место, выходящее за границы воспринимаемого изображения. И это загадочное место заполняется аффектом, который не может быть означен или назван зрителем, поте-

рянным в собственных эстетических фантазмах. Л. Буржуа, Ф. Вудмен или, скажем, С. Каль делают ставку в своих работах именно на этот аффект, словно парализующий социальное познание. Неопределенность воссоздаваемой ими визуальности, лишенной каких-либо референций и отсылающих зрителя «по ту сторону» художественного знака, закономерно оборачивается реакцией шока. Можно предположить, что не переживание, а аффект сопровождает образ в современных художественных практиках, иначе говоря, шоковая ситуация без катарсиса культивируется как своего рода эталон эстетического реагирования (в противовес классическим взглядам Выготского). Глубинная герменевтика в визуальном анализе кинематографа — возможная стратегия символизации этого загадочного аффекта и перевода его в план сознания.

Действительно, в современном мире продуктов культуры визуальные образы, «картинки», «мимишки» и способы самопрезентации явно превалируют над другими культурными кодами, особенно среди молодого поколения. Многочисленные глянцевики селфи, фотографии природы, любимых животных и близких людей (реже) заполняют виртуальное пространство интернета, вытесняя вербальный канал коммуникации. Тем самым когнитивно упрощается индивидуальная организация Я, становится более конвенциональной и шаблонизированной, хотя скорость поверхностной коммуникации может резко возрастать, а социальная сеть значительно расширяется. В культуре визуальных образов и символов кинематограф особенно привлекателен для массового зрителя, доступен для восприятия, а в силу наглядно-действенной формы и высокой технологичности способен заставить живо проживать и катарзически пе-

реживать сложные жизненные коллизии, а также предоставляет возможность для воплощения множественных самоидентификаций, объективации грез, фантазий, идеализаций и кошмаров.

Именно богатство заключенных в кинематографических произведениях потенциальных смысловых пластов позволяет рассматривать интерпретацию визуальных образов в контексте применения методологии качественного анализа как метод глубинной герменевтики (в ее психоаналитической вариации), традиционно используемый в клинической психологии. Визуальный стимульный материал в проективных тестах Роршаха или тематической апперцепции, обладая качеством неопределенности структуры или смыслового содержания, создает модель смысловой «абстиненции», благодаря которой бессознательное проецируется в символические образы и субъективные смыслы. Диагностический анализ и интерпретация продуктов фантазии осуществляются в процессе коммуникации (полилога) — с объективными визуальными стимулами, собственным Я и Другим (реальным или символическим), интериоризованными культурными контекстами, эрудицией и личной историей коммуникатора. Психологическая интерпретация кинофильма, таким образом, рассматривается нами как циклический процесс «вопросания» ко множеству «текстов», благодаря чему зашифрованные образы и символы бессознательного становятся доступны для интерпретации, рефлексии и осознания роли вклада собственной субъективности. Со стороны психолога этот процесс требует гибкого помещения себя в разные исследовательские позиции. Первая из них включает культивирование в себе особой субъективной установки, особого фокуса внимания, «настроенных» на максималь-

но открытое intersубъективное вчувствование в художественный стиль автора произведения, его фактуру, в чувства и ментальность персонажей, в воображаемую (виртуальную) реальность, созданную автором фильма, чтобы воссоздать замысел и посыл режиссера посредством целостного восприятия и чувственной эмпатии. Во-вторых, необходимо создание в себе позиции клинически мыслящего, рефлектирующего исследователя, оснащенного средствами и процедурами кодирования и декодирования символического и скрытого содержания фильма на основе знания о динамике бессознательного. Третий этап герменевтической интерпретации требует от исследователя интеграции обеих позиций, опирается как на личный, эмоционально насыщенный (в том числе и неосознанный) и культурный опыт, так и на рациональные специальные знания по клинической психологии, расстройствам идентичности и их социокультурным детерминантам.

Выбор кинофильмов продиктован их художественной ценностью, это шедевры мирового кинематографа, авторское кино, драматичное, насыщенное психологическими переживаниями. Важно также, чтобы тематика фильма резонировала с актуальными общественными проблемами или выявляла латентные общественные тренды, недостаточно артикулированные и осознанные, но «сгущенно» представленные в сюжетных коллизиях и характерах героев. Кроме того, герои фильма должны быть способны в образной форме фокусировать сознание зрителя на определенных клинических явлениях или культурных трендах, появление которых в современном социокультурном пространстве сигнализирует о некоторых вариациях и девиациях, пограничных с общепринятыми нормами, таких

как феномены диффузии идентичности, нарциссизации Я, размытость ценностей и тенденция к девальвации человеческих отношений, фетишизации манипуляции во всех областях жизни [8].

Анализ кинофильма как иллюстрации клинического и культурного явления проводится в нескольких направлениях, опирается на принципы герменевтического и семиотического анализа продуктов визуальной культуры [13] и реализуется посредством постановки ряда исследовательских задач и определения категорий кодирования текста: 1) отчет о спонтанных реакциях, переживаниях во время просмотра, их динамике в ходе и после анализа; 2) «представление случая» с опорой на выделенные фрагменты фильма, художественные приемы режиссера и оператора, анализ речи и невербальных средств экспрессии, использованные актером, воплощающим роль; 3) на основе интерпретации информации из первых двух источников реконструируются основные конфликтные линии межличностных отношений героя (героев), спектр эмоциональных состояний, переживаний, мотивов, целей и намерений, способов разрешения «внутренних» и «внешних» конфликтов; 4) выстраивается история жизни и «прошлое» героя, «биография» как история формирования субъективного мира личности; 5) дается прогноз возможного будущего или как если бы герой прошел курс психотерапии. Важную информацию о глубинных слоях самосознания героя может представлять самоотчет исследователя о собственных переживаниях, сопровождающих фильм, адресованных разным персонажам и отражающих в своего рода «контрпереносных» чувствах бессознательные и/или отвергаемые «части» как переживаемой идентичности героя, так

и самого зрителя. Проиллюстрируем вышесказанное на примере.

Фильм Вуди Аллена «Зелиг» (как и «Пианистка» Михаэля Ханеке) в этом смысле идеален, и неслучайно на него часто ссылаются в специальной клинической психоаналитической литературе. Главный герой фильма Леонард Зелиг, «человек-хамелеон», «человек без свойств», страдает странным недугом — он физически и духовно с легкостью превращается в того, с кем общается: с толстыми он толстый, с неграми — черный, на корриде он — тореро, а с Гитлером — верноподданный нацист. Пустая изнутри собственная идентичность с легкостью заимствует личность Другого, мимикрирует и сливается с любым социальным окружением. Личная драма героя, готового продавать собственную душу в обмен на любовь окружающих, как оказывается, такую же мнимую и иллюзорную, как и заимствованные героем маски других, точно вписывается в социальные контексты транзитивного состояния общества, где манипуляторы, используя примитивные механизмы конформизма, могут превратить массы обывателей в послушные власти, моде, масс-медиа симулякры и хамелеоны.

Стилизованный под документ, выполненный в черно-белой гамме, с использованием приема прямого внедрения отдельных игровых сцен в документальную хронику Америки 20–30-х гг. прошлого века, фильм воспринимается как презентация кейстади, клинического случая Зелига, иллюстрирующего феномен пограничной личности, с диффузной и расщепленной идентичностью, утратившей (или не сумевшей сформировать) собственную индивидуальность и потерпевшей фиаско в той драме, которая разыгрывается

в душе современного человека как дуализм социального (имиджевого) и личного Я. Физически слабый и некрасивый Зелиг, еврей из семьи эмигрантов, Чужой, битый всеми — в своей семье и за ее пределами (к тому же не прочитавший «Моби Дика», эту современную Библию стопроцентного американца) — бессознательно отказывает себе в праве быть Иным и подлинным. Такова цена выживания в сообществе, полном предубеждений, провозглашающем свободу, но на самом деле (в своем подлинном «бессознательном») нетерпимом к мультикультуральности, как бы говорит нам автор фильма, сам избравший путь самореализации и сумев символизировать свои невротические конфликты, ставший «раненым целителем», блистательным режиссером и актером.

Психологическое рождение личности, процесс ее индивидуализации немислимы без дифференциации от «поля» — материального (по большей части представленного визуальными образами) и идеального, реального Я и символического (идеального и воображаемого), созидания собственной системы убеждений и точек отсчета, автономизации, размежевания и обозначения границ Я — Другой. Конечно, это травматический процесс, это драма Я, мечущегося между первичной целостностью-слиянием и тщетностью усилий по самосозданию, нередко оканчивающаяся побегом в самоизоляцию или возвратом в иллюзию симбиотического состояния как в свои последние «психические убежища». Жизненный путь личности всегда складывается как индивидуальная стратегия поиска известной гармонии между стремлением к особости и приватности Я и не менее жизненно важной потребностью — в сотрудничестве и аффиляции с

референтной социальной группой. Герой Вуди Аллена благодаря психотерапии (с каким юмором и скепсисом она живописуется автором — отдельная тема) как будто обретает эту гармонию, хрупкую и «видимую», поскольку всего лишь обретает удобный вид «стандартного американца» — правда, так и не прочитавшего «Моби Дика».

Обращение к данному фильму позволяет иллюстрировать еще одну важную культурную и клиническую тенденцию — к нарциссизации личностной идентичности, привлекательности «блестящих» фасадов, отражающих исключительно «позитивный» имидж самого себя «привлекательного и обаятельного». Таким образом, применение разных видов интерпретации (герменевтической, семиотической) визуальных образов и виртуальной реальности кинофильма может стать для клинического психолога «зеркалом», отражающим многообразие репрезентаций и его самого, и изучаемого им субъективного мира Другого. Координация и поддержка баланса порой разнонаправленных линий анализа фильма, аффективного (иррационального) и символического в целях предотвращения побочных ятрогенных артефактов, составляет особую «психотерапевтическую» задачу для исследователя.

Задача формирования идентичности профессионального психотерапевта с необходимостью требует обучения знаниям и навыкам психотерапевтической этики, эмпатии, ментализации, что, как нам представляется, немислимо без опоры на многообразие существующих способов культурного присвоения научных

знаний, в частности, путем идентификации с персонажами художественных текстов. Являясь необходимыми инструментами психотерапевтической деятельности, эмпатия и ментализация опосредствованы культурными практиками, которые интегрируют интуитивные и рациональные аспекты социального познания и для своего освоения требуют особой организации коммуникативного пространства и «языка». Способность представлять в воображении субъективный мир другого человека, прочувствовать глубинные смыслы его поступков, сотворить этого Другого в себе, «контейнировать в себя», размещая в своем внутреннем субъективном пространстве, опирается как на язык «вчувствования», свойственный эстетическому познанию, так и на способность к дифференцированной категоризации переживаний, рефлексии и внятной, артикулированной речи. Язык научной литературы, изолированный («отщепленный») от опыта «горячих» эмоций и сопереживания, не создает необходимые условия для культурной интериоризации психологических знаний, здесь уместным представляется другой тип обучения, построенный на принципе междисциплинарной интеграции психологии и искусства [4; 11] — кинематографа, в частности. Анализ визуальных образов и основанный на их смысловой интерпретации метод *клинического воображения* может рассматриваться (по аналогии с методом социологического воображения) в качестве своего рода проективной техники, адекватной контексту современной культуры [13].

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 304 с.
2. *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2015. 423 с.
3. *Крейсман Д., Страус Х.* Я ненавижу тебя, только не бросай меня: пограничные личности и как их понять. СПб: Питер, 2018. 304 с.
4. *Марцинковская Т.Д.* Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016. 271 с.
5. *Петровская Е.В.* Теория образа. М.: РГГУ, 2010. 281 с.
6. *Реньяр П.* Умственные эпидемии: историко-психиатрические очерки. М.: Академический проект, 2018. 221 с.
7. *Соколова Е.Т.* Нарушения ментализации в клинической и культурной парадигме Л.С. Выготского [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1501-sokolova56.html> (дата обращения: 23.04.2018).
8. *Соколова Е.Т.* Утрата Я: клиника или новая культурная норма // Эпистемология и философские науки. 2014. Т. 41 (XLI). № 3. С. 190–310.
9. *Фромм Э.* Миссия Зигмунда Фрейда. М.: Весь Мир, 1996. 144 с.
10. *Хорошилов Д.А.* От социального познания — к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой) // Национальный психологический журнал. 2016. № 3. С. 75–84.
11. *Хорошилов Д.А.* Язык и эстетика в социальном познании [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1310-khoroshilov48.html> (дата обращения: 23.04.2018).
12. *Хотчикис С.* Адская паутина: как выжить в мире нарциссизма. М.: Класс, 2010. 248 с.
13. *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007. 168 с.

Deep hermeneutics in visual analysis (on an example of W. Allen's movie Zelig)

E.T. SOKOLOVA*,

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
etsokolova@yandex.ru*

D.A. KHOROSHILOV**,

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
d.khoroshilov@gmail.com*

By the example of analysis of the Woody Allen's movie Zelig the ego-states phenomenology of borderline personality with split identity is presented, of a person with inclination to various transfigurations (chameleonization), who deeply feels his foreignness in the social context, in the diversity of false facades and absurd conformism, which are designed to compensate the inner feeling of emptiness and emotional hunger with the help of manipulations. The clinical phenomenon resonates with the contemporary sociocultural trends of the society of transitivity and designates the risks of clinical deviations in the conditions of uncertainty and vagueness of boundaries of personal and social space. Deep hermeneutics, implemented in the methodology of visual analysis, is considered as a practice of research of modern culture and mass consciousness, which reveals such a scientific trend as the search for transdisciplinary intersections of clinical and social psychology in the study of social and cultural phenomena.

Keywords: *transdisciplinarity, deep hermeneutics, psychoanalysis, visual analysis, visual signs and symbols, mentalization, diffusional identity.*

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project 17-06-00980 «Historical and political factors of transformation of collective memory and identity in Russian society».

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Psihologija social'nogo poznanija [Social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2005. 304 p.
2. Busygina N.P. Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovanij v psihologii [Qualitative and quantitative research methods in psychology]. Moscow: Jurajt, 2015. 423 p.

For citation:

Sokolova E.T., Khoroshilov D.A. Deep hermeneutics in visual analysis (on an example of W. Allen's movie Zelig). *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 118–126. doi:10.17759/sps.2018090312 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Sokolova Elena T.* — Doctor of Science in Psychology, Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, etsokolova@yandex.ru

** *Khoroshilov Dmitry A.* — PhD in Psychology, Senior Research Associate, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, d.khoroshilov@gmail.com

3. Krejsman D., Straus H. Ja nenavizhu tebjja, tol'ko ne brosjaj menja: pograničnyje lichnosti i kak ih ponjat' [I hate you – Don't leave me. understanding the borderline personality]. St. Petersburg: Piter, 2018. 304 p.
4. Marcinkovskaja T.D. Kul'tura i subkul'tura v prostranstve psihologičeskogo hronotopa [Culture and subculture in space of psychological hronotope]. Moscow: Smysl, 2016. 271 p.
5. Petrovskaja E.V. Teorija obraza [Theory of image]. Moscow: RGGU, 2010. 281 p.
6. Ren'jar P. Umstvennyje jepidemii: istoriko-psihiatricheskie očerki [Mental epidemics]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2018. 221 p.
7. Sokolova E.T. Narušenija mentalizacii v kliničeskoi i kul'turnoi paradigme L.S. Vygotskogo [jelektronnyj resurs] [Mentalization disorders in clinical and cultural Vygotsky's paradigm]. *Psihologičeskie issledovanija [Psychological Studies]*, 2017. Vol. 10, no. 56. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1501-sokolova56.html> (Accessed: 23.04.2018).
8. Sokolova E.T. Utrata Ja: klinika ili novaja kul'turnaja norma [Loss of Self: clinical phenomena or new cultural norm?]. *Jepistemologija i filosofskie nauki [Epistemology and philosophy of science]*, 2014. Vol. 41 (XLI), no 3, pp. 190–310.
9. Fromm Je. Missija Zigmunda Frejda [S. Freud's mission]. Moscow: Ves' Mir, 1996. 144 p.
10. Horoshilov D.A. Ot social'nogo poznanija – k jepistemologii obshhestva (pamjati G.M. Andreevoj) [From social cognition – to social epistemology (in memory of G.M. Andreeva)]. *Nacional'nyj psihologičeskij zhurnal [National Psychological Journal]*, 2016, no 3, pp. 75–84.
11. Horoshilov D.A. Jazyk i jestetika v social'nom poznanii [Jelektronnyj resurs] [Language and aesthetics in social cognition]. *Psihologičeskie issledovanija [Psychological studies]*, 2016. Vol. 9, no 48. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1310-khoroshilov48.html> (Accessed: 23.04.2018).
12. Hotchkis S. Adskaja pautina: kak vyzhit' v mire narcissizma [Why is it always about you? The seven deadly sins of narcissism]. Moscow: Klass, 2010. 248 p.
13. Shtompka P. Vizual'naja sociologija. Fotografija kak metod issledovanija [Visual sociology: photography as a research method]. Moscow: Logos, 2007. 168 p.

Инструментарий исследования уровней и компонентов внутригрупповой аттракции в производственных группах

А.В. СИДОРЕНКОВ*,
ФГАОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия,
av.sidorenkov@yandex.ru

О.Ю. ШИПИТЬКО**,
ФГАОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия,
lavnes@mail.ru

Обозначены существующие подходы к пониманию аттракции и методики ее изучения. Выделены три уровня проявления аттракции в малой группе — межличностная, микрогрупповая и групповая аттракция, — каждый из которых включает три компонента: субъектный, коммуникативный и деятельностный. В соответствии с этой идеей были разработаны опросник межличностной аттракции и опросник групповой и микрогрупповой аттракции. Каждый из опросников включает три субшкалы для измерения соответствующих компонентов аттракции. Для оценки валидности и надежности опросников проведено исследование в 18 малых производственных группах — первичных структурных подразделениях в организациях, а также в малочисленных по составу компаниях. Общее количество респондентов составило 200 работников. По каждому опроснику осуществлен факторный анализ и произведена оценка внутренней консистентности субшкал. Показано, что опросники обладают валидностью и надежностью. Доказана целесообразность выделения в каждом опроснике трех субшкал. Сделаны основные выводы и освещены возможности использования разработанных методических инструментов в научно-исследовательских и практических целях.

Ключевые слова: аттракция в группе, уровни аттракции, компоненты аттракции, опросники.

Для цитаты:

Сидоренков А.В., Шипитько О.Ю. Инструментарий исследования уровней и компонентов внутригрупповой аттракции в производственных группах // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 127–136. doi:10.17759/sps.2018090313

* Сидоренков Андрей Владимирович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии управления и юридической психологии, Южный федеральный университет (ФГАОУ ВО ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия, av.sidorenkov@yandex.ru

** Шипитько Олеся Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления и юридической психологии, Южный федеральный университет (ФГАОУ ВО ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия, lavnes@mail.ru

Феномен аттракции вызывает заметный интерес у специалистов, которые стремятся понять его суть, условия и последствия проявления. В социальной психологии нет единого мнения о природе аттракции, под которой понимают, например, привлекательность (или воспринимаемую привлекательность) одного субъекта для другого [3; 11], предпочтение одних людей другими [4], желание индивида взаимодействовать с некоторыми другими людьми [14]. С точки зрения Л.Я. Гозмана, аттракция имеет разные грани проявления, а потому им было предложено рассматривать этот феномен в трех ипостасях, а именно: аттракция — разновидность эмоций, предметом которой является другой человек, социальная установка, направленная на отдельного человека, и компонент межличностного восприятия [1]. Некоторые авторы считают, что аттракция представляет собой сложный феномен, а потому он может включать в себя определенные компоненты. Например, в межличностной аттракции выделяют когнитивный, аффективный и конативный компоненты [1], аффективные, когнитивные и поведенческие тенденции относительно другого человека [10]. Однако не дается четкого обоснования выделения этих составляющих аттракции и не раскрывается их содержание.

Если обобщить подходы к пониманию аттракции и исследованию этого феномена в области малых групп, то можно отметить несколько важных моментов.

Во-первых, специалисты изучают, как правило, межличностную аттракцию, редко — групповую аттракцию (привлекательность для индивида группы, в которую он включен) и совсем не принимают во внимание микрогрупповую аттракцию (привлекательность для индивида какой-то неформальной подгруппы в группе).

Во-вторых, межличностная или групповая аттракция чаще рассматриваются как одномерный феномен и значительно реже — как многоплановое явление. Можно предположить, что все три уровня аттракции — межличностная, микрогрупповая и групповая — содержат в себе некоторые компоненты, отображающие сложность этого феномена.

Принципиально важный вопрос касается методического инструментария исследования аттракции. Для изучения межличностной аттракции преимущественно применяют самоотчеты, в которых данный феномен операционализируется посредством переменных отношений и эмоций (симпатия, эмоциональная близость, романтическая привлекательность или удовлетворенность отношениями), а иногда — поведенческих переменных (поведение аффилиации или романтическое поведение) [10]. Чаще используют специализированные опросники, например шкалу аттракции к подчиненным [14] и ее модифицированную версию для оценки межличностной аттракции членов в производственной группе [8], шкалу любви и симпатии [13], шкалу группового отношения, предназначенную для измерения групповой аттракции [9]. Кроме того, специалисты применяют неспецифические методы для оценки аттракции, такие как семантический дифференциал [2; 7], метод социометрии [5; 12], опросники аффилиации А. Мехрабиана и интерперсональных отношений Т. Лири [6].

Таким образом, очевидна необходимость разработки методик, созданных на основе концептуальной модели аттракции как многомерного феномена, которые позволяют одновременно и непосредственно измерять разные грани его проявления.

Концептуальная модель аттракции в малой группе

Аттракция — относительно устойчивое отношение индивида к другому человеку или коллективному субъекту (группе, подгруппе), основанное на оценке им некоторых качеств другого и выражающееся в позитивном о нем впечатлении и восприятии его привлекательности.

В основе предлагаемой многомерной модели проявления аттракции в группе находятся два критерия, которые задают два измерения данного феномена. Первый критерий — объект проявления аттракции, которым может быть индивид, подгруппа и группа. В соответствии с этим критерием существуют следующие уровни проявления аттракции: а) межличностная (М) — аттракция между членами группы; б) микрогрупповая (МГ) — аттракция индивида по отношению к какой-то неформальной подгруппе в группе; в) групповая (Г) — аттракция индивида относительно группы в целом.

Второй критерий — предмет аттракции, т. е. воспринимаемые и оцениваемые человеком определенные особенности индивида, подгруппы или группы. На основе этого критерия выделены соответствующие компоненты аттракции: субъектный, коммуникативный и деятельностный. Субъектная аттракция (СА) основывается на оценке характеристик другого, например внешности, темпераментных и характерологических свойств индивида, целей, норм и ценностей группы (подгруппы). Коммуникативная аттракция (КА) отображает оценку индивидом особенности общения другого субъекта, например доминирующего стиля межличностного поведения другого индивида, взаимодействия группы (подгруппы) с другими группами (подгруппами) и своими чле-

нами. Деятельностная аттракция (ДА) основывается на оценке инструментальных знаний и умений другого субъекта, таких как компетентность и автономность, процесс и результат выполнения задач и др. в определенной предметной деятельности.

Оба измерения аттракции связаны между собой, так что каждый уровень проявления аттракции выражается в трех компонентах. Следовательно, в группе имеет место девять разновидностей аттракции.

Эмпирическое исследование

Цель исследования — разработать опросники, предназначенные для измерения трех уровней и трех компонентов проявления аттракции в малых производственных группах.

Опросник межличностной аттракции (ОМА) включает три субшкалы (субъектная, коммуникативная и деятельностная аттракция) для измерения меры выраженности трех компонентов межличностной аттракции в малой группе. Стимульный материал опросника первоначально включал 18 пунктов в виде утверждений по шесть айтемов в каждой субшкале. Однако по результатам факторного анализа и оценки надежности-согласованности субшкал шесть пунктов было исключено из опросника. В окончательном варианте он содержит 12 пунктов по четыре в каждой субшкале. В процессе применения опросника оценка испытуемыми каждого пункта должна осуществляться посредством 7-балльной шкалы (от 1 — «полностью не согласен» до 7 — «полностью согласен»).

Опросник групповой и микрогрупповой аттракции (ОГ и МГА), как и предыдущий, включает три субшкалы (субъектная, коммуникативная и деятельностная аттрак-

ция) и направлен на изучение, соответственно, трех компонентов одновременно групповой и микрогрупповой аттракции. С самого начала стимульный материал содержал 18 пунктов, но в результате оценки опросника было оставлено 12 пунктов по четыре в каждой из субшкал. Окончательный вариант опросника состоит из двух частей: «Группа в целом» (для изучения компонентов групповой аттракции) и «Общность тех, с кем поддерживаю тесные отношения» (для исследования компонентов микрогрупповой аттракции). Поэтому испытуемый, работая с опросником, должен дважды оценивать 12 пунктов по 7-балльной шкале, т. е. оценивать относительно «Группа в целом» и «Общность тех, с кем поддерживаю тесные отношения». Таким образом, по природе изучаемых компонентов аттракции, количеству пунктов и порядковой шкале оценок этот опросник соответствует опроснику межличностной аттракции.

Участники исследования. Было обследовано 18 производственных групп, а именно: первичные структурные подразделения в организациях и малые компании разного профиля деятельности (газовая отрасль, военная служба, туристический сервис, торговля и др.). Численность каждой группы варьировалась от 4 до 20 человек ($M = 11,1$). Общее количество респондентов составило 200 человек, среди которых 65% мужчин и 35% женщин в возрасте от 24 до 52 лет ($M = 37,4$).

Статистическая обработка данных. Проводился факторный анализ с применением метода главных компонент и вращения Промакс с нормализацией Кайзера, рассчитывались описательные статистики (средние значения и стандартные отклонения) и коэффициент α Кронбаха, оценивалось эмпирическое распределение по критерию Колмогорова—Смирнова.

Результаты и обсуждение

Опросник межличностной аттракции.

Факторный анализ позволил выделить три фактора межличностной аттракции (табл. 1). Самый значимый фактор (F3) относится к деятельности аттракции и имеет 48,9% совокупной дисперсии. В него вошли восемь пунктов с высокими или допустимыми факторными весами, среди которых оказались два пункта (№ 11 и 12), которые были разработаны для субшкалы коммуникативной аттракции. Менее значимый фактор (F1, субъектная аттракция), включающий 11,2% совокупной дисперсии, содержит пять пунктов. В самый низкий по значимости фактор (F2), имеющий 8,8% совокупной дисперсии, вошло четыре пункта субшкалы коммуникативной аттракции. Наиболее высокое значение дисперсии третьего фактора обусловлено, вероятно, тем, что для членов производственных групп более актуальными с точки зрения проявления аттракции являются особенности трудовой деятельности коллег, чем их субъектные и коммуникативные характеристики.

На основе результатов факторизации из дальнейшего анализа были исключены два пункта субшкалы субъектной аттракции (№ 1 и 6), имеющие низкие значения факторных весов, и два пункта субшкалы коммуникативной аттракции (№ 11 и 12), которые попали в фактор деятельности аттракции.

Коэффициенты α Кронбаха (табл. 2) рассчитывались для каждой субшкалы: субъектной аттракции (п. 2—5), коммуникативной аттракции (п. 7—10) и деятельности аттракции (п. 13—18). В последней субшкале были отобраны четыре пункта (№ 13, 14, 17 и 18), которые дали наиболее высокое значение коэффициента. Показатели надежности — согла-

Таблица 1

Результаты факторного анализа пунктов *Опросника межличностной аттракции*

№ п/п	Пункты опросника	Компоненты аттракции		
		СА (F1)	КА (F2)	ДА (F3)
<i>Пункты субшкалы субъективной аттракции</i>				
1	Мне интересны некоторые коллеги тем, как они относятся к жизни	0,583	-0,19	0,475
2	Мне привлекательны отдельные работники своими качествами характера (темперамента)	0,615	0,058	0,205
3	Мне по вкусу то, как одеваются некоторые коллеги	0,964	-0,043	-0,182
4	Меня располагают к себе кое-какие коллеги своими интересами, увлечениями	0,851	0,064	-0,042
5	Некоторые работники мне внешне симпатичны	0,662	0,133	-0,061
6	По своим нравственным качествам отдельные люди создают у меня хорошее впечатление	0,306	0,485	0,060
<i>Пункты субшкалы коммуникативной аттракции</i>				
7	Мне нравится, как некоторые люди ведут себя в конфликтных ситуациях	0,048	0,841	-0,126
8	Меня восхищают некоторые работники своим умением общаться	0,125	0,780	-0,054
9	Мне импонируют отдельные коллеги тем, как они относятся к другим	-0,036	0,761	0,096
10	Мне привлекательны некоторые сотрудники из-за их умения найти общий язык с другими	-0,149	0,670	0,270
11	Некоторые сослуживцы умеют увлекательно рассказывать истории, случаи из жизни	-0,137	-0,068	0,826
12	Мне по душе некоторые люди, хорошо владеющие собой в общении	0,080	-0,097	0,801
<i>Пункты субшкалы деятельностной аттракции</i>				
13	Меня привлекают отдельные сослуживцы тем, как они выполняют свою работу	-0,069	0,182	0,726
14	Мне приятно совместно что-то делать с некоторыми работниками	-0,017	0,045	0,765
15	Меня располагают к себе некоторые люди тем, как они преодолевают трудности в работе	0,060	0,100	0,728
16	Кое-кто из коллег вызывает у меня положительное впечатление умением планировать (организовывать) свою работу	0,042	0,086	0,676
17	Некоторые сослуживцы располагают к себе своим профессионализмом	0,115	-0,058	0,776
18	Мне по душе отдельные коллеги тем, как они ответственно относятся к работе	-0,125	0,040	0,808

Примечания: 1. В таблице указаны пункты, которые первоначально были включены в субшкалы. 2. СА – субъективная аттракция, КА – коммуникативная аттракция, ДА – деятельностная аттракция, F – фактор и факторные веса. 3. Полужирным шрифтом выделены значения высоких факторных весов айтемов.

сованности всех трех субшкал превышают значение 0,800, а потому указанные пункты вошли в окончательный вариант опросника межличностной аттракции.

Далее были подсчитаны тестовые показатели всех испытуемых по каждой субшкале и произведен расчет статистик критерия Колмогорова – Смирнова, который показал, что эмпирическое распределение по каждой субшкале приближается к нормальному (табл. 2).

Опросник групповой и микрогрупповой аттракции. Опросник оценивался только по разделу «Группа в целом», который предназначен для измерения групповой аттракции. На основе факторного анализа были выявлены три фактора групповой аттракции (табл. 3). Наиболее значимый фактор F2 (коммуникативная аттракция) имеет 47,8% совокупной дисперсии и включает пять айтемов с высокой факторной нагрузкой. Фактор F1 (субъектная аттракция) имеет 9,5% совокупной дисперсии и образован из пяти пунктов. Фактор F3 (деятельностная аттракция), самый низкий по значимости (7,9% совокупной дисперсии), состоит из четырех айтемов.

Высокое значение дисперсии второго фактора связано с тем, что более актуальными для проявления членами аттракции относительно группы являются коммуникативные характеристики последней, такие как способность успешно взаимодействовать с другими группами и защищать своих членов, прислушиваться к мнению отдельных членов и оказывать на них влияние, создавать комфортные условия для коммуникации работников в группе.

Далее был произведен расчет α Кронбаха по каждой субшкале (см. табл. 2), в который включались соответствующие пункты, имеющие нагрузки выше 0,600, а именно: субъектная аттракция (п. 1–5), коммуникативная аттракция (п. 8–12) и деятельностная аттракция (п. 14, 16–18). По первым двум субшкалам были отобраны по четыре айтема (субъектная аттракция – № 1, 3, 4 и 5, коммуникативная аттракция – № 9–12), сочетание которых дало самые высокие значения коэффициентов. В третьей субшкале так и остались четыре пункта. Полученные результаты свидетельствуют о внутренней консистентности каждой субшкалы.

Таблица 2

Описательные статистики, α Кронбаха и статистики критерия D Колмогорова – Смирнова для субшкал Опросника межличностной аттракции и Опросника групповой и микрогрупповой аттракции

Субшкалы	Среднее значение	Стандартное отклонение	α Кронбаха	Статистика Z Колмогорова – Смирнова
М-СА	20,37	5,39	0,814	1,794*
М-КА	21,36	4,86	0,812	1,642*
М-ДА	21,97	5,04	0,849	1,781*
Г-СА	21,16	5,17	0,829	1,361**
Г-КА	21,52	4,73	0,774	1,765*
Г-ДА	21,92	5,15	0,842	1,684*

Примечания: 1. М-СА – межличностная субъектная аттракция; М-КА – межличностная коммуникативная аттракция; М-ДА – межличностная деятельностная аттракция; Г-СА – групповая субъектная аттракция; Г-КА – групповая коммуникативная аттракция и Г-ДА групповая деятельностная аттракция. 2. * – $p \leq 0,01$, ** – $p \leq 0,05$.

Таблица 3

Показатели факторного анализа пунктов *Опросника групповой и микрогрупповой аттракции* (в части групповой аттракции)

№ п/п	Пункты опросника	Компоненты аттракции		
		СА (F1)	КА (F2)	ДА (F3)
<i>Пункты субшкалы субъектной аттракции</i>				
1	Она притягательна для меня теми правилами поведения, которые в ней приняты	0,739	0,035	0,064
2	Мне импонирует ее умение отстаивать свои интересы	0,638	0,097	0,051
3	Она привлекательна для меня своей репутацией	0,790	-0,153	0,184
4	Мне приятно видеть ее единство, по крайней мере по важным вопросам	0,745	-0,035	-0,026
5	Она вызывает у меня симпатию своим высоким статусом (положением)	0,864	0,058	-0,090
6	Меня привлекают в ней общие цели и задачи	0,395	0,064	0,419
<i>Пункты субшкалы коммуникативной аттракции</i>				
7	Она располагает к себе умением конкурировать с другими группами (общностями)	0,215	0,291	0,192
8	Меня привлекает в ней умение договариваться с другими группами (общностями) в сложных ситуациях	0,196	0,642	-0,126
9	Она мне нравится из-за способности защитить своих членов от нападок «чужих»	0,283	0,640	-0,175
10	Она создает у меня хорошее впечатление тем, как умеет воздействовать на своих членов	0,124	0,866	-0,155
11	Она мне по душе тем, что в ней комфортно общаться с большинством членов	-0,130	0,710	0,127
12	Она располагает к себе тем, что большинство работников прислушивается к моему мнению	-0,212	0,753	0,126
<i>Пункты субшкалы деятельностной аттракции</i>				
13	Мне импонирует ее способность проявлять решительность в трудных профессиональных ситуациях	-0,096	0,603	0,386
14	К моему удовлетворению, она умеет выработать единую позицию по сложным рабочим вопросам	-0,019	0,169	0,664
15	Мне нравится в ней умение проявлять самостоятельность в неопределенных условиях деятельности	0,031	0,518	0,254
16	Она привлекательна тем, что способна быстро мобилизоваться и выполнить работу	0,039	0,126	0,672
17	Мне по душе то, как ее члены могут согласованно действовать	-0,006	0,029	0,802
18	Она располагает к себе своей настроенностью на высокий результат	0,078	-0,199	0,966

Эмпирическое распределение по всем субшкалам приближается к нормальному, о чем свидетельствуют статистики критерия Колмогорова—Смирнова (см. табл. 2).

Заключение

Опросник межличностной аттракции и опросник групповой и микрогрупповой аттракции, включающие по три субшкалы, обладают валидностью и надежностью, что подтверждено результатами эмпирического исследования.

Одновременное использование двух опросников позволит комплексно оценивать проявление трех уровней по трем компонентам аттракции в малых группах. В научно-исследовательской сфере это даст ученым возможность изучать соотношение разных уровней аттракции по каждому из компонентов, связи между уровнями и компонентами ат-

тракции, а также связи между уровнями (по трем компонентам) аттракции с одной стороны и разными социально-психологическими характеристиками и показателями эффективности группы — с другой. В практической области специалисты смогут с высокой достоверностью оценивать меру выраженности уровней и компонентов аттракции работников в конкретной производственной группе. Это позволит прогнозировать психологическую атмосферу в группе и более целенаправленно осуществлять организационно-психологическое воздействие на группу с целью повышения соответствующих уровней и компонентов аттракции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гозман Л.Я.* Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ. 1987. 175 с.
2. *Грива О.В.* Аттракция в дружеских отношениях: образ реального и идеального друга // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 121–125.
3. *Карпенко Д.А.* Аттракция // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2015. С. 59–60.
4. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. СПб: Питер, 2001. 544 с.
5. *Обозов Н.Н.* Межличностные отношения. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1979. 151 с.
6. *Сердюк Н.И.* Психологические основы формирования аттракции к сверстникам в подростковом возрасте // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 4(29). С. 118–129.
7. *Шадричева А.И.* Основные психологические детерминанты межличностной аттракции // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). 2016. Т. 7. № 2. С. 180–183.
8. *Chattopadhyay P.* Can dissimilarity lead to positive outcomes? The influence of open versus closed minds // Journal of Organizational Behavior. 2003. Vol. 24. Is. 3. P. 295–312. doi: 10.1002/job.188
9. *Evans N.J., Jarvis P.A.* The group attitude scale: A measure of attraction to group // Small Group Research. 1986. Vol. 17. Is. 2. P. 203–216.
10. *Finkel E.J.* et al. When does familiarity promote versus undermine interpersonal attraction? A proposed integrative model from erstwhile adversaries // Perspectives on Psychological Science. 2015. Vol. 10. Is. 1. P. 3–19. doi: 10.1177/1745691614561682

11. Harris L.C., O'Mallet L., Patterson M. Professional interaction: Exploring the concept of attraction // Marketing Theory. 2003. Vol. 3. Is. 1. P. 9–36. doi: 10.1177/1470593103003001002
12. Izard C.E. Personality similarity positive effect and interpersonal attraction // Journal Abnormal Social Psychology. 1963. Vol. 66. Is. 6. P. 598–600.
13. Rubin Z. Measurement of romantic love // Journal of Personality and Social Psychology. 1970. Vol. 16. Is. 2. P. 265–273.
14. Wayne S., Liden R. Effects of impression management on performance ratings: a longitudinal study // Academy of Management Journal. 1995. Vol. 38. Is. 1. P. 232–260. doi: 10.2307/256734

Research instrumentation for studying levels and components of intra-group attraction in work groups

A. V. SIDORENKOV*,

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
av.sidorenkov@yandex.ru*

O. YU. SHIPITKO**,

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
lavnes@mail.ru*

The existing approaches to understanding the attraction and methods of its study are indicated. There are three levels of attraction in a small group — interpersonal, microgroup and group attraction, each of which includes three components — subjective, communicative and activity-oriented. In accordance with this idea a questionnaire of interpersonal attraction and a questionnaire of group and micro-group attraction were developed. Each of the questionnaires includes three subscales for measuring the relevant components of the attraction. To assess the validity and reliability of the questionnaires, a survey was conducted in 18 small production groups — primary structural divisions in organizations and in small companies. The total number of respondents was 200 employees. For each questionnaire factor analysis was performed and the internal consistency of the subscales was assessed. It is shown that the questionnaires have validity and reliability. It is proved expedient to

For citation:

Sidorenkov A.V., Shipitko O.Yu. Research instrumentation for studying levels and components of intra-group attraction in work groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 127–136. doi:10.17759/sps.2018090313 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Sidorenkov Andrey V.* — Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology of Management and Legal Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, av.sidorenkov@yandex.ru

** *Shipitko Olesya Yu.* — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology of Management and Legal Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, lavnes@mail.ru

separate three subscales in each questionnaire. The main conclusions are drawn and the possibilities of using the developed tools for research and practical purposes are highlighted.

Keywords: attraction in the group, levels of attraction, components of attraction, questionnaires.

REFERENCES

1. Gozman L.Y. Psihologiya ehmocional'nyh otnoshenij: monografiya [Psychology of the emotional relations: monograph]. Moscow: Publ. MGU, 1987. 175 p.
2. Griva O.V. Attrakciya v družeskih otnosheniyah: obraz real'nogo i ideal'nogo druga [Attraction in the friendly relations: image of the real and ideal friend]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin Messenger of the Chelyabinsk state pedagogical university], 2016, no. 2, pp. 121–125.
3. Karpenko D.A. Attrakciya [Attraction]. In Bodalev A.A. (ed.) *Psihologiya obshcheniya. Enciklopedicheskij slovar'* [Communication psychology. The encyclopedic dictionary]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Kogito-Centr, 2015, pp. 59–60.
4. Kunicyna V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M. Mezhlichnostnoe obshchenie: uchebnik [Interpersonal communication: textbook]. Saint-Petersburg: Piter, 2001. 544 p.
5. Obozov N.N. Mezhlichnostnye otnosheniya: monografiya [Interpersonal relations: monograph]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1979. 151 p.
6. Serdyuk N.I. Psihologicheskie osnovy formirovaniya attrakcii k sverstnikam v podrostkovom vozraste [Psychological bases of formation of attraction to peers at teenage age]. *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya* [Current problems of psychological knowledge], 2013, no. 4, pp. 118–129.
7. Shadrichева A.I. Osnovnye psihologicheskie determinanty mezhlichnostnoj attrakcii [Basically psychological determinants of interpersonal attraction]. *Eastern European Scientific Journal (Gesellschaftswissenschaften)*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 180–183.
8. Chattopadhyay P. Can dissimilarity lead to positive outcomes? The influence of open versus closed minds. *Journal of Organizational Behavior*, 2003. Vol. 24, Is. 3, pp. 295–312. doi: 10.1002/job.188
9. Evans N.J., Jarvis P.A. The group attitude scale: A measure of attraction to group. *Small Group Research*, 1986. Vol. 17, Is. 2, pp. 203–216.
10. Finkel E.J. et al. When does familiarity promote versus undermine interpersonal attraction? A proposed integrative model from erstwhile adversaries. *Perspectives on Psychological Science*, 2015. Vol. 10, Is. 1, pp. 3–19. doi: 10.1177/1745691614561682
11. Harris L.C., O'Mallet L., Patterson M. Professional interaction: Exploring the concept of attraction. *Marketing Theory*, 2003. Vol. 3, Is. 1, pp. 9–36. doi: 10.1177/1470593103003001002
12. IZARD C.E. Personality similarity positive effect and interpersonal attraction. *Journal Abnormal Social Psychology*, 1963. Vol. 66, Is. 6, pp. 598–600.
13. Rubin Z. Measurement of romantic love. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1970. Vol. 16, Is. 2, pp. 265–273.
14. Wayne S., Liden R. Effects of impression management on performance ratings: a longitudinal study. *Academy of Management Journal*, 1995. Vol. 38, Is. 1, pp. 232–260. doi: 10.2307/256734

Адаптация диагностического инструментария: опросник «Проактивный копинг»

Е.П. БЕЛИНСКАЯ*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
Elena_belinskaya@list.ru

А.В. ВЕЧЕРИН**,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
avecherin@hse.ru

В статье представлены результаты адаптации и коррекции русскоязычной версии опросника «Проактивный копинг». Данный опросник был переведен на русский язык Е.С. Старченковой, но результаты его психометрической проверки в публикациях отсутствуют. Оригинальная русскоязычная версия опросника продемонстрировала хорошие показатели согласованности шкал (альфа Кронбаха больше 0,77), но неудовлетворительные показатели соответствия эмпирическим данным по результатам конфирматорного факторного анализа ($\chi^2(df)$ 3025,73(1259); $p < 0,01$; CFI 0,76; TLI 0,75, RMSEA 0,056). На основании содержательного анализа теоретической модели классификации видов совладающего поведения с использованием данных конфирматорного факторного анализа была предложена сокращенная версия опросника, обладающая хорошими показателями соответствия исходным данным ($\chi^2(df)$ 509,05 (307); CFI 0,95; TLI 0,94; RMSEA 0,04). Итоговый сокращенный вариант опросника «Проактивный копинг» продемонстрировал хорошие показатели внутренней дискриминантной валидности; также были получены значимые корреляции с близкими по содержанию шкалами опросника COPE.

Ключевые слова: *совладание с трудностями, проактивный копинг, стратегии совладания.*

Современные исследования совладания с трудностями в значительной степени центрированы на изучении закономерностей когнитивной оценки трудной ситуации [1; 7; 12]. При таком фокусе исследовательского интереса более оче-

Для цитаты:

Белинская Е.П., Вечерин А.В. Адаптация диагностического инструментария: опросник «Проактивный копинг» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 137–145. doi:10.17759/sps.2018090314

* *Белинская Елена Павловна* — доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, *Elena_belinskaya@list.ru*

** *Вечерин Александр Викторович* — кандидат психологических наук, старший преподаватель, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия, *avecherin@hse.ru*

видным стал определенный методологический просчет — неучет того факта, что каждый конкретный акт совладания опирается на предыдущий опыт переживания человеком тех или иных трудностей, который может существенно влиять на оценку ситуации. Соответственно, исследования совладания стали развиваться в направлении выделения процессуальных закономерностей совладания, составив новое прочтение исходной динамической модели Р. Лазаруса [10]. Специфика совладания стала мыслиться как определяемая не столько ситуацией или же особенностями личности, сколько стадией развития взаимодействия субъекта с трудной ситуацией. И представляется вполне логичным, что это привело к анализу активности человека, которую он может проявить до возникновения трудной ситуации. Соответственно, на идее антиципации возможных трудностей основана модель проактивного, ориентированного на будущее, совладания [5; 9; 12], ставшая современным воплощением динамической модели Р. Лазаруса — С. Фолкман.

Проактивный копинг, с точки зрения исследователей, также обладает некоторой внутренней структурой. Так, в нем выделяют пять взаимосвязанных компонентов: 1) накопление разных ресурсов (социальных, финансовых, времени и т. д.), которые в последующем могут быть использованы для предупреждения или нейтрализации будущих потерь; 2) понимание, осознание потенциальных стрессоров; 3) оценка потенциальных стрессоров на начальном этапе; 4) заблаговременные, подготовительные попытки совладания; 5) получение вывода и осуществление обратной связи об успешности совершенных попыток [5].

Основные отличия проактивного совладания от всех остальных его форм

видятся нам в следующем. Во-первых, в организации личной временной перспективы: подобный копинг ориентирован в будущее — человек создает собственные ресурсы для будущего совладания, к каковым относятся, например, оптимизм, самоконтроль, поиск смысла. Во-вторых, проактивное совладание представляет собой процесс специфического целеполагания — рефлекслируя возможные риски, субъект не оценивает их как угрозу непосредственному существованию, а потому может оценить трудную ситуацию позитивно, как вызов и возможность достижения цели. В-третьих, проактивный копинг опирается на специфическое восприятие потенциальных трудных ситуаций как принципиально вероятностных событий, что приводит к динамике самой мотивации совладания.

Одной из наиболее детально разработанных моделей проактивного копинга сегодня является модель Е. Грингласса. С ее точки зрения, проактивный копинг интегрирует планирование и превентивные стратегии с проактивной саморегуляцией для достижения целей, использованием социальных ресурсов и эмоциональной саморегуляцией деятельности в целом [9].

Описание методики

Опросник «Проактивный копинг» (Proactive Coping Inventory, PCI) был разработан Е. Гринглассом (E. Greenglass), Р. Шварцером (R. Schwarzer) и С. Таубертом (S. Taubert) в 1999 г. [8]. Первоначальный перевод был выполнен Е.С. Старченковой [3], но данные о его валидации отсутствуют. Для проверки качества перевода двум профессио-

нальным переводчикам было предложено сделать независимый перевод, далее версии перевода были показаны экспертам с психологическим образованием. В результате была произведена коррекция четырех пунктов первого перевода. В связи с тем что данный опросник активно используется в профессиональном сообществе, было принято решение провести его валидизацию.

Методика содержит 52 утверждения, разделенных на 6 шкал.

Проактивное совладание (ПРО) измеряет отношение человека к трудной ситуации как источнику позитивного опыта. *Рефлексивное совладание (РЕФ)* измеряет представление возможных вариантов поведения, когнитивную оценку ресурсов и прогноз результатов. *Стратегическое планирование (СП)* измеряет способность планирования будущих действий с дифференциацией отдельных задач. *Превентивное совладание (ПРВ)* измеряет способность предвосхитить трудные ситуации с опорой на прошлый опыт. *Поиск инструментальной поддержки (ИП)* фокусируется на поиске респондентом информации от других людей для решения трудной жизненной ситуации. *Поиск эмоциональной поддержки (ЭП)* измеряет способность к регуляции своего эмоционального состояния посредством коммуникации с другими людьми.

Шкала ответов содержит 4 варианта: «абсолютно не согласен», «частично согласен», «скорее согласен, чем не согласен», «полностью согласен», которым при обработке присваиваются значения 1, 2, 3 или 4 балла соответственно. Все пункты всех шкал прямые. Для подсчета итоговых баллов по каждой шкале баллы, полученные по пунктам, суммируются.

Выборка

В нашем исследовании приняло участие 405 респондентов от 18 до 68 лет, 301 женщина (средний возраст — 20 лет, SD=6,78) и 104 мужчины (средний возраст — 21 год, SD=7,52). Участникам исследования было предложено заполнить опросники ОПК и СОРЕ онлайн.

Описание результатов

Результаты сравнительного анализа полученных данных позволяют сделать вывод об отсутствии значительных различий между российской и зарубежными выборками. Уровень согласованности шкал высокий — альфа Кронбаха 0,77 или более по каждой из шкал, что согласуется с результатами исследований в других странах [4; 6; 11].

Для проверки факторной структуры опросника использовался конфирматорный факторный анализ с робастными стандартными ошибками Сатторы—Бентлер. Оригинальная факторная структура показала низкое соответствие факторной модели исходным данным ($\chi^2(df)$ 3025,73(1259); $p < 0,01$; CFI 0,76; TLI 0,75, RMSEA 0,056).

Анализ стандартизированных факторных нагрузок показал, что часть пунктов имеет нагрузку меньше 0,3. В шкале **ПРО** низкая факторная нагрузка у всех обратных пунктов. В шкале **РЕФ** низкая факторная нагрузка у пункта «Если у меня серьезные недопонимания (проблемы) с коллегами, родственниками или друзьями, я заранее репетирую, как буду себя вести» (0,29). Это может быть следствием достаточно сложной формулировки самого вопроса. В шкале **ПРВ** низкая факторная нагрузка у пункта

«Я стараюсь заботиться о своей семье, чтобы оградить ее от возможных неприятностей в будущем» (0,29). Остальные пункты этой шкалы предлагают респонденту оценить подготовку к негативным событиям по отношению к себе, что объясняет полученные результаты.

Анализ индексов модификации Лагранжа показал, что теоретическую модель можно улучшить, если учесть нагрузку наблюдаемых переменных одной шкалы на другие шкалы. Например, пункт «Я всегда нахожу способы разложить сложную проблему на отдельные, более понятные составляющие» помимо основной шкалы **СП** вносит вклад в шкалы **РЕФ** и **ПРВ**, так как по своему смыслу он отражает уверенность респондента в своих когнитивных навыках.

Теоретическая модель значительно улучшается, если учесть ковариацию ошибок наблюдаемых переменных внутри од-

ной шкалы, что можно объяснить смысловым сходством формулировок. В связи с тем что оригинальный опросник содержит 52 вопроса и его заполнение представляет значительную трудность для респондентов, было принято решение исключить пункты с сильной ковариацией и сходные по смыслу или сильно нагруженные для улучшения психометрических показателей опросника. В итоговую версию вошло 27 пунктов (табл. 1). Факторная структура соответствует эмпирическим данным (χ^2 (df) 509,05 (307); CFI 0,95; TLI 0,94; RMSEA 0,04). Уровень согласованности шкал остался высоким – альфа Кронбаха 0,71 или более по каждой из шкал. Согласованность шкал незначительно уменьшилась, что связано с исключением вопросов с высокой ковариацией и близких по смыслу. Итоговая версия краткой версии опросника представлена в приложении.

Таблица 1

Среднее, стандартное отклонение, альфа Кронбаха и корреляции шкал итоговой версии опросника «Проактивный копинг» (ОПК). В скобках указаны пункты оригинального РСІ

Шкала	ПРО	РЕФ	СП	ПРВ	ИП	ЭП
1. ПРО (п. 4, 5, 6, 8, 11, 13)	M=2,98 SD=0,50 $\alpha=0,71$					
2. РЕФ (п. 2, 6, 7, 9, 11)	0,36***	M=2,99 SD=0,59 $\alpha=0,79$				
3. ПЛ (п. 2, 3, 4)	0,32***	0,42***	M=2,61 SD=0,74 $\alpha=0,75$			
4. ПРВ (п. 1, 3, 5, 8, 10)	0,40***	0,67***	0,44***	M=2,87 SD=0,57 $\alpha=0,72$		
5. ИП (п. 1, 4, 5, 6)	0,10	0,09	0,10	0,10	M=2,69 SD=0,65 $\alpha=0,72$	
6. ЭП (п. 1, 2, 4, 5)	0,14	0,03	0,09	0,01	0,49***	M=2,67 SD=0,76

Примечание: *** – $p < 0,001$

Анализ конвергентной валидности опросника «Проактивный копинг»

Для анализа конвергентной валидности была выбрана методика диагностики стратегий совладания СОРЕ как наиболее близкая по содержанию психологических конструктов и адаптированная для русскоязычной выборки [2]. В качестве метода анализа данных был выбран ранговый корреляционный анализ Спирмена.

По результатам корреляционного анализа (табл. 2) шкал итоговой версии опросника «Проактивный копинг» и шкал методики СОРЕ были получены ожидаемые корреляции шкал инструментальной поддержки (**ИП**) и «Использование инструментальной социальной поддержки», эмоциональной поддержки (**ЭП**) и «Использование эмоциональной социальной поддержки». Также содержательно ожидаемыми являются корреляции шкалы проактивного совладания (**ПРО**) с такими шкалами опросника СОРЕ, как «Позитивное переформулирование» и «Активное совладание», а также шкалы рефлексивного совладания (**РЕФ**) со шкалами «Превентивный копинг» и «Подавление конкурирующей деятельности»

в СОРЕ. Заметим здесь же, что на данных нашей выборки были получены большие интеркорреляции шкал опросника СОРЕ ($r=0,5-0,6$, $p<0,001$), чем интеркорреляции шкал опросника «Проактивный копинг» ($r=0,2-0,3$, $p<0,001$), что может говорить о более дифференцируемых измеряемых конструктах.

Неожиданным результатом стала слабая корреляция между шкалами планирования. Содержательный анализ пунктов показал, что шкалы имеют несколько разное содержание. В опроснике СОРЕ измеряется представление человека о том, что он планирует свои действия, в то время как в опроснике ОПК спрашивается о разделении проблемы на отдельные задачи и планировании отдельных этапов достижения цели, т. е. речь идет не о планировании в общем, а о стратегическом планировании.

По результатам анализа можно сделать вывод о хорошей конвергентной валидности итоговой версии опросника «Проактивный копинг». В связи с тем что в опроснике СОРЕ используются похожие конструкты, но их содержание несколько отличается, мы не получили сильных корреляций. В отличие от опросника СОРЕ

Таблица 2
Корреляции шкал ОПК (сокращенная версия) и СОРЕ

	ПРО	РЕФ	ПЛ	ПРВ	ИП	ЭП
Позитивное переформулирование и личностный рост	0,42***	0,20**		0,22**		
Использование инструментальной социальной поддержки					0,61***	0,55***
Активное совладание	0,38***	0,40***	0,28***	0,35***		
Использование эмоциональной социальной поддержки					0,51***	0,62***
Подавление конкурирующей деятельности	0,23***	0,35***	0,32***	0,33***		
Планирование	0,46***	0,47***	0,30***	0,40***		

Примечание: *** – $p<0,001$, ** – $p<0,01$, * – $p<0,05$

итоговая версия опросника «Проактивный копинг» обладает меньшими интеркорреляциями шкал, что может говорить о его лучшей дискриминантной валидности.

Заключение

В данном исследовании была проведена русскоязычная адаптация опросника «Проактивный копинг» (ОПК). Было показано несоответствие теоретической модели видов совладающего поведения с предложенной факторной структурой на данных российской выборки. Эти

результаты пересекаются с данными зарубежных исследований, в которых по результатам эксплораторного факторного анализа также были получены неудовлетворительные результаты [4; 6; 11].

На основании результатов подтверждающего факторного анализа была предложена сокращенная версия опросника с сохранением оригинальной факторной структуры, которая обладает лучшими психометрическими показателями по сравнению с оригинальной версией опросника на данных российской выборки, что позволяет предположить ее больший диагностический потенциал.

Приложение

Сокращенная версия опросника «Проактивный копинг» (ОПК)

Оцените каждое утверждение по следующей шкале: «абсолютно не согласен» — 1, «частично согласен» — 2, «скорее согласен, чем не согласен» — 3, «полностью согласен» — 4.

Для расчета итоговых баллов по шкалам ответы на каждый вопрос шкалы суммируются (все вопросы шкал прямые).

№	Название шкалы и текст пункта
	Проактивный копинг
1	Я люблю рисковать и преодолевать трудности
2	Я визуализирую свои мечты и стараюсь осуществить их
3	Несмотря на возникающие неудачи, я обычно добиваюсь своего
4	Я всегда стараюсь находить обходные пути в сложных ситуациях, и меня ничто не остановит
5	Я воспринимаю трудности как позитивный опыт
6	Если у меня возникает проблема, я беру инициативу в свои руки и решаю ее
	Рефлексивный копинг
7	Я обычно обдумываю несколько путей решения проблем, а не действую импульсивно, по первому побуждению
8	Прежде чем браться за трудное задание, я продумываю различные пути достижения успеха
9	Я приступаю к действиям только после тщательного обдумывания
10	Я смотрю на проблему под разными углами до тех пор, пока не нахожу пути для ее решения
11	Я думаю о возможных последствиях, перед тем как взяться за решение проблемы
	Стратегическое планирование
12	Я обычно составляю план и слеую ему
13	Я разбиваю проблему на части и решаю каждую по отдельности в свое время

№	Название шкалы и текст пункта
14	Я составляю список того, что надо сделать, и стараюсь вначале сфокусироваться на важных пунктах
	Превентивный копинг
15	В моих планах я стараюсь учесть различные случайности
16	Я стараюсь быть готовым ко всему
17	Прежде чем действовать, я обдумываю свою стратегию
18	Я думаю на шаг вперед, чтобы предотвратить опасные последствия
19	Я стараюсь разумно распоряжаться своими деньгами, чтобы не было проблем в будущем
	Инструментальная поддержка
20	Советы других людей могут помочь в решении моих проблем
21	Я легко могу найти людей, способных помочь мне принять правильное решение
22	Я часто спрашиваю других, что бы они сделали в моей ситуации
23	Обсуждение с другими своих проблем может дать новый взгляд на ситуацию
	Эмоциональная поддержка
24	Если я подавлен, я знаю, кто именно может помочь мне почувствовать себя лучше
25	Другие люди помогают мне почувствовать себя окруженным заботой
26	Когда нахожусь в плохом настроении, я говорю об этом с другими
27	Я доверяю свои чувства другим людям, чтобы построить или укрепить близкие отношения

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинская Е.П.* Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.06.2018)
2. *Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Рассказова Е.А., Сычев О.А., Шевяхова В.Ю.* Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II Международной научно-практической конференции. Кострома, 2010.
3. *Старченко Е.С.* Ресурсы проактивного совладающего поведения // Вестник СПбГУ, 2012. Сер. 12. Вып. 1. С. 51–61.
4. *Almássy, Z., Pék, G., & Papp, G.* The Psychometric Properties of the Hungarian Version of the Proactive Coping Inventory: Reliability, Construct Validity and Factor Structure // International Journal of Psychology and Psychological Therapy. 2014. Vol. 14. № 1. P. 115–124.
5. *Aspinwall L.G., Taylor S.E.* A stitch in time: self-regulation and proactive coping // Psychological Bulletin. 1997. № 121. P. 417–436.
6. *Bhushan B., Gautam R., Greenglass E.* The Hindi Adaptation and Standardization of the Proactive Coping Inventory (PCI) // International Journal of Psychology and Psychological Therapy. 2010. Vol. 10. № 2. P. 331–343.
7. *Frydenberg E.* Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes // Australian Journal of Psychology. 2014. Vol. 66. P. 82–92.
8. *Greenglass E., Schwarzer R., Taubert S.* (1999) The Proactive Coping Inventory (PCI): A multidimensional research instrument [Elektronnyi resurs]. URL: <http://userpage.fu-berlin.de/~health/greenpci.htm> (date of access 17.04.18)

9. Greenglass E.R. Proactive coping // Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges / E. Frydenberg (ed.). London: Oxford University Press, 2002. P. 37–62.
10. Lazarus R.S. Coping theory and research: past, present and future // Psychosomatik Medicine. 1993. № 55. P. 237–247.
11. Roesch S.C., Aldridge A.A., Huff T.L. P., Langner K., Villodas F., Bradshaw K. On the dimensionality of the proactive coping inventory: 7, 5, 3 factors? // Anxiety, Stress and Coping. 2009. Vol. 22. P. 327–339. doi:10.1080/10615800
12. Schwarzer R. Stress, Resources, and Proactive Coping // Applied Psychology: An International Review. 2001. Vol. 50. P. 400–407.

Adaptation of “Proactive Coping Inventory”

E.P. BELINSKAYA*,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
elena@belinskaya@list.ru

A.V. VECHERIN,**

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
avecherin@hse.ru

The article presents the results of adaptation and correction of the Russian-language version of the questionnaire “proactive copying inventory”. This questionnaire was translated into Russian by E.S. Starchenkova, but the results of its psychometric verification are not available in publications. The original Russian version of the questionnaire showed good consistency of scales (Cronbach’s alpha was greater than 0.77), but unsatisfactory compliance with empirical data by the results of confirmatory factor analysis ($\chi^2(df)$ 3025.73 (1259); $p < 0.01$; CFI 0.76; TLI 0, 75, RMSEA 0.056). Based on the analysis of the theoretical model of the classification of coping behavior using the Confirmatory Factor Analysis, a shortened version of the questionnaire was proposed which has good indicators of compliance with the original data ($\chi^2(df)$ 509,05 (307); CFI 0.95; TLI 0.94; RMSEA 0.04). The abbreviated version showed good indices of internal discriminant validity, and significant correlations were also obtained with the scales of the COPE questionnaire that were close in content.

Keywords: coping with difficulties, proactive coping, coping strategies.

For citation:

Belinskaya E.P., Vecherin A.V. Adaptation of “Proactive coping inventory”. *Sotsial’naia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 137–145. doi:10.17759/sps.2018090314 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Belinskaya Elena P.* — Doctor of Science in Psychology, professor, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia, elena@belinskaya@list.ru

** *Vecherin Alexandr V.* — PhD in psychology, senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, avecherin@hse.ru

REFERENCES

1. Belinskaya E.P. Sovladanie kak social'no-psihologicheskaya problema [Coping as a socio-psychological problem [Coping as a socio-psychological problem]. *Psihologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2009, no. 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 20.06.18)
2. Gordeeva T.O., Osin E.N., Rasskazova E.A., Sichev O.A., Shevyahova V.U. Diagnostika koping-strategiy: adaptaciya oprosnika COPE [Diagnosis of coping strategies: adaptation of the COPE questionnaire]. *Psihologiya stressa I sovladayushchego povedeniya v sovremennom rossiyskom obschestve [Psychology of stress and coping behavior in modern Russian society]*. Materiali II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii [Materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Kostroma, 2010.
3. Starchenkova E.S. Resursy proaktivnogo sovladayushchego povedeniya [Resources of proactive coping behavior]. *Vestnik SPbGU [Bulletin of St. Petersburg state University]*, Ser. 12. 2012, no. 1, pp. 51–61.
4. Almássy, Z., Pék, G., Papp, G. The Psychometric Properties of the Hungarian Version of the Proactive Coping Inventory: Reliability, Construct Validity and Factor Structure. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*, 2014. Vol. 14, no. 1, pp. 115–124.
5. Aspinwall L.G., Taylor S.E. A stitch in time: self-regulation and proactive coping. *Psychological Bulletin*, 1997, no. 121, pp. 417–436.
6. Bhushan B., Gautam R., Greenglass E. The Hindi Adaptation and Standardization of the Proactive Coping Inventory (PCI). *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*, 2010. Vol.10, no. 2, pp. 331–343.
7. Frydenberg E. Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes. *Australian Journal of Psychology*, 2014. Vol. 66, pp. 82–92.
8. Greenglass E., Schwarzer R., Taubert S. (1999) The Proactive Coping Inventory (PCI): A multidimensional research instrument [Elektronnyi resurs]. URL: <http://userpage.fu-berlin.de/~health/greenpci.htm> (date of access 17.04.18).
9. Greenglass E.R. Proactive coping. In E. Frydenberg (ed.). *Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges*. London: Oxford University Press, 2002, pp. 37–62.
10. Lazarus R.S. Coping theory and research: past, present and future. *Psychosomatik Medicine*, 1993, no. 55, pp. 237–247.
11. Roesch S.C., Aldridge A.A., Huff T.L. P., Langner K., Villodas F., Bradshaw K. On the dimensionality of the proactive coping inventory: 7, 5, 3 factors? *Anxiety, Stress and Coping*, 2009. Vol. 22, pp. 327–339. doi:10.1080/10615800
12. Schwarzer R. Stress, Resources, and Proactive Coping. *Applied Psychology: An International Review*, 2001. Vol. 50, pp. 400–407.

Разработка опросника «Социальное вмешательство и контроль (СВК)» для исследования статических составляющих тоталитарности в религиозных группах

В. ЕЛКИН (ЕЛКИНС)*,
Европейский парламент, Рига, Латвия,
v.yolkin@inbox.lv

В статье приводятся процедуры разработки и адаптации опросника «Социальное вмешательство и контроль в религиозной группе» (СВК), создававшегося как одна из двух методик для выявления тоталитарных тенденций в различных религиозных сообществах. Ранее мы установили, что тоталитаризм в религиозных группах характеризуется пятью статическими и одной динамической составляющей. Задача СВК — выявить статические составляющие. При разработке опросника на основании анализа доступных источников информации были выявлены частные признаки, характеризующие каждую из составляющих. Признаки были обобщены и объединены в рабочие шкалы. Далее были проведены процедуры для повышения валидности и надежности методики: экспертизы, пилотажное и основное исследование, а также ретестирование. В данный момент методика позволяет измерять и сравнивать выраженность статических составляющих тоталитарности религиозной группы

Ключевые слова: *тоталитарная религиозная группа, тоталитарная секта, деструктивный культ.*

Терминология статьи:

Религиозная группа — религиозное сообщество, организация, имеющая общее учение, разделяемое всеми ее членами. Она может быть большой (конфессия, церковь, всемирное движение), средней (иметь некоторое количество филиалов) и малой (почти

все члены группы локализованы в одном месте).

Член религиозной группы — человек, которого группа признает своим. Обычно признание происходит после прохождения обряда инициации, но это не является строгим правилом для всех групп. Членом группы не считается чело-

Для цитаты:

Елкин (Елкинс) В. Разработка опросника «Социальное вмешательство и контроль (СВК)» для исследования статических составляющих тоталитарности в религиозных группах // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 146–165. doi:10.17759/sps.2018090315

* *Елкин (Елкинс) Виктор* — магистр психологии, помощник депутата, Европейский парламент, Рига, Латвия, v.yolkin@inbox.lv

век, свободно посещающий мероприятия группы, но не принимавший на себя обязательства, связанных с группой.

Актуальность

В научном дискурсе последних десятилетий существует несколько мнений о проблеме тоталитаризма религиозных групп, преимущественно нового происхождения. По отношению к таким группам используется обширная терминология: от негативно-оценочных «деструктивный культ» (в странах Запада) или «тоталитарная секта» (на постсоветском пространстве) до нейтрального «новое религиозное движение» (НРД). Одни исследователи убеждены, что некоторые религиозные группы имеют выраженные признаки тоталитарности [4; 14; 9; 18; 19; 20]. Другие, наоборот, считают, что тезисы о тоталитарном характере групп имеют сомнительные основания, а сами группы относятся к притесняемым религиозным меньшинствам [3; 7; 8]. Обе стороны в основном базируются на данных интервью, наблюдений, анализе отдельных случаев или косвенной статистики. В связи с этим, на наш взгляд, остро стоит вопрос о более точном инструменте, позволяющем судить о степени тоталитарности той или иной религиозной организации.

История вопроса

Впервые попытку сделать методику анализа некоторых аспектов тоталитаризма и его составляющей — социально-психологического насилия в социальных группах — предпринял А. Бидерман, который в 1975 г. выделил ряд эмпириче-

ских признаков в «Карте принуждения» [14]. Методика Бидермана скорее подходила для качественного экспертного анализа и никаких процедур валидации не проходила. Еще одну версию того, как отделить опасные религиозные группы от безопасных, предложил И. Боневиц в 1979 г. (в 2008 г. методика была усовершенствована). Боневиц сделал форму «оценки культовой опасности», состоящей из 18 вопросов. Несмотря на то что некоторые признаки тоталитаризма в ней были выделены, в целом опросник также не проходил процедур валидации и не соответствовал другим правилам составления методик [15].

В 1996 г. на ежегодной конференции Американской психологической ассоциации (АПА) М. Лангоуни была представлена первая методика для оценки одного из ключевых аспектов тоталитарности религиозных групп — психологического насилия [16]. Разработанная Лангоуни с коллегами «Шкала группового психологического насилия» (ШГПН) на сегодняшний день является наиболее известной в мире и проходила адаптации в нескольких странах (США, Испания, Япония). У многих исследователей к методике имеется ряд критических замечаний, однако здесь мы их рассматривать не будем, так как она направлена на измерение психологического насилия, т. е. динамической, а не статических составляющих тоталитарности в религиозных группах.

Несмотря на критику, все упомянутые исследователи внесли значимый вклад в начало разработки количественных диагностических методов для оценки религиозных групп. Их опыт нами был проанализирован, переработан и использован при создании опросника СВК.

Процедура разработки опросника СВК

Раннее на основе общих признаков тоталитаризма мы определили, что концепт тоталитарной религиозной группы (ТРГ) включает пять статических (см. табл. 1) и одну динамическую составляющие. К статическим составляющим мы относим формальные и неформальные нормы группы, регулирующие ее взаимоотношение со своими членами и окружающим миром, к динамической — механизмы психологического воздействия, с помощью которых осуществляется исполнение этих норм. Характеристики, относящиеся к статическим составляющим, редко изменяются и могут более-менее точно распознаваться как членами групп, так и сторонними наблюдателями (за исключением групп с уровнями членства). Оценка динамической составляющей более субъективна и чаще зависит от восприятия оценивающего. По этой причине для диагностики тоталитаризма в религиозных группах было принято решение делать две отдельные методики: опросник «Социальное вмешательство и контроль в религиозной группе» (СВК), выявляющий выраженность статических составляющих, и опросник «Социально-психологическое насилие в религиозной группе» (СПН), выявляющий динамическую. Все этапы разработки и апробации проходили сразу два опросника, но в этой статье мы будем рассматривать разработку только опросника СВК. Однако важно отметить, что измерить тоталитарность религиозной группы в целом можно, только применяя оба опросника одновременно.

Все процедуры создания и апробации опросника СВК производились с учетом норм, принятых в современной методологии [10]. На первом этапе создания

методики на основании анализа массива литературы по данной и близкой проблематике нами были собраны признаки религиозных групп, характеризующие тоталитаризм. Если какой-либо признак дублировался с другим, по сути, тождественным, они объединялись в один. Если какой-либо признак был достаточно широким, т. е. включал в себя несколько признаков, то они, соответственно, разделялись на более частные. Затем все признаки были объединены вокруг статических составляющих ТРГ (см. табл. 1).

На втором этапе с целью содержательной валидизации методика СВК прошла экспертизу. Перед экспертами ставились три задачи: 1) оценить степень соответствия каждого вопроса изучаемому явлению в целом; 2) оценить степень соответствия каждого вопроса шкале, в которую он был включен; 3) оценить соответствие шкал изучаемому явлению, их полноту, возможное взаимное дублирование и пр. Первые две задачи оценивались с помощью пятибалльной шкалы. Если оценка была низкой, то в отдельной графе эксперты указывали причину и давали рекомендации по ее исправлению. Экспертизу осуществляли четыре частных эксперта и одна экспертная организация (кафедра университета).

На третьем этапе производилась оценка лицевой валидности. Для этой цели опросник прошел филологическую экспертизу на соответствие точности и лаконичности формулировок вопросов, вариантов ответов и инструкций. Оценивалось соответствие их правилам русского языка и удобства восприятия целевой аудиторией. Эксперту была разъяснена как цель методики, так и смысл, который автор закладывал в каждый вопрос. После этого вопросы методики были перемешаны таким образом,

чтобы два вопроса, относящихся к одной шкале, не находились рядом, а вопросы всех шкал распределялись равномерно по всему тексту опросника.

На четвертом этапе было проведено пилотажное исследование с целью ком-

муникативной валидации. Участникам исследования предлагалось ответить на рабочую версию опросника СВК. Выборку пилотажного исследования составили 18 бывших и действующих членов различных религиозных групп: 3 бывших

Таблица 1

Составляющие определения ТРГ и шкалы опросника СВК

№	Составляющая определения ТРГ	Название шкалы	Количество вопросов	Описание
1	Учение, претендующее на неоспоримую истинность и отрицающее право других мировоззрений на существование	Учение	13	Шкала показывает отношение группы к окружающему миру и людям, претензии на знание абсолютной истины, избранность, превосходство, отношение к критике и т. п.
2	Абсолютизм системы управления	Основатель и стиль руководства	7	Шкала показывает степень претензий, авторитарности и ответственности основателя группы и руководства перед ее членами.
3	Недобровольный характер участия в духовной жизни и деятельности группы	Обязательность — добровольность	7	Шкала показывает, насколько группа обязывает своих членов заниматься духовными практиками, изучением духовных источников и групповой работой.
4	Вмешательство в сферы жизнедеятельности своих членов, в которых традиционно для данного общества человек принимает решения самостоятельно	Вмешательство в жизнедеятельность	23	Шкала показывает, в какие сферы жизнедеятельности своих членов и насколько глубоко вмешивается группа.
5	Контроль за групповыми и внегрупповыми сферами жизнедеятельности своих членов	Контроль	11	Шкала показывает степень контроля группы за внешней и внутригрупповой активностью членов группы, их мыслями, поведением, погруженностью в учение (под контролем имеется в виду обратная связь, т. е. наблюдение и отчетность).
6		Достоверность	9	Шкала показывает, насколько респондент готов преувеличить свои оценки, например, движимый обидой на группу или неспособностью адекватно воспринимать и отражать реальность.

члена Международного общества сознания Кришны, 3 бывших члена группы «Сириус», 4 бывших члена группы «Свидетели Иеговы», 1 бывший член «Церкви объединения», 1 бывший член и 1 действующий член движения «Евангельские христиане-баптисты», 1 бывший и 4 действующих члена Русской православной церкви. Затем была проведена серия скайп-конференций продолжительностью 3–5 часов со всеми респондентами, в процессе которых обсуждалась точность понимания каждого вопроса. На основании полученных ответов была произведена дополнительная корректировка некоторых формулировок.

В конечный вариант методики СВК вошло 70 вопросов, из которых рабочими является 61 вопрос и 9 входят шкалу «Достоверность» (см. табл. 1).

На пятом этапе, с марта по июль 2014 г., в реальном пространстве и в интернете было проведено исследование, в котором СВК включался в общий пакет с другими методиками. Так как данная статья посвящена разработке методики СВК и в проведенном исследовании нас интересуют только показатели ее надежности, мы не будем подробно описывать его процедуру и результаты.

Для контроля достоверности полученных данных применялось три критерия:

1. Шкала «Достоверность» в методике СВК.

2. Схожесть ответов незнакомых друг с другом респондентов, принадлежавших к одной религиозной группе, но проживающих в разных регионах.

3. Сверка результатов с описаниями группы другими исследователями.

Для дополнительного контроля были разработаны две отдельные шкалы «Значение группы» и «Отношение к группе». Функция шкалы «Значение группы» —

оценить силу значимости группы для респондента в момент пребывания в ней. Функция шкалы «Отношение к группе» — установить степень выраженности позитивного-негативного отношения респондента к группе на момент заполнения методик. Задача обеих шкал — учесть влияние этих факторов на показатели основных методик. Если респондент демонстрирует полярные значения к оцениваемой группе по этим шкалам, это не может служить основанием для удаления его данных как недостоверных, однако предполагает повышенное внимание к другим критериям контроля достоверности. Каждая из шкал состояла из четырех пар противоположных утверждений, которые оценивались с помощью двухполюсного семишагового дифференциала. Шкалы «Значение группы» и «Отношение к группе» не включались в стимульный материал основных методик исследования и предлагались в пакете в качестве отдельного задания.

Выборка исследования была собрана при помощи:

- баз данных организаций и консультантов, работающих с проблемами бывших членов религиозных групп в России, на Украине, в Белоруссии и Латвии;

- размещения информации в группах бывших членов религиозных групп в социальных сетях vk.com и facebook.com, на форумах;

- обращений к потенциальным участникам, неоднократно публиковавшимся в российских и латвийских электронных и печатных СМИ, а также на профильных интернет-порталах России и Белоруссии.

Респондентам было предложено три варианта наборов методик: распечатанный бумажный, электронная форма (аналог бумажной) в программе Microsoft Word-2000 и электронная версия, соз-

данная с помощью системы docs.google.com. В начале каждого варианта размещалось обращение с указанием целей исследования, его прикладного значения для общества, гарантий анонимности, а также дано определение всех ключевых терминов. К каждой методике была прописана отдельная подробная инструкция по ее заполнению.

Минимальный порог, необходимый для статической значимости, был определен в 30 респондентов из каждой группы исследования. Возраст респондентов на момент проведения исследования колеблется от 21 до 49 лет. Активность участия респондентов в религиозной жизни предполагала в среднем посещение группы не менее одного раза в неделю. Географией исследования мы будем считать шесть стран постсоветского пространства, которые были указаны на момент пребывания участников в исследуемых группах, а именно: Россия, Украина, Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония. Причина такого ограничения связана с близким пониманием сфер свободы личности, вмешательство в которые необходимо оценивать респондентам.

Изначально в процессе исследования были собраны данные 441 респондента, из них 187 были исключены из обработки по причинам несоответствия, явной недостоверности, нарушений процедуры или критериев выборки. В окончательную выборку исследования вошли 254 респондента, образующие семь групп, из которых четыре составляют основную выборку исследования, две контрольную и одна вспомогательную. Основная выборка исследования ($\Sigma=146$) представлена четырьмя нетрадиционными религиозными группами (НРГ) — Церковь Христа (ЦХ), Движение веры (неопятидесятники) (ДВ), Международное обще-

ство сознания Кришны (МОСК) и Свидетели Иеговы (СИ) — респондентов. Причина выбора данных групп в качестве экспериментальной выборки заключается в том, что часть исследователей указывает на присутствие в них ряда признаков тоталитарности или отдельных ее аспектов [1; 2; 4; 5; 12; 13; 18; 19; 20 и др.], в то время как другие считают эти утверждения не соответствующими действительности или существенно завышенными [3; 7; 8 и др.]. Таким образом, данная выборка представляет ряд групп, которые в настоящий момент являются объектом научного дискурса.

Контрольная выборка ($\Sigma=73$) и вспомогательная выборка ($\Sigma=35$) нашего исследования представлены двумя традиционными религиозными группами: «Евангельские христиане-баптисты» (ЕХБ) и Русская православная церковь (РПЦ). ЕХБ — крупнейшее движение баптистов на постсоветском пространстве, объединенное общими принципами. Несмотря на то что некоторые отдельные элементы тоталитаризма у баптистов могут присутствовать, в целом это движение считается умеренным и интегрированным с обществом.

РПЦ включена в выборку как одна из крупнейших традиционных конфессий для стран географии нашего исследования. Несмотря на то что группа периодически подвергается критике по различным вопросам, эта критика, как правило, не связана с обвинениями в тоталитаризме по отношению к своим членам. Выборка РПЦ делится на две подгруппы: бывшие и действующие члены. Контрольной выборкой в данном исследовании является только выборка бывших членов РПЦ, этого требует правило эквивалентности контрольных и экспериментальных групп, так как выборки всех нетрадици-

онных религиозных групп представлены бывшими членами. Выборка действующих членов РПЦ была собрана для сравнения, в какой степени оценки бывших и действующих членов будут различаться.

Помимо пола в процессе анализа учитывались иные факторы на момент вступления в группу, а именно: возраст, социальный статус, образование, семейное и материальное положение, наличие и количество детей, наличие травматического опыта. Также анализировались продолжительность пребывания респондентов в группах, срок после выхода из группы, причины, побудившие вступить в группу и покинуть ее. Значимого влия-

ния на оценки групп респондентами эти факторы не оказывали, хотя отдельные небольшие тенденции наблюдались.

Ключевым показателем, интересующим нас на данном этапе как разработчиков методики, является ее надежность, которая проверялась с помощью коэффициента альфа Кронбаха. Результат проверки показал как высокую надежность самой методики, так и надежность всех рабочих шкал (см. табл. 3). Низкий показатель по вспомогательной шкале «Достоверность» можно обосновать тем, что заведомо недостоверные ответы респондентов были исключены из обработки на предварительном этапе, таким образом,

Таблица 2

Распределение участников исследования по группам и полу

№	Название религиозной группы	Мужчины	%	Женщины	%	Всего
1	Церковь Христа (ЦХ)	12	34,3	23	65,7	35
2	Свидетели Иеговы (СИ)	17	47,2	19	52,8	36
3	Движение веры (ДВ)	25	58,1	18	41,9	43
4	Международное общество сознания Кришны (МОСК)	17	53,1	15	46,9	32
5	Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ)	21	67,7	10	32,3	31
6	Русская православная церковь (РПЦ)	28	66,7	14	33,3	42
7	Русская православная церковь, действующие (РПЦ-Д)	15	42,9	20	57,1	35
	Итого	135	53,2	119	46,8	254

Таблица 3

Значение коэффициента альфа Кронбаха опросника СВК

№	Название шкалы	Значение коэффициента альфа Кронбаха	Количество пунктов
1	Учение	0,86	13
2	Основатель и стиль руководства	0,74	7
3	Обязательность — добровольность	0,77	7
4	Вмешательство в жизнедеятельность	0,90	23
5	Контроль	0,83	11
6	Достоверность	0,28	9
	Весь опросник	0,96	70

шкала уже не могла выполнить функцию отбора недостоверных данных. Для дополнительных шкал также была проведена проверка альфы Кронбаха, которая показала их надежность («Значимость группы» – 0,87; шкала «Отношение к группе» – 0,92). Значимого влияния на результаты факторы значения группы и отношения к ней не оказали. Все расчеты производились с помощью программы IBM SPSS Statistics 22 в соответствии со всеми правилами статистической обработки и анализа данных [11].

На шестом этапе, в мае – июне 2017 г., 89 участникам исследования, контакты которых были доступны, были разосланы опросники СВК и СПН, а также дополнительные шкалы «Значение группы» и «Отношение к группе» для проведения ретестирования. Пояснения

и инструкции по заполнению опросников не менялись. Заполнили опросники 38 респондентов. Шесть опросников из-за отсутствия части ответов или несоответствия инструкции были признаны не подлежащими обработке. Таким образом, в конечную выборку ретестирования вошли 32 респондента.

Обработка результатов ретестирования производилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 22. Для оценки ретестирования применялся непараметрический Т-критерий Уилкоксона и непараметрический коэффициент корреляции Спирмена. Результаты анализа ретестирования показали, что между всеми шкалами теста и ретеста СВК значимых различий не обнаружено, что показывает достаточно высокую надежность опросника (см. табл. 5 и рис.).

Таблица 4

Выборка ретестирования по группам и полу

№	Название религиозной группы	Мужчины	Женщины	Всего
1	Церковь Христа (ЦХ)	1	3	4
2	Свидетели Иеговы (СИ)	2	1	3
3	Движение веры (ДВ)	2	3	5
4	Международное общество сознания Кришны (МОСК)	2	2	4
5	Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ)	3	2	5
6	Русская православная церковь (РПЦ)	2	2	4
7	Русская православная церковь, действующие (РПЦ-Д)	3	4	7
	Итого	15	17	32

Таблица 5

Анализ ретестирования рабочих шкал опросника СВК (N = 32)

№	Название шкалы	Т-критерий Уилкоксона, значимость различий	Коэффициент корреляции Спирмена (p<0,001)
1	Учение	0,732	0,948
2	Основатель и стиль руководства	0,984	0,852
3	Обязательность – добровольность	0,969	0,949
4	Вмешательство в жизнедеятельность	0,280	0,875
5	Контроль	0,140	0,893

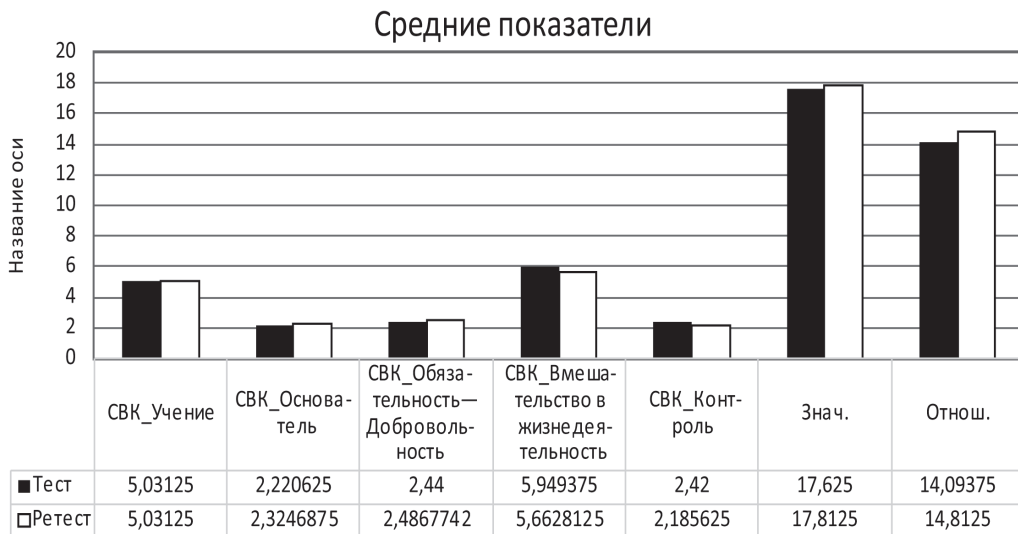

Рис. Результаты анализа ретестирования опросника СВК и шкал «Значение группы» и «Отношение к группе»

Дополнительные шкалы «Значение группы» и «Отношение к группе» также не показали значимых различий (см. рис.).

Заключение

В результате проделанной работы была разработана и валидизирована методика СВК, позволяющая с определенной долей погрешности диагностировать степень выраженности пяти составляющих тоталитарности религиозных групп. Оценку могут производить как бывшие, так и действующие члены групп. Несмотря на предусмотренные механизмы защиты от искажений, мы допускаем, что у участников с разным статусом, степенью вовлеченности и отношением к группе результаты могут

различаться. Это может быть связано не только с желанием оценить группу лучше или хуже, чем она есть, но и с нехваткой некоторой информации. Помимо бывших и действующих членов опросник мог бы использоваться независимыми экспертами, осуществляющими включенное наблюдение.

Преимуществом методики СВК является и то, что она помогает избежать бытового клиширования религиозных групп, одновременно указывая на их проблемные зоны. Ограничением для использования методики могут стать религиозные группы с многоуровневым посвящением, где на разных уровнях членам предоставляется различная информация.

Методика остается открытой к дальнейшим методологическим доработкам и усовершенствованиям.

Благодарности

Автор благодарит безвременно ушедшего из жизни научного руководителя, профессора Стефаненко Татьяну Гавриловну за помощь, наставничество и совместно пройденный путь, а также кандидата психологических наук Соловьеву Ольгу Владимировну за профессиональную и моральную поддержку.

Приложение

Опросник «Социальное вмешательство и контроль в религиозных группах» (СВК)

Терминология опросника

Группа — религиозное сообщество, организация, имеющая общее учение, разделяемое всеми ее членами. Она может быть большой (конфессия, церковь, всемирное движение), средней (иметь некоторое количество филиалов) и малой (почти все члены группы локализованы в одном месте).

Член группы — человек, которого группа признает своим. Обычно признание группой происходит после прохождения обряда, (например, посвящения, крещения и т. п.), но это не является строгим правилом для всех групп. Членом группы не считается человек, свободно посещающий мероприятия группы, но не принимавший на себя обязательств, связанных с группой.

Наставник — непосредственный куратор члена группы (духовник, «личный гуру», руководитель филиала и т. п.).

Руководство — человек или группа людей (совет), на сегодняшний день выполняющая главные руководящие функции.

Основатель — человек, который создал учение группы.

В группах, где основатель жив, как правило, он же является и руководителем. В малых группах, не имеющих разветвленной структуры и филиалов, в одном лице могут совмещаться все три статуса: основатель, руководитель и наставник.

Задание

Вам предлагается 70 утверждений, каждое из которых имеет несколько вариантов завершения. Поставьте знак «+» рядом с тем вариантом завершения утверждения, который, на ваш взгляд, наиболее точно характеризует группу, в которой вы состояли или состоите. Выбирайте только один вариант ответа.

Оценивайте то, что относится к большинству членов группы. Если в отдельных случаях ваш личный опыт расходится с общей для группы практикой или какие-то члены группы обладали отличными от большинства правами и обязанностями, пожалуйста, оценивайте тенденции большинства.

Если по какому-то вопросу у вас нет информации или подобное в группе не практикуется вообще, оставьте его без отметок и переходите к следующему. Но старайтесь быть внимательными, чтобы без ответа не остались вопросы, по которым у вас есть информация.

1. По учению группы, мир ...

а) хотя и далек от совершенства, но это НЕ означает, что только группа может изменить его к лучшему.

б) обречен или представляет угрозу, спасение от которой может прийти только через учение группы.

2. Основатель, по представлениям группы, ...

а) умный, высокодуховный человек, который в результате размышлений или духовных поисков пришел к идеям, воплотившимся в учении группы.

б) великий человек, существенно превосходящий других людей.

в) избранник высших сил.

г) высшая сила (божество, аватар, воплощение вселенского разума и т. п.).

3. Духовные практики (молитвы, мантры, медитации или другие принятые в группе формы выражения веры) ...

а) членов группы исполнять НЕ обязывают, каждый делает это по собственному желанию и потребности.

б) членам группы рекомендуется исполнять как можно чаще, так как от этого зависит их духовный рост.

в) члены группы обязаны исполнять ежедневно и посвящать этому занятию несколько часов.

4. Дела группы ее ...

а) члены вправе посвящать столько времени, сколько хотят и считают возможным.

б) членам рекомендуется посвящать как можно больше времени, так как это способствует их духовному росту.

в) члены должны посвящать как минимум все свое свободное время.

г) члены обязаны посвящать все свое время.

5. Исповедь или ее аналог (доверительный рассказ о себе, своих грехах, мыслях, побуждениях, сомнениях и т. п.) происходит ...

а) в устной форме и ни на какие носители НЕ записывается.

б) либо в форме письменного отчета, либо записывается на аудио- или видеоносители.

6. Исполнение духовных практик, изучение духовных источников, распространение учения, выполнение работы для группы и т. п. ...

а) члены группы вправе осуществлять по мере сил.

б) членам группы рекомендуется осуществлять усердно, часто игнорируя усталость, так как это способствует духовному росту.

в) члены группы обязаны осуществлять с полной отдачей сил, иногда до истощения.

7. По учению группы, человек ...

а) личность и его надо уважать таким, какой он есть, вне зависимости от его вероисповедания.

б) слаб, но учение может сделать его совершеннее.

в) изначально слеп и грешен, и только учение может открыть ему глаза на истину и очистить.

8. Выбирать хобби, досуг или увлечения члены группы ...

а) вправе самостоятельно, при желании советуясь с наставником.

б) могут только после одобрения наставника, который оценит, насколько выбранное увлечение или форма досуга соответствуют учению и способствуют духовному росту.

в) НЕ имеют права вообще, так как это отвлекает от духовных дел.

9. Если кто-то из членов группы говорит или делает то, что НЕ одобряет руководство или наставник ...

а) это его личное дело, он отвечает за себя сам.

б) с ним необходимо провести беседу, чтобы он НЕ сошел с истинного пути.

в) об этом необходимо сообщить наставнику.

10. Уединиться и поразмышлять ...

а) члены группы могут в любой момент, когда пожелают.

б) у членов группы получается редко. Руководство рекомендует, чтобы они как можно чаще находились рядом друг с другом.

в) практически невозможно. Руководство требует, чтобы члены группы всегда находились рядом друг с другом.

11. Физическое самоистязание в группе ...

а) НЕ практикуется.

б) периодически практикуется.

12. Обсуждать учение членам группы ...

а) можно, так как оно носит философский характер.

б) в некоторых аспектах допустимо, но базовые постулаты обсуждению НЕ подлежат.

в) недопустимо, все детали учения априори считаются абсолютно истинными.

13. Обсуждать интерпретации неоднозначных деталей учения членам группы ...

а) допустимо самостоятельно.

б) допустимо только с наставником, при условии что последнее слово будет за ним.

в) недопустимо. Только руководство или наставник могут объяснить, как правильно понимать учение.

14. Продолжительность сна ...

а) членов группы НЕ ограничивается, каждый спит столько, сколько ему необходимо.

б) членам группы рекомендуется сокращать, так как это способствует их духовному росту.

в) члены группы обязаны сокращать.

15. Распространять учение группы и привлекать в нее новых людей ...

а) члены группы не обязаны, каждый это делает по собственному желанию.

б) членам группы рекомендуется, так как способствует их духовному росту.

в) члены группы обязаны.

16. Как защищать свое здоровье ...

а) члены группы решают сами.

б) отчасти члены решают сами, но в ряде случаев группа требует придерживаться только своих методов защиты здоровья или ограничивает официально принятые.

в) решает группа, ее члены должны использовать только те методы защиты здоровья, которые признаются группой.

17. По отношению к покинувшим группу ...

а) физическое насилие применять недопустимо.

б) допустимо применять физическое насилие.

18. Учение группы дает ...

а) общую картину мира и некоторые ценности, но есть жизненные ситуации, на которые однозначных ответов нет, и для их поиска членам группы необходимо размышлять самим.

б) ответы на многие вопросы жизнедеятельности. Если какие-то ситуации НЕ прописаны в учении, рекомендуется обращаться за разъяснением к наставнику.

в) объяснение любым событиям и ситуациям. У руководства или наставника всегда есть ответы на все вопросы.

19. Как воспитывать несовершеннолетних детей ...

а) члены группы решают сами.

б) члены группы решают сами, но, чтобы воспитать детей правильно, рекомендуется периодически советоваться с наставником.

в) члены группы решают отчасти, по многим вопросам воспитания они должны советоваться с наставником.

г) либо решает наставник, либо члены группы вообще должны отказаться от их воспитания и посвятить себя группе.

20. О времени, потраченном на распространение учения и привлечение в группу новичков, члены группы ...

а) отчитываться НЕ должны.

б) обязаны отчитываться.

21. Основатель, по представлениям группы, информирован и образован ...

а) так же, как и другие люди, но в некоторых областях имеет более глубокие знания.

б) больше других людей, благодаря его гению сделаны уникальные открытия в некоторых областях знаний, к которым раньше никто НЕ пришел.

в) намного больше других, так как у него есть доступ к высшим источникам знаний.

г) абсолютно во всех сферах и обладает всеми знаниями вселенной.

22. Читать духовную литературу группы, изучать посвященные учению аудиовидеоматериалы, посещать проповеди, лекции, семинары наставника и руководства ...

а) члены группы могут по собственному желанию и потребности.

б) членам группы рекомендуется как можно чаще, так как от этого зависит их духовный рост.

в) члены группы должны ежедневно и продолжительно.

23. Политические предпочтения членов группы — ...

а) их личный выбор, группа НЕ пытается на них влиять.

б) их выбор, но, чтобы сделать его правильно, рекомендуется получить совет наставника.

в) либо определяет руководство, либо члены группы вообще должны полностью устраниваться из любой политической активности.

24. О жизни вне группы члены группы ...

- а) отчитываться НЕ должны.
- б) обязаны отчитываться.

25. Повседневный рацион продуктов питания членов группы ...

- а) НЕ ограничивается, есть можно всё.
- б) для духовного роста рекомендуется сузить или существенно изменить.
- в) должен быть сужен или существенно изменен, от части продуктов необходимо полностью отказаться.

26. При сборе материальных средств для своей деятельности руководство группы ...

- а) НЕ допускает сомнительные или преступные методы.
- б) одобряет любые методы, в том числе и преступные.

27. Когда и как членам группы вступать в интимные отношения с супругом или партнером ...

- а) они решают сами.
- б) они решают сами, но при этом им рекомендуется ориентироваться на представления группы о допустимом при интимной близости (интимная близость разрешена только в определенное время, в определенных позах и т. п.).
- в) они решают сами, но при этом обязаны ориентироваться на представления группы о допустимом при интимной близости.
- г) либо решает наставник, либо романтические/интимные отношения запрещаются группой вообще.

28. Учение группы — путь ...

- а) хороший, но есть и другие пути, ведущие к истине.
- б) самый верный, остальные учения — заблуждения.
- в) единственно верный, остальные учения — зло.

29. О времени, потраченном на духовные практики (молитвы, мантры, медитации или другие принятые в группе формы выражения веры), члены группы ...

- а) отчитываться НЕ должны.
- б) обязаны отчитываться.

30. Члены группы проживают ...

- а) у себя дома.
- б) дома, но периодически принимают участие в многодневных мероприятиях, которые подразумевают совместное проживание с другими членами группы.
- в) вместе с другими членами группы.

31. Для контроля за членами группы специальные технические средства (скрытые видеокамеры, жучки и т. п.) ...

- а) НЕ используются.
- б) используются.

32. Если законы государства вступают в конфликт с учением группы, ...

- а) то как поступать, каждый член группы решает сам.
- б) то их однозначно следует игнорировать. Учение — всегда главный закон для членов группы.

33. Количество приемов пищи в день членам группы ...

- а) НЕ ограничивается, есть можно всегда.
- б) рекомендуется периодически сокращать (пост, определенное время суток и т. п.).
- в) надо периодически сокращать.
- г) сокращается ежедневно, потреблять пищу можно только в определенное время суток и/или НЕ более определенного количества раз.

34. О своем материальном благосостоянии члены группы ...

- а) отчитываться НЕ должны.
- б) обязаны отчитываться.

35. Применение психоактивных веществ, усиливающих внушаемость, в группе ...

- а) НЕ допускается.
- б) допускается, наставники периодически добавляют их в пищу или напитки членов группы.

36. Супруга или партнера для романтических/интимных отношений члены группы ...

- а) могут выбирать как в группе, так и вне ее.

б) могут выбирать и за пределами группы, тогда партнера настоятельно рекомендуется привлечь в группу.

в) могут выбирать только в группе, а понравившегося за пределами группы человека должны привлечь в нее, если хотят начать с ним отношения.

г) НЕ выбирают. Либо его выбирает наставник, либо романтические/интимные отношения в целом запрещены группой.

37. Взносы или пожертвования члены группы ...

а) делают добровольно, частота и щедрость отчислений НЕ влияют на их духовный рост.

б) делают добровольно, но частота и щедрость отчислений влияют на их духовный рост.

в) обязаны делать регулярно, есть сумма минимального пожертвования (взносы, десятина и т. п.).

г) делают в объеме всего своего материального имущества, которое должно принадлежать группе.

38. По представлениям группы, ее члены ...

а) такие же люди, как и другие.

б) особенные, так как в отличие от других встали на истинный путь.

в) избранные, значительно превосходящие других.

39. Обсуждать и критиковать решения руководства члены группы ...

а) вправе свободно и по любым вопросам.

б) могут лишь по вопросам организации деятельности (тактики), но НЕ по вопросам интерпретации учения или стратегии развития группы.

в) НЕ могут ни по каким вопросам, любое решение руководства — закон для члена группы.

40. Количество потребляемой членами группы в день пищи ...

а) НЕ ограничивается.

б) рекомендуется ограничить, так как это поможет духовному росту.

в) строго ограничено, многие из них испытывают постоянное чувство голода.

41. На исповеди (или ее аналоге) члены группы ...

а) решают сами, о чем рассказывать, а о чем нет.

б) отчасти решают сами, о чем рассказывать, а о чем нет, но есть вещи, в которых они обязаны отчитываться.

в) обязаны рассказывать обо всех грехах, мыслях и сомнениях.

42. Читать, смотреть и слушать членам группы ...

а) можно все, и они сами вправе определять, что им полезно, а что нет.

б) можно многое, но есть информация, которая мешает духовному росту, поэтому от знакомства с ней рекомендуется воздержаться.

в) можно далеко НЕ все, есть информация (например, критика группы), знакомиться с которой запрещено.

г) допускается лишь источники, издаваемые или одобряемые самой группой.

43. Жертвоприношения с применением насилия или кровопролитием в группе ...

а) НЕ практикуются.

б) практикуются.

44. Люди, становясь членами группы, от своего прошлого ...

а) отречься НЕ должны.

б) отрываются в духовно-символическом смысле (покаяние, перерождение и т. п.) и обязуются отказаться от поведения и привычек, несовместимых с учением группы.

в) отрываются полностью, в том числе отказываясь от прошлых социальных обязательств и связей (уход с работы, из семьи, отказ от общения с друзьями и т. п.).

45. Сбор средств вне группы (сбор пожертвований на улицах, торговля различными предметами и атрибутами и т. п.) ...

а) членами группы осуществляется добровольно.

б) членам группы рекомендуется проводить как можно чаще, так как от этого зависит их духовный рост.

в) члены группы обязаны осуществлять регулярно.

46. Общение членов группы с близкими и родственниками ...

а) НЕ ограничивается, даже если они критикуют группу, ее учение или основателя.

б) рекомендуется ограничить в случае, если они критикуют группу, ее учение, основателя или обсуждают темы, которые мешают духовному росту.

в) необходимо ограничить в случае, если они НЕ принимают группу, ее учение, основателя или обсуждают темы, которые мешают духовному росту.

г) надо полностью прекратить, так как настоящая семья — это группа.

47. Наблюдать за другими членами группы ...

а) НЕ надо, каждый отвечает за себя сам.

б) рекомендуется, так это поможет им удержаться на истинном пути.

в) надо обязательно, так как группа представляет собой единое целое и ее духовное состояние зависит от каждого.

48. Люди, которые покинули группу, ...

а) такие же, как и оставшиеся в ней, у любого человека есть право на осмысленный выбор своего пути.

б) по сравнению с оставшимися — слабые, НЕ устоявшие на истинном пути.

в) предатели или враги.

49. Жесткие требования к внешнему виду, одежде или ношению специальной атрибутики в группе ...

а) отсутствуют вообще или они есть, но относятся только к мероприятиям группы.

б) присутствуют, каждый член группы всегда обязан внешне выглядеть так, как это принято в группе.

50. В местах индивидуального пользования (ванна, душ, туалет, комната для переодевания и т. п.) за членами группы ...

а) наблюдение осуществлять недопустимо.

б) может осуществляться наблюдение, если наставник сочтет это необходимым.

51. С покинувшими группу ...

а) можно общаться так же, как и со всеми остальными людьми.

б) общение рекомендуется ограничить (например, нельзя обсуждать учение).

в) любое общение запрещено.

52. О том, сколько времени тратить на изучение духовной литературы, прослушивание (просмотр) посвященных учению аудиовидеоматериалов, посещение проповедей, лекций, семинаров наставника и руководства, члены группы ...

а) отчитываться НЕ должны.

б) обязаны отчитываться.

53. Супруга или партнера для романтических/интимных отношений члены группы ...

а) выбирают сами.

б) выбирают сами, но в отношении выбранной кандидатуры рекомендуется получить одобрение наставника.

в) выбирают сами, но в отношении выбранной кандидатуры обязаны получить одобрение наставника.

г) НЕ выбирают. Либо его выбирает наставник, либо романтические/интимные отношения запрещаются группой вообще.

54. В случае если члены группы НЕ получили обещанный им в земной жизни результат (здоровье, успех, сверхспособности и т. п.) ...

а) допускается, что это может быть связано в том числе и с ошибками руководства.

б) виноваты всегда они сами (мало верили, недостаточно усердно старались и т. п.). Руководство группы ошибаться НЕ может.

55. Хозяйственные работы в группе (строительство и обустройство культовых помещений, ведение быта и т. п.) ...

а) члены группы делают добровольно.

б) членам группы рекомендуется делать периодически, так как это влияет на их духовный рост.

в) члены группы обязаны делать постоянно.

56. К интимной близости с наставником или руководством привлекать членов группы ...

а) недопустимо.

б) допустимо.

57. При вступлении в группу новое имя ее членам ...

а) НЕ дается вообще либо дается чисто символически, без требования его обязательного употребления.

б) дается, но его употребление распространяется только на внутригрупповые мероприятия.

в) дается и распространяется на все сферы жизни. Члены группы требуют от всех, с кем вступают в контакт, обращаться к ним только по новому имени.

58. Об объеме своих материальных пожертвований члены группы ...

а) отчитываться НЕ должны.

б) обязаны отчитываться.

59. При контактах членов группы с людьми, НЕ принадлежащими к группе (например, для привлечения их к мероприятиям группы или сбору пожертвований), ...

а) исказить или скрывать потенциально непривлекательную информацию о группе или о цели общения недопустимо.

б) допускается возможность искажения или сокрытия информации о группе или цели общения, если она может показаться непривлекательной (скрывать наиболее известное название организации, имя/псевдоним ее основателя; при сборе пожертвований для группы в качестве цели называть благотворительность и т. п.).

в) рекомендуется исказить или скрывать потенциально непривлекательную информацию о группе или о цели общения. Для введенных в заблуждение людей считается благом неосознанно послужить миссии группы.

60. Обычно выбор места учебы или работы члены группы ...

а) осуществляют самостоятельно, при желании советуясь с наставником.

б) осуществляют после согласования с наставником, который оценит, насколько выбранная профессия или место работы соответствующим учению и способствуют духовному росту.

в) НЕ осуществляют, так как членам группы вообще запрещается учиться или работать вне группы.

61. В случае если группа НЕ получила ожидаемый результат в запланированной деятельности (увеличение членов, осуществление проектов и т. п.), ...

а) допускается, что это может быть связано в том числе и с ошибками руководства.

б) виноваты в этом члены группы, так как НЕ смогли правильно понять и исполнить замыслы руководства.

62. Скрытые методы воздействия на сознание (например, ультразвук, не воспринимаемый слухом) в отношении своих членов группа ...

а) НЕ использует.

б) периодически использует.

63. Приобщать несовершеннолетних детей к мероприятиям группы, ее образу жизни и ритуалам ...

а) или НЕ делать этого является личным решением членов группы.

б) членам группы настоятельно рекомендуется, так как это поможет детям в будущем обрести истинный путь.

в) члены группы обязаны.

64. Люди, которые критикуют учение группы или ее основателя, ...

а) имеют право на свою точку зрения, у них просто другой путь.

б) заблуждаются, теряя шанс выбрать верный путь, но считаться с их мнением надо.

в) либо слепцы, отказывающиеся прозреть и увидеть истину, либо враги.

65. О том, как именно члены группы поняли духовную литературу, посвященные учению аудиовидеоматериалы, проповеди, лекции, семинары наставника и руководства, они ...

а) отчитываться НЕ должны.

б) обязаны отчитываться.

66. Практика исповеди или ее аналога ...

а) носит добровольный характер: члены группы исповедуются по своему желанию и потребности.

б) носит рекомендательный характер, но от частоты и глубины ее исполнения зависит духовный рост членов группы.

в) носит обязательный характер, все члены группы обязаны регулярно ее проходить.

67. Общение членов группы с друзьями, которые НЕ состоят в группе, ...

а) НЕ ограничивается, даже если они критикуют группу, ее учение или основателя.

б) рекомендуется ограничить в случае, если они критикуют группу, ее учение, основателя или обсуждают темы, которые мешают духовному росту.

в) необходимо ограничить в случае, если они НЕ принимают группу, ее учение, основателя или обсуждают темы, которые мешают духовному росту.

г) надо полностью прекратить, так как настоящие друзья могут быть только в группе.

68. В отношении людей, которые НЕ разделяют учение группы, без их ведома ритуальные обряды ...

а) НЕ проводятся.

б) проводятся (например, освящение пищи, которая, затем им предлагается, их предметов быта, перекрещение их умерших родственников и т. п.).

69. Если законы государства вступают в конфликт с распоряжениями руководства, ...

а) то как поступать, каждый член группы решает сам.

б) то такие законы надо игнорировать и следовать указаниям руководства.

70. Пытаться привлечь близких, родственников и друзей к учению и мероприятиям группы ее ...

а) члены НЕ должны.

б) членам настоятельно рекомендуется, поскольку это поможет и тем, кого привлекают, и самим членам группы.

в) члены обязаны.

Ключ к опроснику СВК

Во всех пунктах ответ «а» оценивается в 0 баллов. Каждый самый последний ответ («б», «в» или «г») оценивается в 1 балл. Остальные ответы соответственно количеству вариантов ответов. Если в вопросе три варианта ответов («а», «б», «в»), то вариант «б» получает 0,5 балла. Если в вопросе четыре варианта ответа («а», «б», «в», «г»), то вариант «б» получает 0,33 балла, а вариант «в», соответственно, 0,66. Количество баллов каждой шкалы суммируется.

ШКАЛА: УЧЕНИЕ

1, 7, 12, 18, 28, 32, 38, 44, 48, 51, 59, 64, 68;

ШКАЛА: ОСНОВАТЕЛЬ И СТИЛЬ РУКОВОДСТВА

2, 13, 21, 39, 54, 61, 69;

ШКАЛА: ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ — ДОБРОВОЛЬНОСТЬ

3, 15, 22, 37, 45, 55, 66;

ШКАЛА: ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

4, 6, 8, 10, 14, 16, 19, 23, 25, 27, 30, 33, 36, 40, 42, 46, 49, 53, 57, 60, 63, 67, 70;

ШКАЛА: КОНТРОЛЬ

5, 9, 20, 24, 29, 34, 41, 47, 52, 58, 65;

ШКАЛА: ДОСТОВЕРНОСТЬ

11, 17, 26, 31, 35, 43, 50, 56, 62; (суммировать все ответы «б»)

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон Э., Пратканис Э., Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб: Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
2. Асланян В.Ю. Психологическое воздействие служителей деструктивных религиозных культов как предмет профессиональной оценки экспертами-психологами. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 25 с.
3. Баркер А. Новые религиозные движения. СПб: Изд-во русского христианского гуманитарного института, 1997. 193 с.
4. Волков Е.Н. Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога. 1996. № 2. С. 87–93.
5. Дворкин А.Л. Сектоведение. Н. Новгород: Христианская библиотека. 2012. 816 с.
6. Елкин В.Ф. Тоталитаризм в религиозных группах: социально-психологический аспект // Мир науки, культуры, образования. № 6. 2014. С. 245–248.
7. Иваненко С.И. Свидетели Иеговы – традиционная для России религиозная организация. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2002. 208 с.
8. Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2006. 472 с.
9. Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма. СПб: Прайм-Еврознак, 2005. 576 с.
10. Митина О.В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2011. 240 с.
11. Наследов А.Д. SPSS. Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб: Питер, 2007. 416 с.
12. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. СПб: Прайм-Еврознак, 2001. 440 с.
13. Чалдини Р. Психология влияния. 4-е межд. изд., СПб: Питер, 2006. 286 с.
14. Biderman's Chart of Coercion in Amnesty International report on Torture. London, Gerald Duckworth & Co. 1975. P. 53.
15. Bonewits I., The Advanced Bonewits' Cult Danger Evaluation Frame [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.neopagan.net/IB_E-Lists.html (дата обращения: 27.06.2014)
16. Chambers W.V. Ph.D.; Langone, M.D. Ph.D.; Malinoski, P.M. The Group Psychological Abuse Scale. Presented to Division 36 (Psychology of Religion), American Psychological Association Annual Meeting, Toronto, Canada August, 12, 1996.
17. Nishida K. Development of the study of mind-control in Japan // Cultic Studies Review. 2005. Vol. 4. No. 3. P. 4–16.
18. Singer M.T., Lalich J. Cults in our midst. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1997. 426 p.
19. West L.J., Langone M.D. Cultism: A conference for scholars and policy makers // Cultic Studies Journal. 1986. No. 3. P. 117–134.
20. Yeakley F.R. Church Growth Research Concerning the Discipling Movement Among Churches of Christ // Discipling Dilemma: A Study of the Discipling Movement Among Churches of Christ / F.R. Yeakley (ed.). Nashville, TN: Gospel Advocate Press. 1988. P. 1–86.

Creation of the questionnaire “Social intervention and control (SIC)” for researching static components of totalitarianism in religious groups

V. YOLKIN*,
European Parliament, Riga, Latvia,
v.yolkin@inbox.lv

The article covers the procedure of elaborating the questionnaire “Social intervention and control in a religious group” (SIC) and its adaptation. The questionnaire was created as one of two methods for revealing totalitarian inclinations in various religious communities. Earlier, we had established that there are five static and one dynamic components characterising the totalitarianism in religious groups. The SIC questionnaire is aiming to reveal the static components. When elaborating the questionnaire, the specific features characterising each of the components have been found, based on an analysis of available sources of information. Those features have been generalized and organized into working scales. Furthermore, procedures for improving validity and reliability of the method have been conducted — expert evaluations, the pilot study and the main study, and re-testing. Currently, the method allows to estimate the degree of expression of the static components of totalitarianism in religious groups.

Keywords: totalitarian religious group, totalitarian cult, destructive cult.

REFERENCES

1. Aronson E., Pratkanis E., Epokha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie [Age of propaganda: The everyday use and abuse of persuasion]. Saint-Petersburg: Praym-EVROZNAK, 2003. 384 p. (In Russ.)
2. Aslanyan V.Yu. Psikhologicheskoe vozdeistvie sluzhitelei destruktivnykh religioznykh kul'tov kak predmet professional'noi otsenki ekspertami-psikhologami. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Psychological impact of destructive religious cults servants as a matter of professional valuation experts psychologists. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2009. 25 p.
3. Barker A. Novye religioznye dvizheniya [New Religious Movements]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1997. 193 p. (In Russ.)
4. Volkov E.N. Prestupnyi vyzov praktcheskoi psikhologii: fenomen destruktivnykh kul'tov i kontrolya sozaniya (vvedenie v problemu) [The criminal challenge of practical psychology: the phenomenon of destructive cults and consciousness control (introduction

For citation:

Yolkin V. Creation of the questionnaire “Social intervention and control (SIC)” for researching static components of totalitarianism in religious groups. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 146–165. doi:10.17759/sps.2018090315 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Yolkin Victor* — Master of Psychology, Deputy Assistant, European Parliament, Riga, Latvia, v.yolkin@inbox.lv

- to the problem)]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa [Journal of Practical Psychology]*, 1996, no. 2, pp. 87–93.
5. Dvorkin A.L. *Sektovedenie [Sectology]*. Nizhny Novgorod: Khristianskaya biblioteka, 2012. 816 p.
 6. Elkins V.F. Totalitarizm v religioznykh gruppakh: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Totalitarianism in Religious Groups: Socio-Psychological Aspect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education]*, 2014, no. 6, pp. 245–248.
 7. Ivanenko S.I. *Svideteli Iegovy – traditsionnaya dlya Rossii religioznaya organizatsiya [Jehovah's Witnesses are a traditional religious organization for Russia]*. Moscow: Art-Biznes-Tsentr, 2002. 208 p.
 8. Kanterov I.Ya. *Novye religioznye dvizheniya v Rossii (religiovedcheskii analiz) [New Religious Movements in Russia (Religious Analysis)]*. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, 2006. 472 p.
 9. Lifton R. *Tekhnologiya “promyvki mozgov”: psikhologiya totalitarizma [Thought Reform and the Psychology of Totalism]*. Saint-Petersburg: Praym-EVROZNAK, 2005. 576 p. (In Russ.).
 10. Mitina O.V. *Razrabotka i adaptatsiya psikhologicheskikh oprosnikov [Development and adaptation of psychological questionnaires]*. Moscow: Smysl, 2011. 240 p.
 11. Nasledov A.D. *SPSS. Kop'yuternyi analiz dannykh v psikhologii i sotsial'nykh naukakh [SPSS. Computer analysis of data in psychology and social sciences]*. Saint-Petersburg: PITER, 2007. 416 p.
 12. Khassen S. *Osvobozhdenie ot psikhologicheskogo nasiliya [Exemption from psychological violence]*. Saint-Petersburg: Praym-EVROZNAK, 2001. 440 p. (In Russ.)
 13. Chaldini R. *Psikhologiya vliyaniya [Psychology of influence]*. 4 mezhd. izdanie [4 international edition]. Saint-Petersburg: Piter, 2006. 286 p. (In Russ.)
 14. *Biderman's Chart of Coercion in Amnesty International report on Torture*. London, Gerald Duckworth & Co., 1975, p. 53.
 15. Bonewits, I., *The Advanced Bonewits' Cult Danger Evaluation Frame [Elektronnyi resurs]*. Available at: http://www.neopagan.net/IB_E-Lists.html (Accessed: 27.06.2014).
 16. Chambers, W.V. Ph.D.; Langone, M.D. Ph.D.; Malinoski, P.M. *The Group Psychological Abuse Scale*. Presented to Division 36 (Psychology of Religion), American Psychological Association Annual Meeting, Toronto, Canada August, 12, 1996.
 17. Nishida K. *Development of the study of mind-control in Japan*. *Cultic Studies Review*, 2005. Vol. 4, no. 3, pp. 4–16.
 18. Singer M.T., Lalich J. *Cults in our midst*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1997. 426 p.
 19. West L.J., Langone M.D. *Cultism: A conference for scholars and policy makers*. *Cultic Studies Journal*, 1986, no. 3., pp. 117–134.
 20. Yeakley F.R. *Church Growth Research Concerning the Discipling Movement Among Churches of Christ*. In F.R. Yeakley (ed.). *Discipling Dilemma: A Study of the Discipling Movement Among Churches of Christ*. Nashville, TN: Gospel Advocate Press, 1988, pp. 1–86.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Комплексное исследование коллективных переживаний социальных проблем: количественные и качественно-количественные методы

Т.П. ЕМЕЛЬЯНОВА*,
ИП РАН, Москва, Россия,
t_emelyanova@inbox.ru

Т.В. ДРОБЫШЕВА**,
ИП РАН, Москва, Россия,
drobysheva@psychol.ras.ru

В статье освещаются результаты комплексного исследования коллективных чувств в отношении значимых социальных явлений у студентов — жителей районного центра в сравнении со столичными студентами. Выборка составила 127 человек (67 человек — жители районного центра и 60 человек — москвичи). Использовалась комбинация количественных и качественно-количественных методов: интервью, опросник, тесты, незаконченные предложения и фокус-группы. Результаты показывают, что комплексы преобладающих чувств в обеих группах различаются: в группе жителей районного центра наблюдается испуганно-пассивная окраска чувств, в то время как в группе столичных студентов — раздраженно-активная окраска. Позитивные чувства у представителей обеих групп касаются прежде всего сферы развлечений и досуга, технологических новинок в сфере связи, выполняя компенсаторную функцию в стабилизации эмоционального состояния. Стратегии ментального совладания с социальными проблемами в двух группах оказались сходными: «бегство-избегание» (31%) и «негативно-беспомощная» реакция (20%). Стратегии поиска социальной под-

Для цитаты:

Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Комплексное исследование коллективных переживаний социальных проблем: количественные и качественно-количественные методы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 166–175. doi:10.17759/sps.2018090316

* Емельянова Татьяна Петровна — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, Россия, t_emelyanova@inbox.ru

** Дробышева Татьяна Валерьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, Россия, drobysheva@psychol.ras.ru

держки, принятия ответственности, планирования решения проблемы и другие продуктивные стратегии выражены слабо.

Ключевые слова: коллективные чувства, страхи и тревоги, стратегии ментального совладания, методические приемы, большие группы, значимые социальные явления.

Коллективные эмоциональные переживания были предметом изучения ведущих российских психологов, большой вклад в понимание их природы внесли Г.М. Андреева, Д.В. Ольшанский, Б.Д. Парыгин, Б.Ф. Поршнев, Е.В. Шорохова и др. [1; 10; 11; 12; 16]. Анализируя структуру психологии больших социальных групп, Г.М. Андреева называет два ее основных компонента: психический склад и эмоциональная сфера [1]. В зарубежной социальной психологии активно ведутся исследования эмоций, разделяемых с другими людьми [18]. Коллективные чувства — это стабильные, разделяемые членами социальной группы, переживания, которые имеют отношение к экономическим, политическим, региональным аспектам жизни людей. Будучи компонентами психологии больших групп, коллективные чувства характеризуют с эмоционально-ценностной стороны ментальность этих групп. Ментальность трактуется нами вслед за Е.В. Харитоновой [15] и А.В. Юревичем [17] как комплекс убеждений, при посредстве которых происходит восприятие членами большой социальной группы различных сторон социальной реальности — экономики, политики, религии. Коллективные чувства могут служить отличительным признаком для понимания особенностей психологии социальной группы в целостном менталитете общества. В комплексном исследовании (2016—2018 гг.) мы выявляли специфические черты коллективных чувств респондентов с разной ментальностью: в

одном случае — в сфере политики [7], в другом — в плане религиозности [8].

Программа эмпирического исследования

В рамках расширенной программы исследования мы предприняли в 2017 г. работу, целью которой было сопоставление коллективных чувств, порождаемых актуальными социальными процессами и явлениями, у студентов регионального вуза и столичных студентов (все студенты-гуманитарии). Районный центр, в котором находится региональный вуз, расположен в одной из ближайших к Москве областей.

Выборка. Общий объем выборки — 127 человек (67 человек — жители районного центра и 60 человек — москвичи). Условия проживания в мегаполисе и малом городе отличаются по плотности населения, темпу и ритму жизни горожан, временной протяженности передвижения в пространстве города, уровню насыщенности информационной среды, качеству предоставляемых населению услуг и т. п. Все вышеизложенное послужило основанием для формулировки гипотезы эмпирического исследования.

Гипотеза исследования — черты ментальности, определяемые местом проживания молодежи (районный центр или столица), являются фактором порождения их чувств в отношении явлений социальной действительности.

Методы. Особую проблему при изучении коллективных чувств составляет выбор методического приема, который обеспечил бы углубленное и всестороннее изучение феномена. Исходя из этого было предпринято комплексное качественно-количественное исследование. Особенность организации программы исследования состояла в комбинации количественных и качественно-количественных методик, а также методических приемов на разных этапах исследования.

Работа по конструированию основного методического инструмента — авторского варианта опросника, построенного по типу шкал Лайкерта, — включала несколько этапов. Так, на первом (качественном) этапе было применено полуструктурированное интервью. Респондентам предлагалось вспомнить и перечислить наиболее значимые для них социальные явления, события, которые, во-первых, являются наиболее важными лично для них; во-вторых, затрагивают интересы их семьи, друзей, других близких людей; в-третьих, затрагивают интересы всех россиян. Использованный прием (для себя — для других) позволил расширить список социальных явлений, указываемых респондентами. Все полученные данные обрабатывались с помощью контент-анализа и частотного анализа. В результате был сформирован список значимых событий, явлений и список чувств, которые они вызывают. Впоследствии составлялся общий протокол, в котором слева в колонке располагался список значимых социальных явлений, а справа — чувства, которые испытывают респонденты относительно этих явлений. Инструкция к протоколу включала информацию, что участники исследования могут отметить разные, а могут — одни и те же социальные явления или события, не связывая это с тем, для

кого именно они являются значимыми и важными. Результатом работы стал уточненный список наиболее значимых для респондентов явлений и событий общественной жизни, а также список чувств, порождаемых этими явлениями.

На втором этапе исследования участникам было предложено оценить по 5-балльной шкале интенсивность переживаемых чувств относительно перечисленных социальных явлений, событий. Протокол включал матрицу, в которой по вертикали были перечислены значимые социальные явления, а по горизонтали — чувства, которые они вызывают. Полученные данные анализировались с помощью частотного анализа. Использование такого приема позволило проанализировать наиболее сильно переживаемые чувства относительно значимых социальных явлений по степени интенсивности.

Предполагалось, что применение интервью на начальном этапе обеспечит более высокую валидность опросника, составленного на основе контент-анализа данных этих интервью. При конструировании опросника как основного метода исследования был заложен такой параметр анализа данных, как различие в степени интенсивности переживания коллективных чувств, — от наименее до наиболее переживаемых в конкретной социальной группе [6].

На третьем (дополнительном) этапе работы проведение фокус-группового исследования предполагало получение более разнообразного и лично окрашенного массива данных за счет спонтанного выражения респондентами своих мнений. С целью анализа способов совладания респондентов с чувствами, порождаемыми значимыми социальными явлениями, в программу исследования был включен авторский вариант методического приема «Незаконченные

предложения». Предполагалось, что полученный массив данных позволит дать оценку готовности участников исследования к тем или иным формам поведения под влиянием возникших негативных чувств («Незаконченные предложения», авт. Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева).

Дополнительно в программу эмпирического исследования был включен набор стандартизированных методик с целью анализа социально-психологических факторов порождения коллективных чувств: «Ценностные ориентации» Е.Б. Фанталовой [14], «Социальная идентичность» Н.И. Даудрих [3], «Макроэкономические факторы тревоги» Т.В. Дробышевой [4], уровень удовлетворенности жизнью выявляли по опроснику оценки счастья М. Селигмана [13]. Все данные обрабатывались в программе SPSS 22.0.

Анализ и обсуждение результатов

Для сопоставления ранговой структуры коллективных чувств респондентов двух групп было проведено ранжирование данных авторского опросника интенсивности переживаемых чувств относительно важнейших социальных явлений (по двум группам). Результаты свидетельствуют о том, что у респондентов обеих групп преобладают негативные чувства в адрес актуальных общественных событий. У региональных студентов на первых местах рейтинга оказались беспокойство, тревога (1-й ранг), разочарование (2-й ранг), страх (3-й ранг). В группе московских студентов — разочарование (1-й ранг), чувство несправедливости (2-й ранг), раздражение и злость (3-й ранг). Очевидно, что комплексы преобладающих чувств в двух группах различаются: в 1-й группе наблюдается испуганно-пассивная окраска

чувств, в то время как во 2-й — раздраженно-активная окраска.

Финансовые проблемы порождают в обеих группах чувства разочарования, беспокойства и тревоги — рост цен, падение курса рубля у 30–45% опрошенных; падение доходов населения у 30–50%; реформы в системе образования, науки и медицины (30–34%); рост преступности и коррупции (30–46%); социальная политика государства (30–37%). У московских студентов такие же чувства вызывают информационные войны, снижение морально-нравственных и культурных норм поведения, которые региональных студентов беспокоят меньше.

Региональные студенты сильнее, чем столичная студенческая молодежь, переживают чувство страха в связи с падением доходов населения (25%), с ростом преступности и коррупции (21%), с социальной политикой (19%). Корреляционный анализ (по критерию Спирмена, при $p \leq 0,05$) связи негативных чувств и макроэкономических факторов тревоги показал, что чувство страха в группе региональных студентов значимо связано с проблемой снижения темпов роста российской экономики ($r = -0,26$; $p = 0,048$), с приближавшимися к тому времени выборами президента России ($r = -0,37$; $p = 0,004$) и с опасениями в связи с отсутствием перспектив увеличения доходов ($r = -0,26$; $p = 0,048$).

Обращают на себя внимание результаты, касающиеся переживания чувств радости, веры, надежды. Несмотря на то что интенсивность переживаний в обеих группах примерно одинакова, события, которые вызывают эти чувства, в двух группах несколько различались. Региональные студенты выражали радость по поводу государственных праздников (30%), присоединения Крыма (25% выборки), развития культурных программ и проектов (20%), а

также повышения уровня автоматизации и компьютеризации в стране (19%). Столичные студенты помимо названных общественных явлений одобрительно отзывались об усилении военно-промышленного комплекса (17%). Региональные студенты сильнее переживают патриотические чувства — в частности, присоединение Крыма (21%) и радость в связи с участием в государственных праздниках (16%).

Для дальнейшего более детального анализа внутренних факторов порождения коллективных чувств (ценностных ориентаций и социальной идентичности) была выбрана группа студентов из районного центра (1-я группа). Корреляционный анализ (по критерию Спирмена, при $p < 0,05$) связи чувств и ценностных ориентаций респондентов этой группы показал значимые корреляции между ценностями здоровья, свободы, счастливой семейной жизни и переживанием тревоги по поводу финансовых проблем. При анализе социальной идентичности респондентов 1-й группы было выявлено: чем ближе их связь с семьей, тем сильнее чувства беспокойства и тревоги по поводу падения доходов и роста цен.

Результаты позволяют судить об особенностях коллективных чувств молодежи из районного центра в отношении социальных явлений: тон этих переживаний преимущественно испуганно-пассивный, в то время как в группе столичных студентов — раздраженно-активный. Нужно заметить, что негативные чувства преобладают в обеих группах. Эти данные не противоречат результатам социологических исследований [2, с. 65] в том, что у россиян в целом наблюдается немало страхов и опасений. Вероятно, в силу более скромных условий жизни и социальных проблем в регионе такие явления, как повышение цен, скачки курса валюты, преступность и коррупция,

студентами из районного центра переживаются более сильно, чем москвичами. При этом чувство сопричастности своему народу, своей стране региональными студентами ощущается более интенсивно, а уровень удовлетворенности по шкале счастья у 75% региональных респондентов выше среднего (больше, чем у столичных студентов).

Для выявления стратегий ментального совладания с аффективно нагруженными социальными проблемами применялся авторский вариант методики «Незаконченные предложения». Респондентам предлагались следующие варианты начала фраз: «Когда я не удовлетворен происходящим в обществе, я обычно...», «Когда меня беспокоит то, что происходит в стране или городе, я чаще всего...», «Если происходящее в обществе задевает мои чувства, мне хочется...». Контент-анализ завершений фраз показывает, что наиболее выражена стратегия «бегство-избегание» (ничего не могу, уход в себя, напиюсь, хочу уехать из страны, закрыться от всего этого, игнорирую) — в среднем 31%. Стратегия «планирование решения проблемы» (напишу на сайте, ищу информацию, хочется начать действовать, читаю на информационных порталах, пойду на митинг) — в среднем 20%. Негативно-беспомощная реакция (плачу, злюсь, возмущаюсь, переживаю, расстраиваюсь и огорчаюсь, негодую, кричу) проявилась в среднем у 18% респондентов. Различия между группами обнаружались только в завершениях предложения «Когда я не удовлетворен происходящим в обществе, я обычно...». У студентов регионального вуза преобладает негативно-беспомощная реакция (25%), а у московских студентов — «бегство-избегание» (27,5%).

Для получения более разнообразного и лично окрашенного массива данных о переживаниях респондентов было проведено фокус-групповое исследова-

ние на трех группах молодежи — жителей районного центра, организованное в соответствии со стандартными требованиями [9], в рамках которого обсуждались следующие вопросы: 1. Общественно значимые экономические, политические, финансовые, культурные явления обычно вызывают у людей эмоциональных отклик. Насколько сильно молодежь вашего возраста переживает подобные события и явления в обществе? 2. Какие события в обществе и государстве вызывают у молодежи позитивные чувства? Назовите, пожалуйста, эти чувства и то, с чем именно они связаны. 3. Есть ли события и явления в нашем обществе, в стране, которые вызывают негативные чувства? Что их порождает? Каковы эти чувства?

По результатам тематического контент-анализа выяснилось, что, как и можно было предположить, с наибольшей частотой назывались события, которые уже фигурировали в опросе на втором этапе исследования. Между тем при обсуждении обнаружился более разнообразный набор событий, волнующих респондентов. Участниками активно обсуждались такие явления, как политика санкций в отношении России (негативный отклик: тревога за будущее), участие российских Вооруженных сил в войне в Сирии (как позитивные, так и негативные отклики: чувство справедливости и готовность помочь, растерянность и возмущение), внедрение церкви в светскую жизнь и попытки политического влияния (негативные отклики: возмущение вследствие навязывания взглядов), появление вейперов (негативные чувства: тревога за последствия, возмущение от вседозволенности), появление в социальных сетях так называемых групп смерти (негативные чувства: возмущение, гнев, грусть, тревога, непонимание). Участники позитивно оценили

развитие культурных проектов, появление в этой связи новых рабочих мест, яркость праздничных событий, наличие веселых и интересных гаджетов, а также увлекательность маркетинговой стратегии компании Apple. Следует отметить, что число и интенсивность негативных чувств превышают число и интенсивность позитивных откликов на события, а также имеется большое количество амбивалентных оценок, которые проявились именно в процессе групповых дискуссий. Можно заметить, что позитивные чувства касаются скорее сферы развлечений и досуга, выполняя, по-видимому, компенсаторную функцию в стабилизации эмоционального состояния.

Заключение

Применение комплекса методов позволило в дополнение к статистическим выводам получить более полный перечень социальных событий и явлений, переживаемых молодежью. В частности, позитивные чувства, компенсирующие негативные переживания, как показывают результаты, касаются технологических новинок в сфере связи, культурных проектов, разработки киберпротезов, робототехники, улучшения качества отечественного кинематографа.

В турбулентной общественной ситуации преобладание негативных чувств у молодежи вызывает особую обеспокоенность. Стратегии ментального совладания с социальными проблемами в двух группах оказались сходными: «бегство-избегание» (31%) и «негативно-беспомощная» реакция (20%). Стратегии поиска социальной поддержки, принятия ответственности, планирования решения проблемы и другие продуктивные стратегии не выражены. Студенческая молодежь, которой

принадлежит ключевая роль в будущем развитии страны, остро, непосредственно, но пассивно переживает социальные проблемы. Обнаруженная специфика ментальности этой категории россиян ставит новые исследовательские задачи и свидетельствует о необходимости совершенствования молодежной политики. Результаты исследования позволяют наметить некоторые перспективы дальнейшей разработки проблемы коллективных переживаний социальных проблем разными группами молодежи. Прежде всего необходимо расширять круг методических приемов, включая проективные техники:

психологический рисунок и другие методы визуального анализа; нарративное интервью, методы дискурсивного анализа, поскольку изучение переживаний требует включения разнообразных непрямых методических приемов. Кроме того, большую достоверность и полноту выводов обеспечит расширение выборки с привлечением молодежи разного типа занятости, разного семейного статуса, различной степени политической ангажированности. Аффективные компоненты в структуре ментальности молодежи остаются сложным для изучения, но перспективным предметом социальной психологии.

Финансирование

Работа подготовлена в рамках проекта РФФ № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2004. 365 с.
2. Долгорукова И.В. и др. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 57–66.
3. Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2000. № 12. С. 77–95.
4. Дробышева Т.В. Коллективные чувства к значимым социальным явлениям и способы совладания в группе учащейся молодежи // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие. Материалы IV Международной научной конференции. Кострома: КГУ им. Н.И. Некрасова, 2016. С. 299–301.
5. Дробышева Т.В., Емельянова Т.П. Методический прием исследования динамики коллективных чувств к значимым социальным объектам // Наука. Культура. Общество. М.: ИСПИ РАН, 2017. С. 80–91.
6. Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 1. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 15.04.2018)
7. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Особенности проявления коллективных чувств к значимым социальным явлениям: сравнительный анализ групп с разной политической ориентацией // Наука. Культура. Общество. 2016. № 2. С. 91–104.
8. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Коллективные чувства в отношении значимых социальных явлений: сравнительный анализ групп студентов православных и

- светских вузов [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 53. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1427-emelyanova53.html> (дата обращения: 15.04.2018)
9. Мельникова О.Т. Фокус-группы: Методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс, 2007. 320 с.
 10. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб: Питер, 2002. 368 с.
 11. Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. 328 с.
 12. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. М.: Наука, 1979. 235 с.
 13. Селигман М. Новая позитивная психология. Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: Изд-во «София», 2006. 368 с.
 14. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. — Самара: Издательский дом БАХРАХ-М, 2001. 128 с.
 15. Харитонова Е.В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 226—239.
 16. Шорохова Е.В. Теоретические проблемы исследования больших социальных групп // Социальная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕРСЭ, 2002. С. 252—267.
 17. Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 240—264.
 18. Rimé B. Le partage social des émotions. P.: PUF, 2005. 420 p.

Integrated research of collective feelings for social problems: quantitative and qualitative-quantitative methods

T.P. EMELYANOVA*,

IP RAS, Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru

T.V. DROBYSHEVA**,

IP RAS, Moscow, Russia, drobysheva@psychol.ras.ru

The article highlights the results of a comprehensive study of collective feelings in relation to significant social phenomena among students resident in the district center

For citation:

Emelyanova T.P., Drobysheva T.V. Integrated research of collective feelings for social problems: quantitative and qualitative-quantitative methods. *Sotsial'naiia psikhologĭia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 166—175. doi:10.17759/sps.2018090316 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Emelyanova Tatiana P.* — PhD in Psychology, Professor, professor, Leading Research Associate, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru

** *Drobysheva Tatiana V.* — PhD in Psychology, Senior Research Associate, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, drobysheva@psychol.ras.ru

in comparison with the capital's students. The sample was 127 people (67 people – residents of the regional center and 60 people Muscovites). A combination of quantitative and qualitative-quantitative methods was used: interview, questionnaire, tests, unfinished sentences and focus groups. The results show that the complexes of prevailing feelings in both groups differ – in the group of residents of the district center there is a frightened-passive coloring of feelings, while in the group of metropolitan students there is an irritated-active coloring. Positive feelings among representatives of both groups relate primarily to entertainment and leisure, technological innovations in the field of communication, performing a compensatory function in stabilizing the emotional state. Strategies for mental coping with social problems in the two groups were similar: “flight-avoidance” (31%) and “negatively-helpless” reaction (20%). Strategies for finding social support, taking responsibility, planning a solution to the problem, etc. productive strategies are poorly expressed.

Keywords: *collective feelings, fears and anxieties, strategies for mental coping, methodical approach, large groups, significant social phenomena.*

Funding

The study was supported by the Russian Science Foundation, project 18-18-00439 “Human psychology in the context of global risks”.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Social'naja psihologija [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2004. 365 p.
2. Dolgorukova I.V. i dr. Social'naja trevozhnost' i social'nye opaseniya naselenija Rossii: sociologicheskoe izmerenie [Social anxiety and social fears of the population of Russia: the sociological dimension]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*, 2017, no. 2, pp. 57–66.
3. Daudrih N.I. Social'naya identichnost': metodicheskij aspekt [Social identity: a methodical aspect]. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]* (4M), 2000, no. 12, pp. 77–95.
4. Drobysheva T.V. Kollektivnye chuvstva k znachimym social'ny'm yavleniyam i sposoby sovladaniya v gruppe uchashchejsya molodezhi [Collective feelings for significant social phenomena and ways of coping in a group of students]. *Psihologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitie. [Psychology of stress and coping behavior: resources, health, development]*. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Materials of the IV International Scientific Conference] Kostroma: KGU im. N.I. Nekrasova, 2016, pp. 299–301.
5. Drobysheva T.V., Emel'yanova T.P. Metodicheskij priem issledovaniya dinamiki kollektivny'h chuvstv k znachimym social'ny'm ob`ektam [Methodical expedient of research of dynamics of collective feelings to significant social objects]. *Nauka. Kul'tura. Obshestvo [Science. Culture. Society]*. M.: ISPI RAN, 2017, no. 3–4, pp. 80–91.
6. Emel'yanova T.P. Fenomen kollektivnyh chuvstv v psihologii bol'shih social'nyh grupp [Elektronnyi resurs] [The phenomenon of collective feelings in the psychology of large

- social groups]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2016. Vol. 1, no. 1. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (Accessed 15.04.2018).
7. Emel'janova T.P., Drobysheva T.V. Osobennosti projavlenija kollektivnyh chuvstv k znachimym social'nym javlenijam: sravnitel'nyj analiz grupp s raznoj politicheskoy orientaciej [Features of the manifestation of collective feelings to significant social phenomena: a comparative analysis of groups with different political orientations]. *Nauka. Kul'tura. Obshhestvo* [Science. Culture. Society], 2016, no. 2, pp. 91–104.
8. Emel'janova T.P., Drobysheva T.V. Kollektivnye chuvstva v otnoshenii znachimyh social'nyh javlenij: sravnitel'nyj analiz grupp studentov pravoslavnyh i svetskih vuzov [Elektronnyi resurs] [Collective feelings about significant social phenomena: a comparative analysis of groups of students of Orthodox and secular universities]. *Psihologicheskie issledovanija* [Psychological study], 2017. Vol. 10, no. 53, pp. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1427-emelyanova53.html> (Accessed 15.04.2018).
9. Mel'nikova O.T. Fokus-gruppy: Metody, metodologija, moderirovanie [Focus groups: Methods, methodology, moderation]. Moscow: Aspekt Press, 2007. 320 p.
10. Ol'shanskij D.V. [Psihologiya mass]. St. Petersburg: Piter, 2002. 368 p.
11. Pary`gin B.D. Obshestvennoe nastroyenie [Public mood]. Moscow: My`sl', 1966. 328 p.
12. Porshnev B.F. Social'naya psihologiya i istoriya. [Social psychology and history] 2-e izd. M.: Nauka, 1979. 235 p.
13. Seligman M. Novaya pozitivnaya psihologiya. Nauchny`j vzglyad na schast`e i smy`sł zhizni. [A new positive psychology. A scientific view of happiness and the meaning of life]. Moscow: Izd-vo «Sofiya», 2006. 368 p.
14. Fantalova E.B. Diagnostika i psihoterapiya vnutrennego konflikta. [Diagnosis and psychotherapy of internal conflict]. Samara: Izdatel'skij dom BAHRAH-M, 2001. 128 p.
15. Haritonova E.V. Sootnoshenie ponjatij «mentalitet» i «mental'nost'» [Ratio of the concepts “mentality” and “mental setup”]. In V.A. Kol'cova, E.V. Haritonova (ed.). *Istoriogenez i sovremennoe sostojanie rossijskogo mentaliteta* [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2015, pp. 226–239.
16. Shorohova E.V. Teoreticheskie problemy` issledovaniya bol'shix social'ny`h grupp [Theoretical problems of research of large social groups]. In A.L. Zhuravlev (ed.). *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. M.: PERSE`, 2002, pp. 252–267.
17. Jurevich A.V. Bazovye komponenty nacional'nogo mentaliteta [Basic components of the national mentality] // *Istoriogenez i sovremennoe sostojanie rossijskogo mentaliteta* [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. Otv. red. V.A. Kol'cova, E.V. Haritonova. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2015. pp. 240–264.
18. Rimé B. Le partage social des émotions [Social sharing of emotions] P.: PUF, 2005. 420 p.

Implicit association Self-concept test in studying of violence-related cognitions

I. PLOTKA*,

*Baltic International Academy, Riga, Latvia,
irinaplotka@inbox.lv*

L. SIMANE-VIGANTE**,

*Baltic International Academy, Riga, Latvia,
l.simane@inbox.lv*

N. BLUMENAU***,

*Baltic International Academy, Riga, Latvia,
nina.blum@gmail.com*

The aim of research: to investigate violence-related cognitions with Self-Concept implicit association test (IAT) and self-reported procedures for sentenced and not sentenced males. The research questions: Is there correspondence between the results of measuring implicit associations related to criminal violence using Self-Concept IAT and self-reported criminal attitudes towards violence among sentenced and not sentenced males? Is there a relationship between implicit associations of self with criminal violence measured by Self-Concept IAT and personality traits: psychoticism, neuroticism, extraversion? Is there a relationship between self-reported attitudes towards criminal violence and these personality traits? Participants: 141 males. Groups: “Sentenced” – 77 prisoners, 20–62 years (Mdn = 34) undergoing sentence in high security prisons; “Not sentenced” – 64 previously not sentenced, 18–62 years (Mdn = 32). Violence Self-Concept IAT was specially designed. Self-reported procedures to measure criminal attitudes and personality traits were used. The correspondence between the results of implicit and explicit measurements was found under certain experimental

For citation:

Plotka I., Simane-Vigante L., Blumenau N. Implicit association Self-concept test in studying of violence-related cognitions. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 176–186. doi:10.17759/sps.2018090317 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Plotka Irina* – Doctor of Science in Psychology, Professor, Director of Professional Master Study Programme “Psychology”, Head of the Department Psychology, Baltic International Academy, Riga, Latvia, irinaplotka@inbox.lv

** *Simane-Vigante Laura* – Master of Psychology, Researcher, Department of Psychology, Baltic International Academy, Riga, Latvia, l.simane@inbox.lv

*** *Blumenau Nina* – Doctor of Science in Engineering, Associated Professor, Department of Psychology, Baltic International Academy, Riga, Latvia, nina.blum@gmail.com

conditions. The relationships between the personal traits and attitudes towards criminal violence measured by self-report procedures and IAT were revealed.

Keywords: *Implicit Association Test, Implicit attitude towards violence, Explicit attitude towards violence.*

Introduction

The problem of studying the mechanisms of formation and change of social attitudes of different social groups of the society is actual. For example, attitudes towards violence.

Violence is defined as the most severe type of physical or nonphysical aggression that is likely to cause serious physical or psychological harm [1]. Violence is a subtype of aggression, generally used to denote extreme forms of aggression such as murder, rape and assault. Criminal violence is understood as forms of violence that is against the law [16]. It is important to study associations of violence-related cognitions as they play an important role in a wide variety of violent behaviors.

Implicit cognitions are understood as attitudes and motivations that an individual holds, but is not aware of. A particular cognition may exist as implicit cognition at some times and explicit cognition at others, however, some implicit cognitions may never become explicit cognitions [8; 19].

Studies of cognitions related to violence may help explain violent actions and invest in predicting violent behavior [3]. Polaschek, Calvert, & Gannon [12] by two-part mixed design study tried to explain violence-supportive cognitions (often viewed as distorted and deviant beliefs and desires) of violent male convicts. These beliefs guide the behavior, are stable and resistant to change.

Up to date, violence-related cognitions are mainly measured by explicit measurement methods — directly asking the indi-

vidual to reflect and rate one's attitudes via interview or questionnaire. The big issue is social desirability especially when dealing with the sample of violent offenders, who are reluctant to provide answers on sensitive issues as attitudes towards violence and researchers usually blame social desirability when scores of self-report measures do not provide the desired results [13]. Many cognitive processes are not available to introspection. The activation of the attitude process in memory may require effort and can be either controlled or automatic. The first processes are deliberate, conscious and slow; the second processes are fast, automatic and unconscious. In the first case, we are talking about an explicit attitude (can be assessed by explicit measurement methods), and in the second case, about an implicit attitude (needs to be assessed by implicit measurement methods).

Most of the known studies use standard two-category IAT for assessing attitudes towards aggression and violence, including target categories as “violent” and “non-violent” and attributes as “pleasant” and “unpleasant” (e.g., [18]).

The study by Blumenthal and colleagues [2] argued that valence IAT (violence — good or bad) is not the only dimension violence could be assessed in. They designed three IAT procedures — valence IAT (good vs bad), hedonic-value IAT (enjoy vs dislike) and arousal IAT (exciting vs boring) with the target categories (images) of “Violent” and “Peaceful” researching attitudes towards violence of convicted violent male prisoners, groups: murderers and non-mur-

derers. Proactive and reactive aggression questionnaire (RPQ) was used as a self-report procedure and previous convictions were also taken into account. The results revealed that valence-IAT and hedonic value-IAT showed acceptable levels of reliability, thus proved to be reliable measure for assessing violence-related cognitions. Hedonic-IAT correlated with measures of the general criminality level (previous convictions) in non-homicide group and arousal-IAT had a relationship to the self-reported aggression level in the non-homicide group. It was found that non-homicide group had more convictions and higher level of self-reported aggression than the homicide group.

There are several different other IAT designs that could be used in assessment of associations of violence-related cognitions. Polaschek et al. [13] additionally to a classic two-category IAT (Violence-Housework IAT) used Personalized Weapons-Entertainment/Like–Dislike IAT for measuring attitudes towards violence of violent male convicts before and after 9 months Cognitive-behavioral therapy. Changes were found consistent with a treatment effect according to the gained results of Weapons-Entertainment IAT, but not on the Violence-Housework IAT. Polaschek and colleagues explained that the two IATs differed in many ways – the Weapons-Entertainment IAT used pictorial stimuli as target categories and it was personalized, while the Violence-Housework used all word stimuli, and used traditional evaluations of 'good' and 'bad'. Other authors have suggested that pictorial stimuli [9; 20] and personalized IATs [10] could increase external validity.

Self-Concept IAT was used in a study done by Richetin, Richardson and Mason [15] with the aim at examining the validity of implicit measures of aggressiveness

and predicting aggressive behavior in a situation with or without provocation. Two Self-Concept IATs were constructed for measuring direct and indirect aggressiveness. The target concepts were verbal stimuli Harmful and Harmless and the attribute categories were Self and Other. The results showed that implicitly measured aggressiveness predicted the aggressive behavior, meaning that participants, who showed pro-aggression associations reacted in a more aggressive manner than participants, who did not show pro-aggression associations. Self-report procedures did not show significant correlation with aggressive behavior, meaning that in this case, only implicit measures predicted aggressive behavior.

As the researchers examined different components of violence related cognitions, and used different versions of experimental IAT procedures, it is difficult to compare the results by common criteria. Also the researches differed in designs and samples used in the studies – students, violent male convicts either with or without known psychopathology.

The researchers underline that the correlation between implicit and self-report procedures of psychological construct is not only connected with the problem of the reliability of self-assessment procedures, but also with the need to account for those variables (conditions, sample, context, personality variables etc.) that effect on the consistency of measurements [5].

Mainly the researches are dedicated to the study of compliance of implicit measurements and self-report procedures with antisocial attitudes. However to our knowledge, there are not any researches so far investigating the relationships between implicit measurements of violence and personality traits. Although there are enough

studies of relationship between explicitly measured violence and personality traits. It has been found that certain personality traits are connected to antisocial behavior. Eysenck's on temperament based PEN (Psychoticism, Extraversion, Neuroticism) model reflects the influence of bio-social factors on the development of antisocial behavior, and it states that the criminals should have to provide high scores in all three dimensions of personality [4]. Some studies at least partly support hypothesis of Eysenck, for example, a research measured the influence of different risk factors on violent crime [14].

The aim of research was to investigate violence-related cognitions with Self-Concept IAT and self-report procedures for sentenced and not-sentenced males.

The research questions: (1) Is there correspondence between the results of measuring implicit associations related to criminal violence using Self-Concept IAT and self-reported criminal attitudes towards violence among sentenced and not sentenced males? (2) Is there a relationship between implicit associations of self with criminal violence measured by Self-Concept IAT with personality traits: psychoticism, neuroticism and extraversion? (3) Is there a relationship between self-reported attitudes towards criminal violence with personality traits: psychoticism, neuroticism and extraversion?

Methods

Participants

141 males. Group "Sentenced" – 77 prisoners, 20–62 years ($Mdn = 34$), who were all sentenced at least once for violent crimes (murder, assault, burglary or sexual assault) and serving their sen-

tence in high-security prisons. In sum they had 31 different criminal convictions in their lifetime.

Group "Not Sentenced" – 64 previously not sentenced, 18–62 years ($Mdn = 32$), who have never been sentenced for any criminal offenses and their daily job did not involve violence.

Measures

Violence Self-Concept IAT has been designed on the basis of the Self-Concept IAT by Greenwald and Farnham [7]. The procedure was created in Latvian and Russian languages, and it combined verbal target categories (self-others) and pictorial attributes (violence-peace). The attributes (violent-peaceful) were represented by 12 pictures purchased from "Shutter stock" and "Stock Illustrations". The images were 10x15 cm and were black and white silhouettes of either an action involving physical non-sexual violence (strangle, stab, fight, hit, shoot, cut) or an action involving peaceful activity (to fish, calm, sleep, play, sail and swim). Black and white pictures were used, because after viewing countless detailed, graphic, colorful pictures of violent acts, researchers decided that pictures like that are too disturbing for the participants and it would be unethical to expose them. Peaceful pictures were picked according to actions that are peaceful and do not involve high adrenalin activities (as skiing, parachute jumping), competitive activities (e.g., team sports, racing or boxing) and women (couple activities). All of the pictorial stimuli were specially selected for a male audience.

Apparatus. Certified licensed software E-Prime 2®.

The Self-Concept IAT's procedure. Performance of IAT took on average from 10

to 20 minutes (tab. 1). Participant’s RT was registered. Before the start of the research, a participant was given on a computer monitor the general instructions and specific instructions before each of the tasks.

Self-report procedures – linguistically adapted in Latvian and Russian:

Criminal Attitudes towards Violence Scale (CAVS) [11] ($\alpha = .89$).

The Eysenck Personality Questionnaire Revised-Abbreviated (EPQR-A)” [6] was used ($\alpha = .70$).

Procedure

All the participants took part in the research voluntarily, they were verbally assured that the participation in the research is anonymous. Confidentiality and anonymity was guaranteed. The research was conducted individually. Participants completed the tasks in the same order: Self-Concept IAT and self-reported procedures, which were brief and specially selected for sample with limited attention span. The prisoners were asked to write down how many times they have been sentenced previously and what criminal codes have they been sentenced under. Not sentenced males were approached in their workplace and the procedure was the same.

Results

Variables:

Group – “Sentenced” and “Not sentenced”.

D(IAT) – implicit associations of self with criminal violence. $D \geq 0.15$ – implicit associations with pro-violence, $D \leq -0.15$ – implicit associations with non-violence, $-0.15 < D < 0.15$ – no effect (that means that implicit associations are either weak or conflict).

CAVs – the strength of the self-reported criminal attitude towards violence.

For the group “Sentenced”: *Previously Sentenced, Previously Imprisonment.*

Psychoticism. Neuroticism. Extraversion. Age.

To answer the first research question the correlation coefficients Pearson (*r*) and Spearman (*r_s*) are shown in the tab. 2.

To answer the second and the third research questions, the correlation coefficients were calculated (tab. 3–4).

Discussion

Using a specially designed Self-Concept IAT, implicit associations of self with criminal non-sexual violence were measured, as well as attitudes of criminal non-sexual vio-

Table 1

The procedure of Violence Self-Concept IAT

Block	Trials	Function	Left-key response	Right- key response
1	10	Practice	Me (v)	Others (v)
2	15	Practice	Violence(w)	Peace(w)
3	40	Test	Me(v)+Violence(w)	Others(v)+Peace(w)
4	45	Test	Me(v)+Violence(w)	Others(v)+Peace(w)
5	20	Practice	Others(v)	Me(v)
6	40	Test	Others(v)+Violence(w)	Me(v)+Peace(w)
7	45	Test	Others(v)+Violence(w)	Me(v)+Peace(w)

Note. v – visual category, w – verbal category.

Table 2

The Pearson's (r) and Spearman's (r_s) correlation coefficients ($p < .10$).
Relationship between $D(IAT)$ and $CAVs$ in different subgroups

Group "Sentenced"		Group "Not Sentenced"	
Correlation Coefficient	Subgroups	Correlation Coefficient	Subgroups
$r_s(22) = .57, p = .006$	Neuroticism medium	$r(22) = -.54, p = .010$	18-27 years old
$r(47) = .26, p = .084$	Psychoticism low	$r(23) = .45, p = .032$	28-42 years old
$r(23) = .49, p = .017$	Not previously sentenced	$r(10) = .69, p = .027$	CAVs high
$r(36) = .44, p = .007$	Not previous imprisonment	$r_s(42) = -.31, p = .048$	Psychoticism low
$r(19) = -.39, p = .096$	CAVs low	$r_s(22) = -.49, p = .023$	Extraversion medium

Table 3

The Pearson's (r) and Spearman's (r_s) correlation coefficients ($p < .10$) with $D(IAT)$

Group "Sentenced"		Group "Not Sentenced"	
Correlation Coefficient	Subgroups	Correlation Coefficient	Subgroups
<i>D(IAT) - Neuroticism</i>			
$r(22) = -.40, p = .066$	Neuroticism medium	$r(11) = -.57, p = .068$	$D(IAT)$ - no effect
<i>D(IAT) - Psychoticism</i>			
$r_s(38) = .32, p = .052$	Age medium	$r_s(23) = .40, p = .056$	Age medium
		$r_s(19) = .42, p = .016$	Age above medium
		$r_s(29) = .44, p = .017$	Extraversion high
$r(11) = .83, p = .002$	$D(IAT)$ no effect	$r(18) = .45, p = .058$	CAVs low
		$r(10) = .72, p = .018$	CAVs high
		$r_s(46) = .30, p = .042$	Implicit No-Violence
<i>D(IAT) - Extraversion</i>			
$r(60) = .24, p = .067$	Implicit Non Violence		

Table 4

The Pearson's (r) and Spearman's (r_s) correlation coefficients ($p < .10$) with CAVs

Group "Sentenced"		Group "Not Sentenced"	
Correlation Coefficient	Subgroups	Correlation Coefficient	Subgroups
<i>CAVs-Neuroticism</i>			
$r_s(18) = .46, p = .057$	<i>Age above medium</i>	$r(64) = .32, p = .009$	total
		$r(18) = .64, p = .004$	<i>Neuroticism high</i>
		$r(22) = .46, p = .030$	<i>Psychoticism high</i>
$r_s(22) = .48, p = .023$	<i>Extraversion low</i>	$r_s(21) = .37, p = .097$	<i>Extraversion medium</i>
		$r(29) = .49, p = .007$	<i>Extraversion high</i>
		$r_s(7) = .78, p = .039$	Implicit Pro Violence
		$r(46) = .38, p = .010$	Implicit Non Violence
<i>CAVs-Psychoticism</i>			
$r_s(38) = .29, p = .080$	<i>Age medium</i>	$r(64) = .44, p < .001$	total
		$r_s(23) = .66, p = .001$	<i>Age medium</i>
$r(26) = -.41, p = .059$	<i>Extraversion low</i>	$r(19) = .59, p = .007$	<i>Age above medium</i>
		$r(26) = .57, p = .002$	<i>Neuroticism low</i>
		$r_s(18) = .44, p = .065$	<i>Neuroticism high</i>
		$r(42) = .34, p = .029$	<i>Psychoticism low</i>
		$r(14) = .64, p = .013$	<i>Extraversion low</i>
		$r(29) = .48, p = .009$	<i>Extraversion high</i>
		$r_s(11) = .64, p = .035$	<i>D(LAT) no effect</i>
		$r_s(46) = .39, p = .008$	Implicit No-Violence
		$r(18) = .48, p = .042$	<i>CAVs low</i>
<i>CAVs-Extraversion</i>			
$r(19) = .41, p = .078$	<i>CAVs high</i>		
$r(29) = .35, p = .060$	<i>Psychoticism high</i>	$r(20) = .61, p = .004$	<i>Neuroticism medium</i>

lence were also measured with self-reported procedure in the samples of sentenced and not sentenced males. The most part of the measured implicit associations were associations of self with non-violence in the both groups. This corresponds to previous findings of researches investigating anti-social attitudes with the help of IAT [13; 18].

The first research question. The correspondence between the results of measurements of implicit associations related to criminal violence and self-reported criminal attitudes towards violence was not found in both groups. However, there were found

subgroups of sentenced and not sentenced males, in which either the correspondence of the measurement results or their inconsistency was observed. This result confirmed the assumption of Fazio and Olson [5] about the existence of experimental conditions under which the consistency of the results of implicit and explicit measurements can exist. In this research, such conditions were the group, age, severity of implicit associations of criminal violence with oneself or with others, the severity of attitudes towards criminal violence, measured by self-reporting procedure, the severity of personality traits – psychoticism,

neuroticism and extraversion (measured in the framework of EPQR-A questionnaire) and criminals, who were not previously convicted and imprisoned (tab. 2).

For sentenced males the correspondence of results of measurements were found for the sub-groups with a low level of psychoticism, an average level of neuroticism and participants, who had not previously been sentenced or imprisoned. The tendency to discrepancy of the results of measurements was found for the sentenced who showed explicit attitudes towards non-violence, possibly due to social desirability.

For not sentenced males the correspondence of the results of measurements was also found for participants aged 28–42 and for those who showed pronounced explicit attitudes towards violence. The discrepancy between the results of implicit and explicit measurements was found for participants aged 18–27. 32% of this sub-group showed implicit associations of self with pro-violence. It is known, that young age is one of the main predictors (a risk factor) of convictions for violent crime [17].

The second research question. A tendency has been found for a negative connection between *neuroticism* and implicit associations of self with criminal violence. For the sentenced, it is observed among participants with a moderate level of neuroticism. For the not sentenced – in the event that implicit associations of participants are either weak or conflict (tab. 3).

For both groups, in certain subgroups, implicit associations of self with violence and a high level of *psychoticism* correspond to each other. As well as implicit associations of self with non-violence and a low level of psychoticism correspond to each other. These conditions are in the group

of sentenced of 28–42 years old and participants with conflicting or with non-expressed implicit attitudes towards criminal violence. In the group of not sentenced – these are participants over 27 years old, participants with a high level of extraversion, participants with explicit attitudes towards criminal violence of either low or high level, and participants with implicit associations of themselves with non-violence.

The relationship between *extraversion* and implicit associations of self with criminal violence in the group of not sentenced males was not found. For sentenced participants a tendency to a positive relationship was found.

The third research question. *Neuroticism* is positively associated with attitudes towards criminal violence, measured by self-reporting procedures. It is possible, that high neuroticism corresponds to a pro-violence explicit attitude and vice versa. This is observed for not sentenced participants with high levels of psychoticism, with high levels of neuroticism, with high and medium extraversion, with strong implicit associations. This is also observed in subgroups of sentenced participants above middle age and with a low level of extraversion (tab. 4).

Psychoticism is positively associated with attitudes towards criminal violence measured by self-reporting procedures. In the framework of the Eysenck method used, this means that a high non-normative orientation corresponds to a high explicit attitudes towards violence and vice versa. A high focus on observance of norms corresponds to a high explicit attitude towards non-violence and vice versa. This effect is observed in not sentenced participants in subgroups such as: middle and above middle age, with low psychoticism, with high and

low levels of neuroticism, with high and low extraversion rates, with pronounced implicit associations of self with non-violence and low levels with explicit attitude to non-violence. For Sentenced participants, this effect is observed in subgroups of middle-aged participants and with a low level of extraversion.

Extraversion is positively associated with attitudes towards criminal violence measured by self-reported procedures. For the not sentenced, this is observed only in a subgroup of participants with an average level of neuroticism. For Sentenced, there is a positive relationship in the subgroups of participants with explicit pro-violence and a high level of psychoticism.

If we compare the relationships of personality traits with implicit associations of self with criminal violence and the relationships of personal traits with attitudes towards criminal violence measured by self-reporting procedure, then in both cases there are positive relationships with psychoticism and positive relationships with extraversion. This indicates the validity of IAT.

Conclusions

The conducted research has shown that the Self-Concept IAT measures implicit associations of self with criminal violence. There are groups of participants with specific traits for whom the results of measurements of Self-Concept IAT correspond to measurements of attitudes towards criminal violence by self-report procedures. There are also groups of participants with inconsistent measurement results. The relationship of psychoticism, neuroticism and extraversion with attitudes towards criminal violence measured by self-report procedures, is partly the same as with implicit associations of self with violence.

The limitation of this research was non-homogeneity of the sample.

In future research, it is intended to use other implicit methods to study attitudes towards criminal violence and expand the range of personality traits for the sentenced and not sentenced, including research of the possibilities for overcoming (suppressing) of associations with pro-violence.

REFERENCES/ЛИТЕРАТУРА

1. *APA Dictionary of Psychology*. Washington, DC: American Psychological Association, 2015.
2. *Blumenthal S., Gray N.S., Shuker R., Wood H., Fonagy P., Allonby M., Takala T., Snowden R.* (In press). Implicit measurement of violence-related cognitions // *Psychology of Violence*.
3. *Bowes N., McMurrin M.* Cognitions supportive of violence and violent behavior // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. Vol. 18, pp. 660–665.
4. *Eysenck H.J.* Crime and personality. (3rd ed.). London: Routledge & Kegan Press, 1977.
5. *Fazio R.H., Olson M.A.* Implicit measures in social cognition research: Their meaning and use. // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54, pp. 297–327.
6. *Francis L.J., Brown L.B., Philipchalk R.* (1992). The development of an abbreviated form of the Revised Eysenck Personality Questionnaire (EPQR-A): Its use among students in England, Canada, the USA and Australia // *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13, pp. 443–449.

7. *Greenwald A.G., Farnham S.D.* Using the Implicit Association Test to measure self-esteem and self-concept // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79 (6), pp. 1022–1038.
8. *Moors A., Spruyt A., De Houwer J.* In search of a measure that qualifies as Implicit: Recommendations based on a decompositional view of automaticity // *Handbook of implicit social cognitions* / B. Gawronski & B.K. Payne (Eds.), London: The Guildford Press, 2010. Pp. 522–534.
9. *Niazi A.M.* Effect of music tempo in first-person shooter on arousal and aggression. The Netherlands: Figshare, 2011.
10. *Olson M.A., Fazio R.H.* Reducing the influence of extra-personal associations on the implicit association test: Personalizing the IAT // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 86, pp. 653–667.
11. *Polaschek D.L.L., Collie R.M., Walkey F.H.* Criminal attitudes to violence: Development and preliminary validation of a scale for male prisoners // *Aggressive Behavior*. 2004. Vol. 30 (6), pp. 484–503.
12. *Polaschek D.L.L., Calvert S.W., Gannon T.A.* Linking violent thinking implicit theory-based research with violent offenders // *Journal of Interpersonal Violence*, 2009. Vol. 24, pp. 75–96.
13. *Polaschek D.L.L., Bell R.K., Calvert S.W., Takarangi M.K.T.* Cognitive-behavioural rehabilitation of high-risk violent offenders: investigating treatment change with explicit and implicit measures of cognition // *Applied Cognitive Psychology*. 2010. Vol. 24 (3), pp. 437–449.
14. *Qiu C., Zhao L., Liu X., Yu Y., Meng Y., Wu J., ... Ma X.* Role of psychosocial factors and serotonin transporter genotype in male adolescent criminal activity // *Asia-Pacific Psychiatry*. 2014. Vol. 6, pp. 284–291.
15. *Richetin J., Richardson D.S., Mason, G.D.* Predictive validity of IAT aggressiveness in the context of provocation // *Social Psychology*. 2010. Vol. 41(1), pp. 27–34.
16. *Riedel M., Welsh W.* Criminal violence. Patterns, causes and prevention. New York: Oxford University Press, 2011.
17. *Roche K.M., Ensminger M.E., Ialongo N., Poduska J.M., Kellam S.G.* Early entry into adult roles: Associations with aggressive behavior from early adolescence into young adulthood // *Youth & Society*. 2006. Vol. 38, pp. 236–261.
18. *Snowden R.J., MacCulloch M.J., Smith J., Morris M., Gray N.S.* Implicit affective associations to violence in psychopathic murderers // *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*. 2004. Vol. 15, pp. 620–641.
19. *Snowden R.J., Gray N.S.* Implicit social cognition in forensic settings. // *Handbook of implicit social cognitions*. / B. Gawronski, B.K. Payne (Eds.). London: The Guildford Press, 2010. Pp. 522–534.
20. *Teachman B.A., Woody S.R.* Automatic processing in spider phobia: Implicit fear associations over the course of treatment // *Journal of Abnormal Psychology*. 2003. Vol. 112, pp. 100–109.

ИмPLICITНЫЙ ассоциативный «Я-Концепт» тест в исследовании когнитивных, связанных с насилием

И. ПЛОТКА*,

Балтийская международная академия, Рига, Латвия, irinaplotka@inbox.lv

Л. ШИМАНЕ-ВИГАНТЕ**,

Балтийская международная академия, Рига, Латвия, l.simane@inbox.lv

Н. БЛЮМЕНАУ***,

Балтийская международная академия, Рига, Латвия, nina.blum@gmail.com

Цель исследования заключалась в изучении когнитивных, связанных с насилием, измеряемых имPLICITным ассоциативным «Я-Концепт» тестом (ИАТ) и самоотчетными процедурами у мужчин — осужденных преступников или не имеющих судимости. Исследовательские вопросы: имеется ли соответствие между результатами измерений имPLICITных ассоциаций, связанных с криминальным насилием, с помощью «Я-Концепт» ИАТ и аттитудов к криминальному насилию, измеренных самоотчетными процедурами, среди осужденных и не бывших судимыми мужчин? Существует ли связь между имPLICITными ассоциациями к криминальному насилию, измеренными с помощью «Я-Концепт» ИАТ, с чертами личности: психотизмом, нейротизмом, экстраверсией? Существует ли связь между самоотчетными аттитудами к криминальному насилию с чертами личности? Участники: 141 мужчина. Группы: «Осужденные» — 77 заключенных, находящихся в тюрьме закрытого режима, 20–62 года ($Mdn = 34$); «Неосужденные» — 64, ранее не судимыми, 18–62 года ($Mdn = 32$). Был специально разработан «Я-Концепт» ИАТ «Насилие». Для измерения аттитудов к криминальному насилию были использованы самоотчетные процедуры. При определенных экспериментальных условиях была найдена связь результатов имPLICITных и экспЛИцитных измерений. Были найдены связи личностных черт с аттитудами к криминальному насилию, измеренными с помощью самоотчетных процедур и «Я-Концепт» ИАТ.

Ключевые слова: имPLICITный ассоциативный тест, имPLICITный аттитюд к насилию, экспЛИцитный аттитюд к насилию.

Для цитаты:

Плотка И., Шимане-Виганте Л., Блюменау Н. ИмPLICITный ассоциативный «Я-Концепт» тест в исследовании когнитивных, связанных с насилием // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 176–186. doi:10.17759/sps.2018090317

* Плотка Ирина — доктор психологии, профессор, директор профессиональной магистерской учебной программы «Психология», руководитель департамента психологии, Балтийская международная академия, Рига, Латвия, irinaplotka@inbox.lv

** Шимане-Виганте Лаура — магистр психологии, исследователь, департамент психологии, Балтийская международная академия, Рига, Латвия, l.simane@inbox.lv

*** Блюменау Нина — доктор инженерных наук, ассоциированный профессор, департамент психологии, Балтийская международная академия, Рига, Латвия, nina.blum@gmail.com

Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы

О.А. ТИХОМАНДРИЦКАЯ*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
otihomandr@mail.ru

О.Т. МЕЛЬНИКОВА**,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
melnikova-o@yandex.ru

Рассматривается потенциал качественных методов в изучении образа мира человека в целом и гендерной картины мира в частности. Обосновывается необходимость использования качественных методов, дающих возможность исследовать как результат, так и сам процесс конструирования образа мира. Анализируются представления студентов о кризисе маскулинности (как части гендерной картины мира), которые были получены методом модифицированной фокус-группы. Результаты свидетельствуют о происходящей в настоящее время трансформации традиционной маскулинности — в сфере семейных отношений, в разделении ролей и функциональных обязанностей между мужчинами и женщинами, во внешнем виде современного мужчины, в образах мужчины в СМИ, в особенностях взаимодействия мужчин и женщин. В качестве причин такой трансформации называются социально-экономические факторы, особенности современной социализации мальчиков, кризис института брака, выражающийся, в частности, в росте числа разводов. В статье подчеркивается, что «внутренний» подтекст сформулированных суждений было бы трудно уловить с помощью количественных методов. Качественные методы расширяют возможности исследователя при рассмотрении сложных субъективных и быстро изменяющихся систем, таких как образ мира и, в частности, гендерная картина мира.

Для цитаты:

Тихомандрицкая О.А., Мельникова О.Т. Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 187–196. doi:10.17759/sps.2018090318

* Тихомандрицкая Ольга Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Россия, otihomandr@mail.ru

** Мельникова Ольга Тимофеевна — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Россия, melnikova-o@yandex.ru

Ключевые слова: образ мира, гендерная картина мира, качественные методы исследования, фокус-группа, изучение кризиса маскулинности, трансформация традиционной маскулинности.

Сложность современного мира с его неопределенностью, быстротой происходящих социальных событий, изменением ценностей, норм и установок, множественностью идентичностей — всем, что составляет основу формирования образа социального мира, — заставляет человека конструировать его, исходя из быстро изменяющихся представлений и переживаний. Поэтому современная картина мира может напоминать не строго организованную и стабильную концепцию, а скорее некий калейдоскоп сменяющих друг друга образов социальных объектов. При этом перед социальной психологией, психологией социального познания, по-прежнему стоит задача «детального анализа того, как происходит реконструкция полученной социальной информации» человеком и построения им образа мира [1, с. 188]. В целом на сегодняшний момент можно констатировать усложнение изучения как содержания образа мира человека, так и процесса его конструирования. Особенности восприятия действительности, как и сама новая реальность, требуют новых подходов и методов исследования для понимания того, *какие* именно события происходят в социальном мире и *как* они будут представлены в образе мира человека. Для этого недостаточно использовать в исследовании только традиционные количественные методы, возникает необходимость применения качественных методов, позволяющих изучить как *результат* конструирования образа мира (его содержание), так и сам *процесс* конструирования социальной информации. Именно конструирование образа социального мира является предметом качественных исследований в психологии, а задача качественных

исследований «заключается в том, чтобы достигнуть понимания того, как конструируется мир, т. е. понимания значений и смыслов, которые раскрывают отношение людей к тем или иным сторонам социальной реальности» [7, с. 53].

То же касается и гендерной картины мира, поскольку существующее в настоящее время в транзитивном обществе изменение всех гендерных канонов, гендерной идеологии и, соответственно, гендерных стереотипов, норм и ценностей предполагает конструирование новой картины представлений о мужчинах и женщинах. В свою очередь, для исследования субъективных конструкторов человеческого сознания, содержащих множество различных интерпретаций одних и тех же явлений реальности, «нужна мягкая методология, которую иначе называют качественной» [6, с. 149]. Надо сказать, что гендер как социальная категория определяется, с одной стороны, условиями реальной жизни, с другой — субъективными образами и представлениями людей, создающими гендерную картину мира. Конструируемая гендерная картина мира, как часть общей картины мира, представляет собой сложную систему, основанную на базовых характеристиках гендера — феминности и маскулинности, содержание которых в настоящий момент можно проанализировать в основном исходя из разных существующих дискурсов. Но именно качественные методы находят свое применение там, где необходимо понимание сложного и многозначного гендерного контекста социального положения мужчин и женщин, особенностей гендерных взаимоотношений, а также и самого процесса конструирования гендера.

Возможности качественных методов в гендерных исследованиях можно проиллюстрировать результатами проведенных в 2017 г. фокус-групп с целью изучения представлений студентов о кризисе маскулинности. Как известно, метод фокус-групп является одним из базовых методов сбора качественных данных, представляет собой групповое интервью, проходящее в форме групповой дискуссии. Поэтому процесс воспроизведения своего отношения к предложенной проблеме каждым участником в значительной степени опосредован мнениями других участников. Отношения доброжелательности и доверия между участниками становятся мощным психотехническим средством. Также немаловажным психотехническим средством являются эмоциональные и когнитивные процессы, которые активируются в результате группового обсуждения и деятельности модератора.

Надо сказать, что в настоящее время в соответствии с развитием гендерных исследований и гендерного подхода большой интерес вызывает изучение социального положения и общего контекста жизни мужчин. Начиная с 1970-х гг. как в зарубежной, так и в отечественной литературе, посвященной изучению конструирования маскулинности и психологии мужчин, особой темой стало рассмотрение кризиса маскулинности. Эта проблема имеет свои интеллектуальные и социально-экономические предпосылки. Акцент на кризисе всего мужского был сделан в связи с тем, что «традиционный мужской стиль жизни, а возможно, и сами психологические свойства мужчины не соответствуют современным социальным условиям и что мужчинам приходится платить за свое господствующее положение слишком большую цену» [4, с. 562]. И хотя в каж-

дом человеческом обществе всегда существует несколько моделей маскулинности, доминантной моделью становится та, которая признается большей частью данного конкретного общества [2]. Такой доминантной моделью в самых разных типах общества долгое время была, а во многих обществах и остается **гегемонная маскулинность**, основанная на идеологии и культурных представлениях, совокупности практик и стратегий, направленных на поддержание доминирующих позиций мужчин в определенных институциональных контекстах [5; 9]. В качестве основных характеристик гегемонной маскулинности можно выделить следующие:

- господство над женщинами и другими маскулинностями;
- гетеросексуальность;
- наличие образа «настоящего мужчины», который задает стандарты сравнения, представления об эксклюзивных мужских качествах (брутальность, рациональность, сила, агрессивность, конкуренция, достижения);
- за определением «маскулинность» всегда стоит такая характеристика, как «высокий статус», что вынуждает мужчин всеми силами соответствовать этому показателю своего положения в обществе и в различных социальных институтах;
- основной ценностью гегемонной маскулинности выступает ценность «успешности», связанная, в частности, с такими предписаниями (нормами), как невозможность проявить слабость, стремление всегда опережать других в достижении поставленной цели, быть сильным, решительным и не бояться постоять за себя любой ценой, быть агрессивным, наступательным, доминирующим [3].

В процессе следования всем необходимым проявлениям гегемонной маску-

линности мужчины испытывают высокие физические и психологические нагрузки, постоянный стресс, подавление эмоций, контроль над собой. Следование культурным предписаниям гегемонной маскулинности отрицательно коррелирует с показателями продолжительности жизни и состоянием здоровья [4; 10]. Первоисточником всех мужских проблем и трудностей считаются ограниченность мужской половой роли и соответствующей ей психологии, сексистские стереотипы, от которых страдают не только женщины, но и сами мужчины. Произошедшие социальные трансформации, невозможность справиться в современном мире со всеми поставленными перед мужчинами задачами, связанными с поддержанием такого социального порядка, как гегемонная маскулинность, привели к изменениям, которые могут говорить нам о кризисе маскулинности. Кризис маскулинности — это прежде всего кризис привычного гендерного порядка и традиционной маскулинной идеологии, которая перестала соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям [8]. Так, в сфере производственных отношений происходит преобразование традиционной системы гендерного разделения труда, исчезает поляризация мужских и женских профессиональных ролей, занятий и сфер деятельности. Возрастает роль сервисной экономики и экономики, основанной на знаниях. В настоящее время отсутствуют гарантии карьерного роста и стабильной работы «на всю жизнь», что является основой маскулинной идентичности. При этом традиционная идентификация себя как добытчика у мужчин, попавших в ситуацию безработицы, оборачивается для них потерей символического статуса и проявлением негативных эмоций. Параллельно, хотя и с некоторым отставанием, в политической сфере меняются гендерные отноше-

ния власти. Мужчины постепенно утрачивают былую монополию на политическое влияние, в том числе в связи с увеличением номинального и реального представительства женщин во властных структурах. Растущая вовлеченность женщин в сферу высокооплачиваемого труда и политики, развитие цифрового общества нивелируют социальные различия, характерные для традиционного положения мужчин и женщин в обществе.

В настоящее время социально конструируются и воспроизводятся так называемые новые маскулинности, они рассматриваются как изменчивые во времени и в пространстве, в разных обществах, ситуациях и стадиях жизненного цикла. Еще одним из важных последствий кризиса маскулинности является кризис семьи. Изменения в семье затрагивают распределение семейных ролей, проявляются в снижении значимости позиции отца в семье, проблемы доминирования и власти в семейных отношениях, росте числа разводов по инициативе женщин. Мужчины ощущают невозможность соответствовать нормативным предписаниям гендерной роли, испытывают постоянное недовольство собой и окружающими в связи с невозможностью отвечать ожиданиям общества и предписаниям роли (добытчик и глава семьи). Все это существенно изменило характер социализации мальчиков, в частности, происходит повышение степени влияния на них различных групп сверстников по сравнению с влиянием родителей, прежде всего отца.

В итоге к причинам трансформации маскулинности можно отнести социально-экономические факторы, особенности современной социализации, изменения в традиционных семейных отношениях, появление однополых браков — все это способствует трансформации гендерной

идентичности и изменению социокультурных ролей. В обществе идет процесс ослабления традиционной гендерной поляризации, затрагивающий нормативные и ценностные представления людей, что, в свою очередь, не может не отразиться на содержании их гендерной картины мира.

Итак, кризис маскулинности означает прежде всего утрату гегемонии патриархатной модели маскулинности. При этом, как отмечают Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, можно констатировать кризис маскулинности на уровне системы, а «несостоящуюся маскулинность» — на групповом и индивидуальном уровне [3]. Все это не может не сказаться на представлениях мужчин и женщин друг о друге и о самих себе. Как эти изменения отразились в гендерной картине мира, в частности, молодежи? Для ответа на этот вопрос и было проведено фокус-групповое исследование. Задачами исследования стало изучение представлений о различных проблемах, связанных с кризисом маскулинности, в том числе: об особенностях социализации мальчиков на различных этапах взросления; о разделении ролей и функциональных обязанностей между мужчинами и женщинами; о внешнем виде современного мужчины; об образе мужчины в СМИ; о существовании дискриминации по половому признаку; об особенностях взаимодействия мужчин и женщин.

Одной из задач исследования было проникновение в суть происходящих социальных событий и процессов, связанных с кризисом маскулинности. В рамках обсуждения необходимо было провести развернутый и квалифицированный анализ, который выходил бы за рамки обыденных представлений и стереотипов, а также социальных условий возникновения и развития исследуемого феномена.

В связи с этим было принято решение модифицировать стандартную процедуру фокус-группы. В исследовании приняло участие 45 студентов старших курсов факультета психологии МГУ в возрасте 20—23 лет, выступавших в роли экспертов. На этапе подготовки было проведено подробное обсуждение кризиса маскулинности. Предварительно студенты основательно подготовились к обсуждению, актуализировали свои знания по теме гендерных отношений, ознакомились с основными существующими дискурсами, представленными в публикациях. В соответствии с задачами исследования было выделено несколько базовых содержательных блоков, в которых раскрывались особенности социального и культурного контекстов проявления маскулинности, факторы развития кризиса маскулинности, основные компоненты представлений о гендерной картине мира. Таким образом, были намечены основные группы вопросов для обсуждения в группах. Тематические блоки были разделены между студентами, с тем чтобы каждый мог выступить в роли ведущего (модератора) по выбранной теме.

Работа в группах строилась по следующему принципу. Каждый тематический блок модерировал «эксперт» — студент, выбравший обсуждаемую тему для более глубокого анализа. После завершения обсуждения темы роли менялись: «эксперт» становился рядовым членом группы, а в роли модератора выступал следующий «эксперт», «специализировавшийся» на другой теме.

Для сравнения было решено не проводить предварительную подготовку к обсуждению для части студентов. Они должны были выступать в роли «наивных» респондентов, выражающих мнения о кризисе маскулинности, бытующие в их окружении. Группы проводились одновременно.

Обсуждались следующие темы.

В рамках блока вопросов о современных и традиционных особенностях социализации сравнивались традиции воспитания мальчиков, их отличия от воспитания девочек, игрушки для мальчиков и девочек и их гендерная окрашенность, их влияние на становление личности, роль отца в воспитании мальчиков и девочек и влияние наличия или отсутствия отца на маскулинность мальчиков, роль образования в формировании маскулинности, отношение к службе в армии.

В блоке, посвященном актуальному состоянию института брака, обсуждались все вопросы взаимоотношений в семье, распределение обязанностей, роли обоих родителей в воспитании детей, ответственность за семейное благополучие.

Следующей темой были проблемы профессиональной самореализации мужчин и женщин, сравнение их потенциала и карьерных перспектив, дискриминация полов, сексистские стереотипы, «мужские» должности и обязанности, власть, финансовые показатели и другие индикаторы современного развития соотношения мужских и женских возможностей в сфере трудовых отношений.

Важной темой для обсуждения были отношения между мужчинами и женщинами, особенности поведения мужчин, отношение к проявлениям активности мужчин и женщин, связь между кризисом маскулинности и актуальным состоянием института брака. Отношения к современным формам брака. Моногамное и полигамное поведение мужчин. Изменение поведения мужчин по отношению к женщинам и традиционные представления о нем.

В блоке, касающемся представлений о внешности мужчины, обсуждались следующие вопросы. Изменения внешнего вида мужчины по сравнению с прошлым,

стирание границ между женской и мужской модой, приемлемость посещения салонов красоты и ухода за своей внешностью. Отношение окружающих к ухоженности мужчины. Влияние ухода за собой на маскулинность. Влияние индустрии красоты на сдвиг представлений о мужественности. Влияние на общественное мнение успешности мужских профессий модельеров и стилистов.

Отдельной темой было обсуждение образа мужчины в СМИ. На основании методики образных ассоциаций респонденты формулировали характеристики типичных мужских образов в СМИ. В числе наиболее важных были привлекательные лицо и тело, мужчина должен быть ухоженный, умный, уверенный, властный и модный. Желательны также харизматичность, высокий социальный статус, финансовое благополучие, здоровье, образованность и позитивность (доброжелательность).

Данные, полученные в «экспертных» группах, позволили сформулировать развернутое представление о современных мужчинах и феномене кризиса маскулинности. Результаты базировались на аргументированных суждениях участников и всестороннем анализе социального, культурного и исторического контекста проблемы. «Наивные» участники групп проявили значительно более высокую эмоциональность при обсуждении затрагиваемых тем, суждения их часто были поверхностными и стереотипными, однако эмоциональные компоненты их представлений были более выраженными и фактурными. Таким образом, наш опыт позволил получить более разностороннюю информацию о представлениях, связанных с кризисом маскулинности. Понятно, что полученные результаты в силу численной и возрастной ограниченности выборки не могут претендовать на

серьезные обобщения, однако выявленные тенденции вполне выразительны, высказанные мнения четко сформулированы и обоснованы участниками проведенного исследования. Остановимся на рассмотрении некоторых результатов, полученных в ходе проведенной групповой дискуссии.

В качестве основных причин кризиса маскулинности называется кризис института брака, а также демократизация общества, позволившая женщинам завоевать свои права и создать феминистские движения.

«Отношение к разводу как к проигрышу (у мужчин) может быть обосновано тем, что «женщина отказывается от мужчины». «Позиция мужчины как жертвы этой ситуации обуславливает отношение к разводу как провалу».

«Женщина уверена, что после развода она не останется ни с чем... Она в принципе ничего не потеряет. А он потеряет многое. Он может потерять семью, бизнес, свои накопления, капитал...»

«Мне кажется, теперь жизнь в браке выстраивается немножко иначе. У женщин появляется больше обязанностей, это, соответственно, больше активностей как сам факт. У нее ролей в семье больше — посчитать бюджет, зарабатывать... Ну и, соответственно, мужская роль падает в этом плане. И, может быть, это первично».

Кроме того, как одна из причин кризиса обсуждалась проблема изменений, произошедших в процессе социализации мальчиков. Роль отца в воспитании сыновей оценивается как крайне важная, но при этом отмечается, что отсутствие родителя мужского пола в настоящее время не мешает нормальному процессу социализации мальчиков. Другими словами, мать может полностью заменить отца в воспитании ребенка мужского пола.

Как отмечали участники фокус-групп, кризис маскулинности обнару-

живается во многих сферах социальной жизни людей, при этом происходит нарушение привычных «традиционных» паттернов гендерного поведения (например, излишняя активность, проявляемая со стороны женщин в ситуации межличностного общения, мешает взаимодействию мужчин и женщин). Активность женщины воспринимается как нанесение угрозы социальной роли мужчины.

«Мужчина тогда (в прошлом) не вел себя так, потому что женщины не вводили его в ситуацию неопределенности своими активными действиями. Их поведение не выходило за рамки предписанных обществом норм (а если выходило, то ярко осуждалось обществом, законом, религией), следовательно, мужчина знал, как себя нужно вести».

«Сейчас, мне кажется, у женщин стало больше уверенности, и они делают больше первых шагов сами... мужчины говорят, что это скорее пугает».

В ходе проведения фокус-групп отмечалась заметная склонность современных мужчин к заботе о своей внешности, которая может быть рассмотрена и как современная **норма маскулинности**, и как несвойственное традиционной маскулинности поведение современных мужчин (и в том и в другом случае можно увидеть проявление кризиса маскулинности). В целом в настоящее время, по мнению участников исследования, нет ни одного доминирующего типа маскулинности, в гендерной картине девушек представлены разные образы типичных для современного общества мужчин. Так, например, по их мнению, в медиадискурсе выделяются два основных образа мужчины: успешный, уверенный в себе бизнесмен и модный, веселый, не скованный обязательствами молодой человек. Эти образы мужчин условно можно категоризовать как «традиционный» и «совре-

менный». Предполагается, что оба образа сосуществуют в обществе одновременно.

Множественность маскулинностей подтверждается и тем, что, по мнению участников фокус-групп, еще сохраняется традиционная (гегемонная) маскулинность, в частности, это подтверждается тем, что в обществе все еще присутствует дискриминация по половому признаку. К одному из проявлений гегемонной маскулинности можно отнести и тот факт, что в нашем обществе именно к мужским обязанностям относят прежде всего те виды деятельности, которые можно охарактеризовать как престижные.

В ходе исследования были выделены профессии, которые оцениваются как исключительно мужские.

Итак, в гендерной картине мира девушек существуют как минимум два вида маскулинности — современный и традиционный, а кризис маскулинности скорее рассматривается как закономерное изменение традиционной маскулинности.

Кроме выявленных особенностей современной маскулинности и причин, приведших к изменениям традиционной маскулинности, качественные методы (в данном случае фокус-группа) дают возможность определить самое главное — *отношение и скрытые смыслы, которые стоят, в частности, за таким социальным явлением, как*

кризис маскулинности. В нашем случае для участников фокус-групп это разного рода объяснения отступления мужчин от канонов традиционной маскулинности, а в качестве основной причины называются действия со стороны своей социальной группы — женщин. При этом действия женщин, приводящие к углублению кризиса маскулинности, открыто осуждаются.

Таким образом, в гендерной картине мира женщин кризис маскулинности определяется и оправдывается скорее внешними обстоятельствами и, по мнению женщин, практически не зависит от **самих** мужчин. Другими словами, в гендерной картине женщин современная маскулинность представлена как продукт внешних обстоятельств, одной из причин которых являются сами женщины, именно они подлежат обвинению в происшедших **негативных** изменениях традиционной маскулинности.

Возвращаясь к рассмотрению преимуществ качественных методов, уместно подчеркнуть, что с помощью количественных методов этот «внутренний» подтекст было бы трудно уловить. Качественные методы расширяют возможности исследователя, помогают выявить скрытые контексты при рассмотрении сложных субъективных и быстро изменяющихся систем, таких как образ мира и, в частности, гендерная картина мира.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 303 с.
2. Билич Г.Л. Кризис маскулинности // Вестник Международной академии наук (русская секция). 2016. № 1. С. 30–34.
3. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.

4. *Кон И.С.* Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб: Алетейя, 2001, с. 562–606.
5. *Коннелл Р.* Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия. СПб: Алетейя, 2001. С. 251–279.
6. *Мальшева М.М.* Анализ качественных данных в гендерных исследованиях // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под редакцией М.М. Мальшевой. М.: Academia, 2002, с. 149–168.
7. *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Предмет качественного исследования как методологическая проблема социальной психологии // Национальный психологический журнал. 2013. № 1(9). С. 50–61.
8. *Morgan D.* The Crisis in Masculinity / Devis K., Evans M., Lorber J. (eds.) L.: Sage, 2006. P. 108–125.
9. *Connell R. W.* Gender and power. Sydney, Australia: Allen and Unwin, 1987. 423 p.
10. *Messner M.* Politics of Masculinities. Men in Movements. L.: Sage, 1997. 160 p.

Research of the problem of “masculinity crisis” in the gender picture of the world of modern youth by the focus group method

O.A. TICHOMAHRITSKAYA *,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, otihomandr@mail.ru

O.T. MEL'NIKOVA **,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, melnikova-o@yandex.ru

The potential of qualitative methods in studying the image of the human world in General and the gender picture of the world in particular is considered. The necessity of using qualitative methods that make it possible to explore both the result and the process of constructing the image of the world is substantiated. Students' ideas about the masculinity crisis (as part of the gender picture of the world), which were obtained by the focus group method, are analyzed. The results show the ongoing transformation of traditional masculinity — in the sphere of family relations, in the division of roles and functional responsibilities between men and women, in the appearance of modern men,

For citation:

Tichomahrtskaya O.A., Mel'nikova O.T. Research of the problem of “masculinity crisis” in the gender picture of the world of modern youth by the focus group method. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 187–196. doi:10.17759/sps.2018090318 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Tichomandritskaya Ol'ga A.* — PhD in Social Psychology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, otihomandr@mail.ru

** *Mel'nikova Ol'ga T.* — PhD in Social Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, melnikova-o@yandex.ru

in the images of men in the media, in the peculiarities of the interaction between men and women. The reasons for this transformation are socio-economic factors, features of modern socialization of boys, the crisis of the institution of marriage, expressed, in particular, in the increase in the number of divorces. The article emphasizes that the "internal "implication of the formulated judgments would be difficult to" catch "with the help of quantitative methods. Qualitative methods enhance the researcher's ability to consider complex subjective and rapidly changing systems, such as the image of the world and, in particular, the gender picture of the world.

Keywords: *image of the world, gender picture of the world, qualitative research methods, focus group, study of masculinity crisis, transformation of traditional masculinity.*

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project 17-06-00980 «Historical and political factors of transformation of collective memory and identity in Russian society».

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Psihologiya social'nogo poznaniya: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Psychology of social knowledge: textbook for University students]. Moscow: Aspekt Press, 2005. 303 p.
2. Bilich G.L. Krizis maskulinnosti [Masculinity crisis]. *Vestnik mezhdunarodnoj akademii nauk (russkaya sekciya) [Herald of the International Academy of Science. Russian Section]*, 2016, no 1, pp. 30–34.
3. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. 12 lekcij po gendernoj sociologii: uchebnoe posobie [12 lectures on gender sociology: textbook]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 768 p.
4. Kon I.S. Muzhskie issledovaniya: menyayushchiesya muzhchiny v izmenyayushchemsya mire [Men's studies: changing men in a changing world]. In ZHerebkina (ed.). *Vvedenie v gendernye issledovaniya [Introduction to gender studies]*. CH. 1. Har'kov: HCGI, 2001; Saint-Petersburg: Aletejya, 2001, pp. 562–606.
5. Konnell R. Maskulinnosti i globalizaciya [Masculinities and globalization]. . *Vvedenie v gendernye issledovaniya [Introduction to gender studies]*. CH. 2. Hrestomatiya. Saint-Petersburg: Aletejya, 2001. pp. 251–279.
6. Malysheva M.M. Analiz kachestvennyh dannyh v gendernyh issledovaniyah [Analysis of qualitative data in gender studies]. In M.M. Malysheva (ed.). *Gendernyj kalejdoskop. Kurs lekcij [Gender kaleidoscope. Course of lectures]*. Moscow: Academia, 2002, pp. 149–168.
7. Mel'nikova O.T., Horoshilov D.A. Predmet kachestvennogo issledovaniya kak metodologicheskaya problema social'noj psihologii [The subject of qualitative research as a methodological problem of social psychology]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]*, 2013, no. 1(9), pp. 50–61.
8. Morgan D. The Crisis in Masculinity. In Devis K., Evans M., Lorber J. (eds.) L.: Sage, 2006, pp. 108–125.
9. Connell R.W. Gender and power. Sydney, Australia: Allen and Unwin, 1987. 423 p.
10. Messner M. Politics of Masculinities. Men in Movements. L.: Sage, 1997. 160 p.

Дифференциация образов высокостатусного и низкостатусного человека у молодежи

Т.В. ФОЛОМЕЕВА*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
t.folomeeva@mail.ru

С.В. ФЕДОТОВА**,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
fedotova-s@yandex.ru

В исследовании проводится социально-психологический анализ образов типичных представителей высокого и низкого статуса, выявленных с применением качественных и количественных методов сбора и анализа данных. Для сбора данных была применена модифицированная методика Куна—Макпартленда «Тест 20 ответов», а также были собраны эссе на тему «Типичные представители высокого и низкого социального статуса». По итогам двух этапов исследования (n=120) были выявлены основные компоненты образов: объективные источники социального статуса, поведенческие особенности, качества личности, особенности внешности, невербального поведения и переживания подобных людей. Данные характеристики могут отражать особенности восприятия общественной иерархии, а также характеризовать отношение данной социальной группы к феномену неравенства. Кроме того, в исследовании делается вывод о высокой перспективности применения комбинированных качественных и количественных методов в данной области для более глубокого и полного изучения феномена социального статуса.

Ключевые слова: социальный статус, социальное познание, неравенство, смешанные методы исследования.

Для цитаты:

Фоломеева Т.В., Федотова С.В. Дифференциация образов высокостатусного и низкостатусного человека у молодежи // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 197–207. doi:10.17759/sps.2018090319

* Фоломеева Татьяна Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, t.folomeeva@mail.ru

** Федотова Светлана Владимировна — кандидат психологических наук, инженер, кафедра социальной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, fedotova-s@yandex.ru

В разных областях научного знания под социальным статусом понимается положение человека в обществе, определяемое рядом объективных и субъективных показателей [1; 4; 6; 7]. При этом единого мнения о перечне данных критериев нет. В различных концепциях выделяются такие характеристики, как образование, должность, доход, ответственность, престиж, происхождение и др. [6; 8; 10; 15; 20]. В ряде источников подчеркивается, что возраст, пол и раса оказывают влияние на социальный статус человека [2; 13; 18; 21]. Далее, анализируя структуру общества в течение всей истории человечества, Л. Джонсон отмечает, что статус и критерии, лежащие в его основании, связаны с ценностями, разделяемыми в социуме в тот или иной момент [17]. Наконец, в рамках данного феномена принято рассматривать проблему восприятия собственного положения в обществе, а также оценку положения других людей [1; 12; 19; 21; 23].

При этом на первых этапах исследования социального статуса нами было установлено, что у людей возникает ряд проблем с определением данного феномена, в том числе с компонентами, входящими и определяющими его. В связи с этим помимо прочего встает необходимость поиска различных методов и методик для изучения социального статуса и его последующего анализа. В качестве косвенного способа изучения данного феномена может выступить анализ образов типичных представителей крайних групп, такой подход может позволить обойти трудности, возникающие у респондентов. Важно отметить, что в области изучения социального статуса, его компонентов, структуры и других аспектов основными являются количественные методы. Этот факт обусловлен самой природой данного феномена. Так, в основных

теоретических подходах к его изучению подчеркивается именно социальная сторона статуса, соответственно, в исследованиях предпринимаются попытки выявить единые для всего общества критерии, что приводит к нивелированию различных внутригрупповых особенностей восприятия социального статуса и, как следствие, уплощению и упрощению этого феномена.

Отмечается, что качественные методы, в свою очередь, позволяют выявить и проанализировать в том числе особенности контекста, в котором существует данный феномен [5]. А также качественный анализ данных позволяет рассмотреть изучаемый объект более полно и целостно, как часть более широкого проблемного поля [14]. В соответствии с этим как отечественные, так и зарубежные ученые подчеркивают важность комбинирования качественных и количественных методов не только для повышения валидности исследований, но и для проведения полного, многоуровневого и глубокого анализа изучаемой области [9; 16].

Такой подход к изучению образов типичных представителей высокого и низкого статуса может позволить выявить различные аспекты этих образов, уточнить их структуру, а также дополнить компоненты социального статуса, значимые для молодежи. В свою очередь, полученные подобным способом данные могут быть применены в различных сферах практики, связанных с формированием образа публичных личностей, а также для дальнейшего анализа элементов социальной жизни, значимых для молодежи.

Программа исследования

Целью настоящего исследования было выявить и проанализировать образы ти-

пичных представителей разных статусов, а также оценить перспективность применения смешанных методов исследования в области изучения социального статуса.

Теоретическим объектом данного исследования выступил феномен социального статуса, в свою очередь, *предмет исследования* — компоненты социального статуса, значимые для современной молодежи.

Исследование было проведено в два независимых *этапа* с применением различного методического инструментария.

Методы. В связи со всем вышесказанным в данном исследовании были применены смешанные методы для изучения социального статуса, что, с нашей точки зрения, позволяет выявить и проанализировать именно психологические аспекты данного феномена, которые часто упускаются в теоретических и эмпирических работах.

В настоящем исследовании на первом этапе для выявления и изучения общих аспектов и компонентов образов типичных представителей различных статусов применена методика Куна — Макпартленда «Тест 20 ответов» (в модификации Богомоловой [3]). Этап был реализован через интернет-ресурс «Google Форма».

В свою очередь, на втором этапе были собраны эссе, в которых респонденты описывали в свободной форме типичного представителя высокого и низкого статуса, данные обрабатывались как количественным, так и качественным контент-анализом; это позволило выявить ряд психологических аспектов образов, которые в том числе связаны с самим феноменом социального статуса. Респонденту предлагался лист бумаги А4 и синяя ручка, объем эссе и время не ограничивались.

Выборка. На первом этапе исследования респондентами выступили 70 человек

в возрасте от 18 до 30 лет ($M=23$, $SD=3,56$), из них 40 — женского пола, 30 — мужского; в исследовании принимали участие студенты московских вузов и молодые специалисты различных родов деятельности.

Во втором этапе приняли участие 50 респондентов: 25 — мужского пола и 25 — женского, в возрасте от 17 до 25 лет ($M=20,7$, $SD=2,71$). В исследовании приняли участие студенты как гуманитарных, так и технических специальностей.

Всего выборкой в данном исследовании выступили 120 человек.

Результаты

Анализ методики Куна—Макпартленда. Наиболее распространенными категориями образа высокостатусного индивида выступают «ум, образование и эрудированность» (30%). Респонденты описывали типичного представителя высокого статуса как человека, который достиг успеха во всех сферах жизни, который ориентируется только на себя и свое мнение. В образе особую роль играет внешний вид такого человека (25,71%) и его достаток и обеспеченность (21,43%). Высокостатусный человек — уверенный в себе (14,29%), успешный (14,29%), целеустремленный (12,86%), воспитанный (11,43%) и сильный (10%). Такой человек занимает руководящие посты или имеет собственный бизнес (11,43%). В образе выделяется ряд положительных характеристик образа жизни и внешнего вида человека с высоким статусом («дорогая машина», дорогие часы и прочие аксессуары»), а также отмечаются положительные черты характера («целеустремленный», «умный», «сильный» и др.). Тем не менее в образе также содержатся негативные категории, в том числе

относящиеся к личности такого человека («заносчивый», «эгоистичный», «нервный», «алкоголик» и др.).

Центральной категорией образа типичного представителя низкого статуса является пассивность и слабость (25,71%). В качестве характеристик, описывающих личность такого человека, указывались безынициативность (11,43%), депрессивность (17,14%), лень (12,86%) и неуверенность в себе (10%). Низкостатусный человек является необразованным (21,43%) и глупым (12,86%); он беден (22,86%), возможно, страдает алкогольной зависимостью (10%). Указывалось, что такой человек может быть бомжем (10%) или представителем низкооплачиваемой профессии (охранник, уборщица и др.) (10%). Во внешности отмечалось, что он плохо выглядит и не следит за собой (12,86%). Обобщая, можно заключить, что образ человека с низким статусом наделен множеством негативных категорий, характеризующих неблагоприятное состояние всех областей жизни.

В целом для образов типичных представителей высокого и низкого статуса можно выделить ряд общих категорий, различающихся модальностью («внешний вид», «образование», «работа», «обеспеченность» и др.). Эти же категории встречаются в выявленных ранее социальных представлениях о статусе [11]. Соответственно, такие категории, как «работа, карьера», «семья, семейное положение», «образование», «деньги, богатство», и др. занимают особое место среди прочих компонентов данного феномена и имеют особое значение для определения и понимания его сущности.

Анализ эссе. Анализ эссе позволил выделить следующие элементы: объективные источники социального статуса,

поведенческие особенности, качества личности, особенности внешности, невербального поведения и переживания подобных людей.

В качестве объективных источников социального статуса как в случае представителя высокого статуса, так и при рассмотрении образа человека с низким статусом чаще отмечается образование (77%), доход и материальное состояние (53%), должность и работа (47%), пол (41%) и др. Так, в образе человека с высоким статусом отмечались такие характеристики, как образованный (40%), с хорошим достатком (30%) и занимающий высокую должность (20%), 16% респондентов видят типичного человека с высоким статусом как мужчину, и только 8% отметили в своих описаниях, что это женщина. В свою очередь, человек с низким статусом наделяется следующими объективными проявлениями: необразованный (26%), с низким достатком или бедный (20%), работает на «низкоквалифицированной» работе. Интересно, что в отличие от ситуации с высокостатусным человеком низкостатусный в одинаковой мере рассматривается и как мужчина (8%), и как женщина (8%).

Далее респонденты отмечали различные поведенческие особенности представителей двух групп. Так, высокостатусный человек чаще всего имеет закрытый круг общения и разветвленную сеть контактов (20%): «времяпровождение у людей с высоким социальным статусом проходит в местах, куда допускаются только избранные люди, так называемые VIP», «общается в кругу высокопоставленных людей» и др. При этом «он заботится о своем внешнем презентабельном виде», «любит учить окружающих», «любит утверждать, что всего добился сам», и др. Человек с низким статусом «от-

казывается (часто) от своих духовных стремлений, стремясь к материальному», «склонен к алкоголизму и деструктивному поведению», «постоянно обращается к богу», «не влияет на политику и события в стране» и др.

Описывая образы типичных представителей двух статусов, респонденты указывали на различные черты личности, которые связываются с данными группами. Представители высокого статуса наделяются такими качествами, как «уверенность в себе», «целеустремленность», «деловитый», «знает, что хочет от жизни», «честный», «серьезный» и др. В то же время представители низкого статуса являются «неуверенными в завтрашнем дне», «не думающими о будущем», «завистливыми», «озлобленными», «агрессивными», «грустными» и др.

При описании внешности человека с высоким социальным статусом больший акцент делается на аксессуарах: часы, автомобиль, стиль одежды. Часть респондентов отмечала «потребность» в таких вещах, а также в их демонстрации: «высокая потребность в статусных вещах (автомобили, недвижимость, одежда)», «большое внимание обращает на внешние факторы» и др. В свою очередь, при описании внешности представителя низкого статуса чаще упоминается степень опрятности и аккуратности: «неопрятный вид», «одеты неважно, вещи поношенные» и др.

Важно отметить, что респонденты приводили различные описания невербального поведения людей с высоким статусом. Из невербального компонента общения чаще отмечалось то, что такому человеку свойственна прямая, «гордая» осанка (23%), «властный», «решительный» взгляд (8%), «громкий, спокойный, властный голос» (8%) и «твердая» походка (4%). Представителям низкого

статуса свойственна плохо поставленная речь, наличие мата и ненормативной лексики (12%), а также он «занимает мало места» (10%).

Респонденты указывали на переживания, мысли и желания типичных представителей различных статусов. Представителю высокого статуса «в душе всегда чего-то не хватает», у него есть «потребность во власти», он «не очень беспокоится о том, что про него могут подумать». Отмечается, что «отношение их к людям низкого и среднего достатка в большинстве случаев пренебрежительно» и они «считают окружающих хуже себя». Низкостатусный человек «угнетен своим положением, не предполагающим больших перспектив», «чувствует свою ненужность», «много грустит и завидует людям с высоким статусом», «хочет подняться надо всеми; поменяться местами с верхами» и «не считает себя счастливым».

Обсуждение результатов

В образах типичных представителей различных социальных статусов помимо ожидаемых компонентов, таких как объективные источники социального статуса, особенности образа жизни, внешности и невербального поведения, выделились две категории, представляющие особый интерес, — переживания подобных людей и их личностные черты. С одной стороны, наличие двух специфических характеристик может говорить о значимости психологического аспекта для данного феномена. Являясь результатом внешней активности человека, социальный статус, соответственно, играет значимую роль в различных сферах жизни человека. С другой — можно предположить, что появление этих категорий в образах представи-

телей разных статусов является попыткой более глубокого анализа самого феномена со стороны респондентов. Так, возможно, выделение только объективных источников социального статуса, с точки зрения члена общества, слишком упрощает и упрощает причины выдвижения человека на высокую позицию в обществе или, наоборот, на помещение его в низ социальной иерархии, соответственно, встает необходимость обосновать это в том числе различными личностными аспектами, а также внутренними переживаниями людей, занимающих данные положения в обществе. Указанные два предположения требуют дальнейшей проработки и проведения дополнительных исследований для их проверки и изучения.

В целом полученные образы человека как с высоким, так и с низким статусом можно разделить на три группы: позитивный образ, негативный образ и нейтральный образ.

Примерами негативного образа человека с высоким статусом являются следующие формулировки: «Свой статус он воспринимает как должное и всегда стремится это продемонстрировать, также любит утверждать, что «всего добился сам», при этом преподнося это как факт, часто бездоказательный», «Высокий статус — очень гордо показывает себя, ставя посторонних хуже себя», и др. В данном случае человек с высоким статусом предстает как стремящийся продемонстрировать и подчеркнуть перед окружающими свое положение, которое в том числе дает ему основание «считать, что он лучше других».

В свою очередь, примерами негативного образа человека с низким статусом являются следующие формулировки: «человек с низким статусом — жалкий, злобный, злопамятный, ненадежный

и др.», «человек с низким статусом — надменный, сутулый, не находящий себе места, часто в рабочей одежде, чувствующий свою ненужность и поэтому иногда мелко пакостящий» и др. В подобном образе выделяется множество негативных черт личности, которые, с точки зрения респондентов, приводят его к низкому статусу. Такой образ наделяется либо пассивностью и бездействием, нежеланием что-то менять в своей жизни, либо агрессивностью, девиантностью и опасностью для общества. Во всех описаниях этой группы отмечается факт отсутствия образования и глупости человека с низким статусом.

В положительном образе человека с высоким статусом отмечаются следующие проявления: «человек, работающий во благо общества, высокий культурный уровень, обладающий такими качествами, как доброта, честность, отзывчивость», «мудрый, талантливый, смелый, искренний», «занимается социально полезными программами, благотворительностью», «человек, занятый делом, приносящим пользу обществу», и др. Из данных фраз видно, что подобный человек выполняет значимую роль для общества, отмечается, что такой человек не обязательно богат, а также чаще не демонстрирует свой статус, он «сливается с любым обществом, не давая другим чувствовать себя ниже, неловко в его присутствии». Важно отметить, что в образах этой категории не отмечались внешние аксессуары, которые сопровождали негативный образ человека с высоким статусом: автомобиль, часы, запонки и др.

В свою очередь, примерами формулировок, отражающих положительный образ типичного представителя низкого статуса, являются: «он обладает чувством собственного достоинства», «он

вынужден подчиняться людям с высоким статусом, чтобы выжить», «он очень вежливый» и др. Данный образ описывается как вынужденное нахождение человека в данной группе, подчеркивается независимость ситуативных и личностных компонентов.

Наконец, нейтральные образы представителей как высокого, так и низкого социального статуса содержат перечень либо объективных источников социального статуса, либо невербального поведения: «не имеет средств к существованию, постоянной работы нет, возможно, не имеет образования, чаще всего только окончил среднюю школу», «человек, занимающий высокую должность, образованный», «классический, строгий стиль одежды, ухоженный вид, наличие дорогих часов, начищенная обувь» и др. Соответственно, в данном случае приводится некоторый набор характеристик, иногда с указанием степени выраженности признака, который не несет прямой эмоциональной оценки и отношения респондента.

Появление эмоциональной нагрузки при описании образов типичных представителей высокого и низкого статуса можно объяснить, опираясь на вопросы, которые задавали респонденты. Так, часть респондентов спрашивала, какой конкретно образ необходимо описать — то, как считает респондент, или то, как считает общество. Соответственно, можно выдвинуть гипотезу, что в представлениях людей выделяется два отдельных образа людей с высоким и низким статусом: правильный, а соответственно, положительный образ того, как считает человек, в рамках которого он принижает значение материальных и властных компонентов социального статуса и подчеркивает значимость общественной дея-

тельности; и неправильный, негативный образ, который, с точки зрения человека, разделяется в обществе его современниками, в котором отдельно подчеркивается значимость финансового аспекта, а также демонстративность поведения подобного человека.

Следовательно, особую роль для определения социального статуса другого человека играют индивидуальные интерпретационные схемы субъекта познания. В подобных схемах содержатся различные характеристики и категории, отражающие собственный смысл для конкретного человека. Таким образом, социальный статус является характеристикой, находящейся на стыке, с одной стороны, индивидуальных, собственных представлений человека о значимости различных сфер жизни и социальных норм — с другой.

В связи с этим можно заключить, что социальный статус определяется как на основании общественно значимых компонентов, так и на базе индивидуальных проявлений и интерпретаций, которые вырабатывает человек в рамках собственного опыта. Данные элементы влияют на процесс определения ценности индивида для общества и для субъекта познания, что и определяет его социальный статус. К подобным универсальным элементам статуса на основании проведенного исследования можно отнести профессию индивида, его доход, образование, семейное положение и др. Кроме того, социальный статус во многом зависит от ряда личностных качеств и особенностей, без которых человека не могут отнести к высокому статусу, а также социальный статус предполагает определенные проявления во внешнем виде и невербальном поведении, что свидетельствует о его ориентированности на внешнего наблюдателя.

Выводы

1. В образе типичных представителей высокого и низкого социального статуса можно выделить шесть категорий: объективные источники социального статуса, поведенческие особенности, качества личности, особенности внешности, невербального поведения и переживания подобных людей.

2. Значимыми объективными источниками социального статуса для молодежи выступают образование, профессия, доход, круг общения и др. В невербальном поведении отмечаются особенности мимических проявлений, проксемики и позы. Во внешности оценивается наличие различных атрибутов: часов, запонок, технических устройств, а также общая степень аккуратности и ухоженности. В качестве поведенческих особенностей представителей разного статуса часто указываются различные предпочтения, зависимости и действия таких людей. В категории качества личности раскрываются различные особенности характера представителей различных статусов, которые обуславливают их вхождение и нахождение в той или иной группе. Наконец, категория «переживания» содержит указания на какие-то внутренние процессы и мысли, свойственные членам данных групп, причем данные переживания являются следствием принадлежности к тому или иному статусу.

3. В исследовании были установлены три вида сформированных образов представителей высокого и низкого статуса: позитивный, негативный и ней-

тральный. Позитивный образ человека с высоким статусом обуславливается его вовлеченностью в социально значимые сферы деятельности вне зависимости от материальных показателей; положительный образ низкостатусного индивида наделяется «чувством собственного достоинства», а его положение в обществе объясняется внешними факторами, от него не зависящими. Негативный образ высокостатусного человека связывается с материальными компонентами; негативный образ представителя низкого статуса наделяется отрицательными чертами характера. Нейтральные образы содержат перечень объективных источников социального статуса, особенностей внешности и невербального поведения с указанием модальности или степени проявления той или иной характеристики. При этом категории «качества личности» и «переживания представителей разных статусов» приписываются только в ситуации оценочных образов.

4. Применение смешанных методов сбора и анализа данных в области изучения образов типичных представителей низкого и высокого статуса позволило выявить ряд психологических закономерностей, которые не были установлены ранее на материале, полученном с применением количественных методов. Данный факт позволяет сделать вывод о высокой перспективности использования комбинированных качественных и количественных методов в данной области для более глубокого и полного изучения феномена социального статуса.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2008. 363 с.
2. *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект Пресс, 1998. 517 с.
3. *Богомолова Н.Н.* Социальная психология печати, радио и телевидения. М.: Моск. гос. университет, 1991. 128 с.
4. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России. Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, ИНФРА М-НОРМА, 1997. 304 с.
5. *Войскунский А.Е., Скрипкин С.В.* Качественный анализ данных // Вестник Московского университета, Сер. 14. Психология. 2001. № 2. С. 93—109.
6. *Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
7. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
8. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс, 2009. 318 с.
9. *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Предмет качественного исследования как методологическая проблема социальной психологии // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 50—61.
10. *Радаев В.А., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. Учебное пособие. М.: Наука, 1995. 237 с.
11. *Федотова С.В.* Структура социальных представлений молодежи о социальном статусе // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2015. № 4. С. 37—45.
12. *Фоломеева Т.В., Федотова С.В.* Феномен социального статуса в современном российском обществе [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2016. Т. 9. № 48. С. 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2014v7n37/1044-folomeeva37.html> (дата обращения 17.03.2018)
13. *Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С.* Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других. СПб: Прайм-Еврознак, 2002. 336 с.
14. *Ядов В.А.* Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели. 1991. Т. 1. № 1. С. 14—31.
15. *Auzoult L., Hardy-Massard S., Gangloff B.* Casual attributions of compliance or rebellion according to the Raven's bases of power // Cognition, Brain, Behavior. An Interdisciplinary Journal. 2013. Vol. 17, № 3. P. 237—248.
16. *Barnham C.* Quantitative and qualitative research. Perceptual foundations // International Journal of Market Research. 2015. Vol. 57, Issue 6. P. 837—854.
17. *Johnson L.A.* Social Stratification // Biblical Theology Bulletin. 2013. Vol. 43. № 3. P. 155—168.
18. *Kemper T.D., Collins R.* Dimensions of microinteraction // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 96. P. 32—68.
19. *Kraus M.W., Keltner D.* Signs of Socioeconomic Status: A Thin-Slicing Approach // Psychological Science. 2009. Vol. 20:99. P. 99—106.
20. *Levine J.M., Moreland R.L.* Small Groups. NY: Psychology Press, 2006. 547 P.
21. *Lynn M., Williams J.* Black-White Differences in Tipping: The Moderating Effects of Socioeconomic Status // Cornell Hospitality Quarterly. 2012. Vol. 53. P. 286—294.
22. *Nayebi H., Abdollahyan H.* Social Stratification and its Indices: A Critique // Critique: Critical Middle Eastern Studies. 2006. Vol. 15, No. 3. P. 249—263.

23. Pettit N.C., Sivanathan N. The Eyes and Ears of Status: How Status Colors Perceptual Judgment // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. P. 570–582.

Images differentiation of high status and low status person among young people

T. V. FOLOMEeva*,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, t.folomeeva@mail.ru

S. V. FEDOTOVA**,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, fedotova-s@yandex.ru

The study focuses on the socio-psychological analysis of images of typical specimen of high status and low status person identified using qualitative and quantitative methods of data collection and analysis. On the basis of the two stages of the study, using miscellaneous research methods, (n=120) the main relevant characteristics were identified: objective sources of social status, behavioral peculiarities, personality qualities, appearance peculiarities, nonverbal behavior and experiences of such people. These characteristics may reflect important for young people areas of life and their perception of the society model.

Keywords: *Social status, social perception, inequality, miscellaneous research methods.*

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project №17-06-00980 “The historical and political factors of transformation of the collective memory and identity of the Russian society”).

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2008. 363 p.
2. Aronson E. Obshchestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu [Social animal]. Moscow: Aspekt Press, 1998. 517 p.
3. Bogomolova N.N. Sotsial'naya psikhologiya pechati, radio i televideniya [Social Psychology of press, radio and television]. Moscow: Mosk. gos. universitet, 1991. 128 p.
4. Voevodin L.D. Yuridicheskii status lichnosti v Rossii. Uchebnoe posobie [Legal status of a person in Russia. Teaching book.]. Moscow: Pub. Mosk. un-ta, INFRA M—NORMA, 1997. 304 p.

For citation:

Folomeeva T.V., S.V. Fedotova Images differentiation of high status and low status person among young people. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 197–207. doi:10.17759/sps.2018090319 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Folomeeva Tatyana V.* — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, t.folomeeva@mail.ru

** *Fedotova Svetlana V.* — Ph.D. in Psychology, Engineer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, fedotova-s@yandex.ru

5. Voiskunskii A.E., Skripkin S.V. Kachestvennyi analiz dannykh [Qualitative data analysis]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 14. Psikhologiya [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]*, 2001, no. 2, pp. 93–109.
6. Giddens E. Sotsiologiya [Sociology]. M.: Editorial URSS, 2005. 632 p.
7. Karasik V.I. Yazyk sotsial'nogo statusa [The Language of Social Status]. Moscow: ITDGK «Gnozis», 2002. 333 p.
8. Krichevskii, R.L., Dubovskaya, E.M. Sotsial'naya psikhologiya maloi gruppy [Social Psychology of Small Group]. Moscow: Aspekt Press, 2009. 318 p.
9. Mel'nikova O.T., Khoroshilov D.A. Predmet kachestvennogo issledovaniya kak metodologicheskaya problema sotsial'noi psikhologii [Subject of qualitative research as a methodological problem of social psychology]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*, 2013, no. 1 (9), pp. 50–61.
10. Radaev V.A., Shkaratan O.I. Sotsial'naya stratifikatsiya. Uchebnoe posobie [Social Stratification. Teaching Book]. Moscow: Nauka, 1995. 237 p.
11. Fedotova S.V. Struktura sotsial'nykh predstavlenii molodezhi o sotsial'nom statuse [Structure of young people's social ideas about social status]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya "Chelovek v sovremennom mire" [The Russian New University Herald. 'Human in the modern world']*, 2015, no. 4, pp. 37–45.
12. Folomeeva T. V., Fedotova S. V. Fenomen sotsial'nogo statusa v sovremennom rossiiskom obshchestve [Elektronnyi resurs] [The phenomenon of social status in the contemporary Russian society]. *Psikhologicheskie issledovaniya (elektronnyi zhurnal) [Psychological Studies]*, 2016. Vol. 9, no. 48, p. 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1044-folomeeva37.html> (Accessed 17.03.2018).
13. Chaldini, R., Kenrik, D., Neiberg, S. Sotsial'naya psikhologiya. Poimi sebya, chtoby ponyat' drugikh [Social Psychology. Understand yourself to understand the others]. St. Petersburg: Praim-Evroznak, 2002. 336 p.
14. Yadov V.A. Strategiya i metody kachestvennogo analiza dannykh [Strategy and methods of qualitative data analysis]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli [Sociology: methodology, methods, mathematical models]*, 1991. Vol. 1, no. 1, pp. 14–31.
15. Auzoult L., Hardy-Massard, S., Gangloff, B. Casual attributions of compliance or rebellion according to the Raven's bases of power. *Cognition, Brain, Behavior. An Interdisciplinary Journal*. 2013. Vol. 17, no. 3, pp. 237–248.
16. Barnham C. Quantitative and qualitative research. Perceptual foundations. *International Journal of Market Research*, 2015. Vol. 57, Issue 6, pp. 837–854.
17. Johnson L.A. Social Stratification. *Biblical Theology Bulletin*, 2013. Vol. 43, no. 3, pp. 155–168.
18. Kemper T.D., Collins R. Dimensions of microinteraction. *American Journal of Sociology*, 1973. Vol. 96, pp. 32–68.
19. Kraus M.W., Keltner D. Signs of Socioeconomic Status: A Thin-Slicing Approach. *Psychological Science*. 2009. Vol. 20:99. P. 99–106.
20. Levine J.M., Moreland R.L. Small Groups. NY: Psychology Press, 2006. 547 p.
21. Lynn M., Williams J. Black-White Differences in Tipping: The Moderating Effects of Socioeconomic Status. *Cornell Hospitality Quarterly*, 2012. Vol. 53, pp. 286–294.
22. Nayebi H., Abdollahyan H. Social Stratification and its Indices: A Critique. *Critique: Critical Middle Eastern Studies*, 2006. Vol. 15, no. 3, pp. 249–263.
23. Pettit N.C., Sivanathan N. The Eyes and Ears of Status: How Status Colors Perceptual Judgment. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2012. Vol. 38, pp. 570–582.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

Проще простого. Как не надо относиться к статистике

А.Н. КРИЧЕВЕЦ*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
ankrich@mail.ru

В статье рассматриваются методологические сложности, связанные с распространением статистических способов обработки данных в психологических работах. В частности, происходит упрощение понимания статистики исследователями, что все чаще ведет к принятию гипотезы о наличии эффекта в той ситуации, когда его нет. Приводится краткий обзор публикаций и примеров, где данная проблематика является предметом критического разбора. Упоминается исследование, которое показало, что при повторении экспериментов, опубликованных в авторитетных журналах, значимость, принятая в научном сообществе, наблюдалась только в 39% работ — такой эффект получил название «публикационный сдвиг». В статье рассматриваются способы решения данной проблемы, в частности метаанализ, благодаря которому возможно подтверждение результатов серии экспериментов, касающихся одной проблематики, при условии доступности информации о дизайне и открытости сырых данных. Понимание вероятностной природы статистических результатов должно стать обязательным для оценки исследований.

Ключевые слова: метаанализ, статистические методы, уровень значимости, публикационный сдвиг.

В середине 90-х гг. прошлого века стал складываться современный способ работы с данными. К этому времени персональные компьютеры были доступны большей части научного сообщества, и

в связи с этим начали распространяться ориентированные на массового пользователя программы, в том числе и программы статистической обработки данных. Доступность статистической обработки

Для цитаты:

Кричевец А.Н. Проще простого. Как не надо относиться к статистике // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 208–212. doi:10.17759/sps.2018090320

* Кричевец Анатолий Николаевич — доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, ankrich@mail.ru

сопровождалась развитием системы образования в этой сфере, и в настоящий момент для будущих психологов курсы статистики с практикой на компьютерах стали практически повсеместными.

С одной стороны, необходимость понятных формулировок и рецептов обработки данных для тех учащихся в системе массового образования, которым недоступно понимание теоретико-вероятностного и методологического фундамента статистических методов, привела к существенному упрощению «массовой теории».

С другой — процесс превращения статистической обработки данных в массовую деятельность привел к тому, что эффекты, связанные с массовой реализацией случайных испытаний (экспериментов как испытаний случайных искажений закономерных процессов), стали очень заметны и проявились в предсказуемых с точки зрения теории вероятностей последствиях — появлении очень заметного процента результатов, в которых реализовалась ошибка первого рода: принятие гипотезы о наличии эффекта, в то время как реального эффекта нет.

Критика процедур организации массовой работы со статистикой появлялась время от времени в публикациях и прежде, но не приводила к заметным последствиям. Однако в последнее время процесс активизировался. В журналах *Nature* [3] и *Science* [4] вышли работы, в которых статистическое оценивание результатов стало предметом критического разбора. За этим последовало серьезное обсуждение и организационные меры — правда, пока не вполне систематические.

Отмечу здесь посвященный нашему вопросу Бюллетень Американской статистической ассоциации, который начинается с очень точно определяющей

суть вопроса шутки, которую я приведу целиком [5].

Q: Why do so many colleges and grad schools teach $p = 0,05$?

A: Because that's still what the scientific community and journal editors use.

Q: Why do so many people still use $p = 0,05$?

A: Because that's what they were taught in college or grad school.

(Вопрос: Почему так много колледжей и аспирантур учат об уровне значимости $p = 0,05$?

Ответ: Потому что это то, что все еще используется научным сообществом и редакторами журналов.

Вопрос: Почему так много людей использует $p = 0,05$?

Ответ: Потому что их этому научили в колледжах и аспирантурах.)

Здесь отмечен узловой пункт: в упрощенной подаче статистических методов число 0,05 играет существенную роль. Именно благодаря тому, что это число стало *границей принятия решения*, упрощение и стало возможным. В результате мы часто видим в публикациях формулировки: «различие достоверно на уровне значимости 0,05», хотя ни о какой достоверности в данном случае речь идти не может: если искомый эффект отсутствует, то ошибочное принятие решения о его наличии (при традиционной системе принятия решения) будет наблюдаться в среднем один раз из 20 попыток его обнаружения.

Группа, состоящая из двух сотен авторов, деятельность которой была инициирована Американской психологической ассоциацией, отобрала 100 экспериментов, отчеты о которых публиковались в трех весьма авторитетных журналах по психологии, и в контакте с авторами статей повторила эти эксперименты. Ока-

залось, что значимость меньше $p = 0,05$ наблюдалась при повторениях только в 39% случаев.

Причина такого обескураживающего результата в эффекте, который получил название «публикационный сдвиг». Дело в том, что на поверхности, т. е. опубликованными, оказываются работы, в которых граница $p = 0,05$ пройдена (в сторону меньшего показателя значимости), а те работы, которые не преодолевают ее, остаются вне видимости, информация о них обычно недоступна. Вследствие этого возможно даже, что некоторые модные направления исследований являются «пузырями», раздутыми благодаря большому количеству экспериментальных «попыток» и публикационному сдвигу, причем чем более модным является направление, тем значительней могут быть искажения.

Естественным способом борьбы с публикационным сдвигом является следующий: должны публиковаться не только результаты удачных экспериментов, которые прошли границу 0,05, но и результаты всех остальных также должны быть доступны в том или ином виде. Только имея полную картину результатов деятельности в области, можно говорить о достоверности.

Процедуры такой обработки результатов давно известны — это так называемый метаанализ. Для того чтобы данное исследование могло быть в него включено, должна быть представлена достаточная информация по дизайну и организации эксперимента. Такие условия предъявляют сейчас в большинстве англоязычных журналов. Замечу, что некоторые журналы сообщают авторам также, что отказ от публикации сырых данных без достаточных оснований, как правило, приведет к отказу в публикации статьи.

Радикальность поворота состоит в изменении статуса отдельного исследования. Мы не занимаемся доказательством гипотез. В нынешнем мире массовых научных процессов мы принимаем участие в массовом движении. Обычно наш вклад ничего не может доказать, а может только несколько усилить метааналитический аргумент в пользу или против гипотезы.

При этом исследователь, адекватный современной ситуации, должен хорошо понимать отличие эксплораторной от конфирматорной деятельности: искать в уже полученных данных какие-то закономерности (эксплораторная стадия) можно, но ценность результата тем ниже, чем больше различных попыток получения статистически значимых результатов по этим данным проделано. Совсем другой статус имеют исследования, авторы которых заранее заявили о плане исследования и способах обработки результатов. Различные типы таких предварительных заявок приняты в некоторых журналах, в том числе в одном отечественном («Теоретическая и экспериментальная психология»). Существует две формы предварительной регистрации, которые практикуются в научных журналах в настоящий момент. Жесткая форма состоит в подаче проекта исследования, который сразу рецензируется. Если он получил высокую оценку от рецензентов, то публикация гарантируется независимо от результата. В более мягкой форме проект фиксируется без рецензирования, далее проводится исследование, и если статья по его результатам признается ценной, то публикация в журнале маркируется специальным уведомлением о том, что проект исследования был представлен заранее. Все *post hoc* интерпретации данных авторы статьи должны в этом случае отмечать как таковые.

Далее, метааналитическое подтверждение серии результатов предпочтительнее подтверждения единственного эксперимента при равенстве характеризующей их значимости, поскольку массовое воспроизведение свидетельствует об отсутствии ошибок дизайна и подбора испытуемых, а также и просто недобросовестности.

Уровень значимости 0,05 — это всего лишь мягкая и достаточно произвольная граница, а не критерий принятия решения. Значимость характеризует *степень* подтверждения гипотезы. Нам нет необходимости принимать окончательное решение относительно наших гипотез, и публикация не должна заканчиваться словами о том, что мы что-то доказали. Мы получили маркированное уровнем значимости подтверждение гипотезы, не более того. Если тема действительно интересна, то надо всячески поощрять повторение экспериментов с публикацией результатов независимо от статистической значимости. Следовало бы,

например, считать воспроизведение в курсовых и дипломных работах уже опубликованных экспериментов полноценной квалификационной работой.

Несмотря на превращение научной деятельности в массовую, упрощение преподаваемых оснований статистических методов не должно переходить определенных границ. Понимание вероятностной природы статистических результатов должно стать обязательным для квалифицированной части сообщества, поскольку, как мы видим, дальнейшее упрощение приводит к тому, что даже эксперты, оценивающие наши работы, оказываются недостаточно образованными.

Замечу в заключение, что вопрос о том, что считать интересным результатом, что публиковать в самых престижных журналах, за что давать Нобелевские премии, нуждается в свете сказанного в новом обсуждении. Я уверен, что сообщество с ним успешно справится.

Изложение деталей проблемы можно найти в публикациях [1; 2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнеев А.А., Рассказова Е.И., Кричевец А.Н., Койфман А.Я. Критика методологии проверки нулевой гипотезы: ограничения и возможные пути выхода. Часть I. [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Том 9. № 45, 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1231-korneev45.html> (дата обращения: 16.06.2018).
2. Корнеев А.А., Рассказова Е.И., Кричевец А.Н., Койфман А.Я. Критика методологии проверки нулевой гипотезы: ограничения и возможные пути выхода. Часть II. Психологические исследования. 2016. Том 9. № 47, 6. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n47/1282-korneev47.html> (дата обращения: 16.06.2018).
3. Nuzzo R. Statistical errors // Nature. 2014. Vol. 506. №. 7487. P. 150–152. doi:10.1038/506150a
4. Open Science Collaboration. Estimating the reproducibility of psychological science // Science. 2015. Vol. 349. № 6251. aac4716-1. doi: 10.1126/science.aac4716
5. Wasserstein R.L., Lazar N.A. The ASA's statement on p-values: context, process, and purpose. The American Statistician. doi: 10.1080/00031305.2016.1154108

Easy as pie. How not to treat statistics

A.N. KRICHEVETS*,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ankrich@mail.ru

The article discusses the methodological difficulties associated with the spread of statistical methods of data processing in psychological works. In particular, there is a simplification of the understanding of statistics by researchers, which increasingly leads to the adoption of the hypothesis of the presence of the effect, in a situation where it is not. There is a brief review of publications and examples where this issue is the subject of critical analysis. Presented a research which showed that in the repetition of experiments published in reputable journals, the significance accepted in the scientific community was observed only in 39% of the works — this effect was called the “publication shift”. The article discusses ways to solve this problem, in particular, meta-analysis, through which it is possible to confirm the results of a series of experiments relating to one problem — subject to the availability of information about the design and openness of raw data. An understanding of the probabilistic nature of statistical results must be mandatory for the evaluation of studies.

Keywords: meta-analysis, statistical methods, significance level, publication shift.

REFERENCES

1. Korneev A.A., Rasskazova E.I., Krichevec A.N., Kojfman A.YA. Kritika metodologii proverki nulevoj gipotezy: ogranicheniya i vozmozhnye puti vyhoda. CHast' I. [Elektronnyy resurs] [Criticism of the methodology for testing the null hypothesis: limitations and possible ways out. Part I.]. *Psihologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2016. Vol. 9, no. 45, 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1231-korneev45.html> (Accessed 16.06.2018).
2. Korneev A.A., Rasskazova E.I., Krichevec A.N., Kojfman A.YA. Kritika metodologii proverki nulevoj gipotezy: ogranicheniya i vozmozhnye puti vyhoda. CHast' II. [Criticism of the methodology for testing the null hypothesis: limitations and possible ways out. Part II.]. *Psihologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2016. Vol. 9, no. 47, 6. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n47/1282-korneev47.html> (Accessed 16.06.2018).
3. Nuzzo R. Statistical errors. *Nature*, 2014. Vol. 506, no. 13, pp. 150–152. doi:10.1038/506150a
4. Open Science Collaboration. Estimating the reproducibility of psychological science. *Science*, 2015. Vol. 349, ISSUE 6251 aac4716-1. doi: 10.1126/science.aac4716
5. Wasserstein R.L. Lazar N.A. The ASA's statement on p-values: context, process, and purpose. *The American Statistician*, 2016. doi: 10.1080/00031305.2016.1154108

For citation:

Krichevets A.N. Easy as pie. How not to treat statistics. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. —212. doi:10.17759/sps.2018090320 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Krichevets Anatolii N.* — PhD in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ankrich@mail.ru

К юбилею В.В. Рубцова On the jubilee of Vitaly V. Rubtsov

2018 год — юбилейный для Виталия Владимировича Рубцова, ему исполнилось 70 лет.

В.В. Рубцов, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Психологического института РАО, является основателем и бессменным ректором Московского государственного психолого-педагогического университета.

В.В. Рубцов — основоположник научной школы социально-генетической психологии, широко известен в

нашей стране и за рубежом фундаментальными теоретическими и экспериментальными работами по проблемам социально-генетической психологии и психологии развития. Его работы вносят существенный вклад в решение фундаментальных научных проблем психологии развития, возрастной и педагогической психологии.

Профессиональную научную деятельность в психологии В.В. Рубцов начал в НИИ ОПП АПН СССР (ныне —

Для цитаты:

К юбилею В.В. Рубцова // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 213–214. doi:10.17759/sps.2018090321

For citation:

On the jubilee of Vitaly V. Rubtsov. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 213–214. doi:10.17759/sps.2018090321 (In Russ., abstr. in Engl.).

Психологический институт РАО), где прошел путь от младшего научного сотрудника до директора института. По его инициативе в 1997 г. был создан Московский городской психолого-педагогический институт (с 2016 г. — Московский государственный психолого-педагогический университет), который в настоящее время является одним из ведущих вузов страны, готовящих специалистов в области психологии образования, практической психологии. Выпускники университета широко востребованы в самых разных сферах жизни общества.

При непосредственной поддержке В.В. Рубцова в Московском государственном психолого-педагогическом университете осуществляется многоплановая издательская деятельность, специализирующаяся на выпуске психологических изданий, в том числе тринадцати журналов по различным отраслям психологической науки, девять из которых включены в список ВАК, семь индексируются в международной базе Web of Science и один — в международной базе Scopus.

Юбилеаром опубликовано более 200 научных работ, включая фундаментальные монографии по общей, возрастной и педагогической психологии. Многие работы переведены на английский, французский, немецкий, японский и другие языки.

В.В. Рубцов — президент Федерации психологов образования России, член Президиума ФУМО ВО «Образование и педагогические науки», член Общественного совета Министерства образования и науки Российской Федерации по вопросам образования лиц с ОВЗ и инвалидностью, член Президиума Межведомственного совета по присуждению премий правительства Российской Федерации в области образования.

Научно-педагогическая деятельность В.В. Рубцова отмечена правительственными наградами: медалями им. К.Д. Ушинского (1995 и 1998), орденом Дружбы (1999) и орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2009). Он лауреат премии президента РФ в области образования (1998) и премии правительства РФ в области образования (2007), удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РФ» (2004), знака «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2003).

Научный и жизненный путь В.В. Рубцова является примером служения интересам российского образования, высшей школы и науки. Редколлегия журнала «Социальная психология и общество» поздравляет Виталия Владимировича с юбилеем и желает ему долголетия и новых творческих успехов!

Члены редколлегии

**Всероссийский конкурс профессионального мастерства
«ПЕДАГОГ-ПСИХОЛОГ РОССИИ – 2018»
Пресс-релиз от 11 сентября 2018 г.**

Министерство просвещения Российской Федерации
Общероссийская общественная организация
«Федерация психологов образования России»
Московский государственный психолого-педагогический университет

**11 октября 2018 года в 10:00
в Психологическом институте Российской академии образования (г. Москва)
состоится торжественная церемония открытия
Всероссийского конкурса профессионального мастерства
«ПЕДАГОГ-ПСИХОЛОГ РОССИИ – 2018»**

В этот день лучшие педагоги-психологи из 85 регионов нашей страны соберутся в главном психологическом институте России, чтобы дать старт очным испытаниям федерального этапа конкурса.

Площадкой проведения конкурсных испытаний Всероссийского конкурса «Педагог-психолог России – 2018» в период с 12 по 15 октября 2018 года станет федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» и Федеральный ресурсный центр по организации комплексного сопровождения детей с РАС.

В рамках конкурсных мероприятий для всех участников будут также проведены мастер-классы ведущими экспертами в области психологии образования.

Завершится конкурс 16 октября 2018 года торжественным объявлением победителя, призеров и лауреатов конкурса в Министерстве просвещения Российской Федерации.

В торжественной церемонии открытия и закрытия конкурса примут участие представители органов государственной власти Российской Федерации, российские ученые и эксперты в области образования и науки.

Организаторы конкурса:

Министерство просвещения Российской Федерации, Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Конкурс проводится ежегодно с 2007 года в целях повышения профессионального уровня и наиболее полной реализации творческого потенциала психологов образования России, повышения престижа психологической службы в системе образования в Российской Федерации.

Задачи конкурса:

- создание условий для самореализации педагогов-психологов, раскрытия их творческого потенциала;
- выявление талантливых педагогов-психологов системы образования Российской Федерации, их поддержка и поощрение;
- распространение передового профессионального опыта педагогов-психологов организаций, осуществляющих образовательную деятельность, на всех уровнях образования;
- тиражирование лучших психолого-педагогических практик и инновационных технологий оказания психолого-педагогической помощи участникам образовательных отношений.

Конкурс проводится в два этапа:

- в региональном этапе принимают участие педагоги-психологи образовательных организаций и центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи субъектов Российской Федерации;
- в федеральном этапе участвуют педагоги-психологи – победители регионального этапа конкурса.

Порядок проведения конкурса определен положением о конкурсе.

Программа проведения конкурсных мероприятий – на официальном сайте конкурса <http://педагогпсихолог.рф>.

Аккредитация СМИ

На сайте МГППУ: <http://mgppu.ru/project/info/4/5996>

Фатима Эркенова, к. филол. н.,

Начальник отдела по информационной политике и связям с общественностью управления информационными и издательскими проектами Московского государственного психолого-педагогического университета

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29. Офис 408

+7 (495) 607-64-17 (офис/office)

+7 (926) 923-02-19 (моб./mob.)

e-mail: ErkenovaFS@mgppu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *Л.Л. Черкасова*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *L.L. Cherkasova*

Maker-up *M.A. Baskakova*